

Сутра Помоста Шестого Патриарха

«Сутра Помоста Шестого патриарха» является центральным произведением чань-буддизма, излагающим все основные постулаты этого течения. Здесь приведен вариант «Сутры» XIII века (так называемый вариант Цзунъюя, 1291 г.), ставший каноническим для всего учения Чань и вошедший в Трипитаку. Первоначальный вариант «Сутры» был создан в середине VIII века. По преданию, он был записан учеником Хуэйцзэна Фахаем (автором предисловия к «Сутре»), однако более вероятно, что реальным составителем текста был другой ученик Хуэйцзэна — Шэньхуэй.

д.и.н., проф. А.А.Маслов*.

Предисловие Дэи (1290)

О утонченный Путь-Дао, пустой и сокровенный, нельзя даже помыслить твой смысл! И лишь забыв о словах, можно постичь его суть...

Слова «Сутры Помоста» просты, но смыслом богаты, ясны своим принципом и решимостью к поступкам, — все это способствует [вхождению] в бесчисленные врата Буддийской Дхармы.

«Сутра Помоста» была во многом сокращена последующими поколениями, а поэтому [теперь уже] не увидишь сути учения Шестого патриарха во всей ее великой полноте. Когда я, Дэи, был молодым, я видел старую копию текста и с тех пор уже тридцать лет разыскивал ее. И вот сегодня после поисков я получил полный текст, что передавался через наших предков¹. Я опубликовал его, [когда жил] в чаньском Убежище Отдохновения (Сюсюань), что в Учжуне².

Предисловие Фахая

Имя нашего наставника было Хуэйцзэн. Отцом его был Лю Синтао, а мать происходила из рода Ли. Он появился на свет между 11 часами вечера и часом ночи в восьмой день второго месяца двенадцатого года Чэньгуаня (27 февраля или 28 марта 638 года³ — А.М.). Когда он родился, снопы света взметнулись в небо, а комната наполнилась удивительными ароматами. А к вечеру Два странных монаха посетили отца нашего наставника и сказали:

— Ребенку, что родился прошлой ночью, требуется дать благодатное имя. Пускай первый иероглиф его имени будет «Хуэй», а второй — «Нэн».

— А что означает «Хуэй» и что означает «Нэн»? — спросил отец.

— «Хуэй» означает умение даровать благодать живым существам, «Нэн» — способный на то, чтобы осуществлять деяния Будды, — ответили монахи.

Сказав это, они тотчас ушли, и никто так и не узнал, откуда они появились.

Наставник не пил молока матери — по ночам священные небожители приносили ему сладкие росы⁴. Когда он вырос и ему исполнилось 24 года, он услышал, [как монах читает] сутру и познал Путь. После этого он отправился в горы Хуанмэй в поисках благословения. Пятый патриарх понял, какие способности таятся в нем, завещал ему рясу и Дхарму и сделал его своим наследником. Произошло это в 661 году.

Наставник вернулся на юг, где скрывался в течение шестнадцати лет. На восьмой день первого месяца Ифэна (26 февраля 676 года — А.М.) он повстречал наставника Дхармы Иньцзуну и принялся с ним рассуждать о сокровенно-утонченном. И тут под воздействием проповеди нашего наставника Иньцзун получил просветление. На пятнадцатый день того же месяца, перед тем как собрать всю сангху, Хуэйцзин обрил себе голову⁵. На восьмой день второго месяца несколько монахов, известных своей благодатью, собрались вместе и посвятили его. Мастер винаи (монашеских правил — А.М.) Чжигуан из Сицзина провел его посвящение. Наставник винаи Хуэйцзин из Сучжоу наблюдал за правильностью ритуала. Наставник винаи Туньин из Цинчжоу выполнял обязанности учителя. Наставник винаи Цитоло из Индии читал молитвы и предписания. Наставник Трипитаки из Индии Мидо засвидетельствовал правильность действий всех остальных.

Помост для посвящения [в монастыре Фасинсы] был воздвигнут при династии Сун наставником Трипитаки Гунабхадрой⁶, который тогда же поставил [перед платформой] каменную стелу с надписью: «В будущем живой Бодисаттва получит здесь посвящение». В 502 году в период правления династии Лян наставник Трипитаки Цяю прибыл сюда по морю из Индии, привезя дерево Бо⁷, которое посадил перед помостом. Он же предсказал: «Через сто семьдесят лет живой Бодисаттва будет проповедовать учение Высшей колесницы под этим деревом и принесет спасение бесчисленному множеству людей. Обладая всей полнотой Дхармы, он воистину будет передавать печать сознания Будды».

Таким образом Наставник получил постриг, ему были переданы заповеди, и ради спасения сангхи он распространял учение о «единой передаче» [от сердца к сердцу] именно так, как было предсказано в прошлом⁸.

Весной следующего года Наставник покинул общину и отправился в монастырь Баолинь, а Иньцзун и еще тысячи монахов и мирян провожали его. Вскоре он прибыл в Цаоси. В то время наставник винаи Туньин, которого сопровождали несколько сот последователей, прибыл в монастырь Баолинь в Цаоси, узнав, что Наставник поселился в нем.

Увидев, что постройки монастыря слишком малы, чтобы вместить все общину, Хуэйцзэн решил расширить его. Он обратился к жителю этих мест Чэнь Ясяню:

— Я прошу Вас пожертвовать нам небольшой кусок земли, который я хотел бы покрыть своей нисиданой (монашескими одеждами для медитации, т.е. взял бы под покровительство — А.М.). Сможете ли Вы выполнить мою просьбу?

— Сколь широки Ваши одежды? — спросил Чэнь Ясянь.

Патриарх скинул свою рясу, показал ее Чэнь Ясяню, и тот согласился исполнить просьбу. Но когда Наставник раскатал свою одежду целиком, то она покрыла весь Цаоси. Четыре Небесных правителя, воплотившись в тела, опустились на колени и стали охранять это место по четырем направлениям. Благодаря этому холм, который располагался внутри монастырской ограды, стал называться Холмом Небесных правителей.

Чэнь Ясянь сказал: «Я постиг всю широту могущества Вашей Дхармы. Однако могилы моих предков лежат на этой земле, они завещали возвести здесь свои погребальные сутры, а поэтому прошу Вас сохранить их. Остальные же постройки [что остались на этой земле], Вы можете разобрать, если Вы захотите расчистить место для драгоценного монастыря, которому суждено стоять в вечности. В этих горах на вершинах встречаются живые драконы и белые слоны (благие знаки буддизма — А.М.), а поэтому пускай ваши постройки будут вровень с небом и не беспокоят то, что упокоено в земле».

Позже, когда приступили к сооружению монастыря, всем этим предписаниям строго следовали.

Наставник немало интересовался красотами близлежащих местностей, останавливался в разных местах на отдых, и со временем [в тех местах, где он останавливался], было возведено более тридцати построек. Одним из них стал монастырь Хуагосы, и Наставник даже повесил табличку с надписью на его воротах.

История монастыря Баолинь была следующей. Цияо — наставник Трипитаки из Индии, направляясь в Наньхай, проходил через местечко Цаоси. Испив немного воды из местного источника, он нашел вкус ее восхитительным. Подумав, что все это удивительно, он сказал своим ученикам: «Эта вода ничем не отличается от той, что [я пил] в Индии. Исток ее лежит наверняка в каком-нибудь священном месте, где следует возвести монастырь».

Они отправились по течению ручья и кругом видели горные водные потоки, что струились вокруг, и пики поразительной красоты. В восхищении Цияо воскликнул: «Вот поистине драгоценный лес (*Баолинь*) гор Индии!» А затем он обратился к жителям деревушки Цаоси: «Вы должны воздвигнуть монастырь в этих горах. Через сто

семьдесят лет величайшая драгоценность Дхармы возрастет и будет развиваться здесь, а тех, кто достигнет озарения, будет столь же много, сколько деревьев в этом лесу. И было бы благодатным дать монастырю имя "Драгоценный лес" — "Баолинь"».

Через некоторое время уездный секретарь Шаочжоу Хоу Цинчун доложил о том, что сказал Цзяо, на высочайшее имя, и император, отозвавшись на прошение, отослал в дар табличку, посвященную Баолиню⁹. Монастырь был возведен. Строительство его было завершено в 504 году в период правления династии Лян.

Перед Залом Будды располагался водоем, в котором порой появлялся дракон, производя немалый беспорядок и ломая деревья, что стояли вокруг. Однажды он появился вновь, представ особенно огромным и подняв большие волны в водоеме, облака и туман взметнулись вверх, заслонив небо, — это заставило трепетать монашескую общину. Наставник пожурил дракона: «Ты можешь появляться лишь огромным, но не можешь быть маленьким. Если бы ты был настоящим священным драконом, ты мог бы без труда изменяться. Когда бы ты имел небольшое тело, то мог бы становиться большим, а когда был огромен, мог бы становиться небольшим».

Дракон тотчас исчез, а через мгновение появился вновь, но на этот раз небольшим, и начал танцевать по поверхности водоема. Наставник поднял свою чашу и сказал: «Настолько ли ты смел, чтобы опуститься на дно моей чаши?» Дракон прыгнул, а Наставник подхватил его своей чашей так, что тот не мог даже двинуться. Наставник отнес свою чашу в зал, где он прочитал заклинание над драконом, который тотчас начал утрачивать свое тело и исчезать. Тело его стало лишь семи цуней, при этом сохранились голова, шея, рога и хвост — все это было решено хранить в монастыре. Позже Наставник наполнил водоем землей и камнями и возвел на этом месте железную ступу. Она и по сей день стоит с левой стороны перед Залом Будды.

Глава 1 ПОСТУПКИ И КАЧЕСТВА

Однажды, когда Великий учитель¹⁰ прибыл в монастырь Баолиньсы¹¹, наместник¹² области Шаочжоу¹³ вместе с чиновниками взойшли на гору¹⁴ и обратились с просьбой к учителю придти в монастырь Дафаньсы¹⁵, который находился внутри городской стены, дабы многие люди могли бы послушать проповедь о раскрытии связей между дхармами¹⁶. Как только учитель взойшел на помост¹⁷, наместник и с ним более тридцати чиновников, более тридцати конфуцианцев-книжников¹⁸, буддийские монахи и монахини¹⁹, последователи Пути²⁰ и миряне, числом более тысячи, — все они одновременно выразили учителю знаки почтения в надежде услышать важнейшие наставления в Дхарме.

Великий учитель, обратившись к людям, сказал:

О глубокоумудрые!²¹ Само-природа бодхи²² изначально чиста и не загрязнена²³. Поэтому необходимо лишь использовать эту чистую душу и уже благодаря этому можно непосредственно обрести состояние Будды²⁴. О глубокоумудрые! Лишь вслушайтесь в смысл моего жизненного пути и моих поступков, благодаря которым я и сумел достичь Дхармы.

Отец мой строгий родом был из Фаньяна, затем переехал в Линьнань и стал жителем области Синьчжоу²⁵. В ту пору бытие наше было безрадостно, отец рано угас, мы со старушкой-матерью стали влачить жалкую жизнь и вновь переехали, теперь уже в Наньхай.

Жизнь наша была полна трудностей и бедна, и существование наше я поддерживал лишь тем, что торговал дровами на рынке.

Однажды некий чужестранец пришел покупать дрова и попросил меня отнести купленные дрова к нему на постоянный двор. После того как чужестранец получил дрова, он вручил мне деньги. Выйдя из ворот наружу, я увидел, как какой-то незнакомец читает вслух буддийские сутры. Лишь только я услышал слова сутры, как тотчас сердце мое пробудилось, и я спросил:

— Что за сутру читает почтенный господин?

— Это — «Алмазная сутра» («Пратья-парамита сутра» — А. М.)²⁶, — ответил незнакомец.

— Откуда вы пришли? Где сами услышали эту сутру? — продолжил любопытствовать я.

— Я пришел из монастыря Дунчаньсы, что расположен в области Цичжоу в уезде Хуанмэйсянь²⁷. Руководит этим монастырем Пятый патриарх — Великий учитель Хунжэнь, а учеников в его братстве — более тысячи человек. Я пришел туда, поклонился учителю и получил от него эту сутру. Великий учитель нередко приглашает к себе монахов и обращается к ним с такими словами: «Надо лишь придерживаться наставлений "Алмазной сутры", и тогда сам прозреешь свою изначальную природу и непосредственно станешь Буддой».

Послушав эти речи, и из-за того, что еще раньше на мне лежала печать предопределения (пратьяя), я удостоился получить от незнакомца десять лян серебра, которые он велел мне оставить матери, чтобы та не страдала без одежды и еды. После чего он наставил меня отправиться в уезд Хуанмэйсянь и поклониться Пятому патриарху. Обустроив жизнь матери, я распрощался с ней, и вот не прошло и тридцати дней, как я уже достиг уезда Хуанмэйсянь и поклонился Пятому патриарху²⁸.

Пятый патриарх спросил:

— Откуда ты родом? К чему ты стремишься? Твой ученик — простолюдин родом из Линьнани, из области Синьчжоу. Я пришел издалека поклониться Учителю и стремлюсь лишь к тому, чтобы обрести Будду [внутри себя]. Никаких других стремлений я не имею, — произнес я в ответ.

— Родом ты из Линьнани, да и вид у тебя дикаря²⁹. Как же тебе стать Буддой? — удивился патриарх.

— Люди хотя и разделяются по своему происхождению на южан и северян, но природа Будды в своем изначалии не имеет ни севера, ни юга. Хотя дикарь по своему виду и отличается от монаха, в чем же они отличаются по своей природе Будды?³⁰ — в ответ спросил я.

Пятый патриарх желал еще поговорить со мной, но заметил, как его ученики обступили нас слева и справа, а поэтому велел мне идти вместе со всеми и приниматься за выполнение дел.

Я произнес: «Ученик, который в своем сердце постоянно порождает мудрость, никогда не расстанется с собственной изначальной природой. Именно это и есть нива благословения³¹. Так зачем же идти с монахами и заниматься какими-то делами?».

«Ах ты, дикарь! — воскликнул Пятый патриарх. — Хватит тебе рассуждать. Ступай к конским яслям [на задний двор]!»

Я, Хуэйцзэн, удалился на задний двор, где один из последователей велел мне рубить дрова. И этой работой занимался я больше восьми месяцев.

Однажды Пятый патриарх неожиданно подошел ко мне, [когда я работал на заднем дворе], и сказал: «Я думаю, что тебе можно найти достойное применение. Однако я беспокоюсь за то, что может найтись недобрый человек, который испортит тебя. Поэтому я и не захотел, чтобы ты так много говорил. Понимаешь ли ты, о чем я говорю?» Я ответил: «Ученик понимает смысл сказанного его учителем. Поэтому Вы и не позволили мне проявить себя перед братством, дабы другие братья не искусились».

Как-то раз Пятый патриарх собрал учеников и обратился к ним: «Нет в мире дела более великого, чем [цепь] людских рождений и смертей!³² День ото дня вы лишь пытаетесь достичь чертогов счастья, но не стремитесь избавиться от того моря страданий, что [несет в себе бесконечная череда] рождений и смертей. И тем самым вы замутняете собственную изначальную природу. А заслуги — кого они могут спасти? Пускай каждый из вас прозреет

высшую мудрость и обретет природу мудрости-праджни³³, что коренится в его сердце, а затем напишет об этом мне стих-гатху³⁴. Тот, [в чьей гатхе будет видно] просветление и Великий Смысл, тот и получит от меня рясу и Дхарму³⁵ Шестого патриарха. И поторопитесь! Не задерживайтесь, ибо напряжение сознания отнюдь не означает срединного использования³⁶. Человека, что прозрел свою внутреннюю природу, можно сразу узнать, стоит ему сказать лишь [слово об этом]. И даже если он находится в пылу сражения³⁷, его можно сразу заметить».

Получив наставления, ученики удалились и принялись говорить друг другу: «Стоит ли всем нам очищать свое сердце в поисках смысла, создавая гатху, и показывать ее Его Святейшеству? Старший монах

Шэньсюй³⁸, что является нашим наставником³⁹, должен получить [рясу Шестого патриарха]. И даже если мы будем с превеликим тщанием писать гатху, то это окажется лишь пустой тратой сил».

Послушав друг друга, ученики решили отдохнуть сердцем [и не писать гатху], заявив: «Мы и так последуем за мудрым Шэньсюем. Так к чему нам еще неприятности?».

Шэньсюй же размышлял: «Никто из учеников не будет писать гатху лишь потому, что я являюсь их наставником, а поэтому я один обязан написать гатху и передать ее Учителю. Если же и я не захочу делать этого, то как же патриарх узнает, что в сердце моем я прозрел освобождение [от мирских страстей], [познал] и мелкое и глубокое? Если смысл того, что я примусь за написание гатхи, заключен в стремлении получить Дхарму, то он — добродетелен. Если бы он объяснялся лишь желанием получить титул патриарха, то был бы недобродетелен. Так чем бы я отличался от человека с обычным сердцем, что стремится просто украсть место патриарха? Но если я не напишу гатху, то я не получу и передачу Дхармы. Вот великая трудность!».

Перед залом Пятого патриарха было три галереи, стены которых были расписаны придворным художником Лу Сюем⁴⁰ на мотивы «Ланкаватара-сутры»⁴¹, а также «Схем кровеносных каналов Пятого патриарха» (генеалогическая линия школы — А.М.), дабы запечатлеть это событие в памяти будущих поколений.

Когда Шэньсюй закончил писать гатху, он пытался несколько раз вручить ее патриарху, но каждый раз, лишь только он становился перед залом [патриарха], сердце его приходило в смятение, по телу начинал струиться пот, и он все никак не мог набраться мужества и войти к патриарху. И хотя за четыре дня он предпринял тринадцать попыток, патриарх так и не получил его сочинения.

Шэньсюй же подумал: «Не написать ли мне [гатху] на стене галереи, здесь ее случайно и заметит патриарх? Если он высоко отзовется о ней, то я пойду поклонюсь патриарху и скажу, что это написано мною, [Шэнь]сюем. Если же он

отзовется о гатхе плохо, то скажу, что я провел в горах [Хуанмэйшань вместе с патриархом] несколько лет, мне поклонялось множество людей, но сумел ли я выпестовать Дао?».

Ночью в третью стражу (в 12 час. — А.М.) тайно от всех, держа в руках лампу, он начертал гатху на южной стене галереи, дабы патриарх мог узреть его сердце.

Гатха гласила:

*Тело наше — это древо Бодхи⁴²,
Сердце подобно подставке для ясною зеркала.
Час за часом мы тщательно протираем его,
Не оставляя ни мельчайшей пылинки.*

Написав гатху, Шэньсюй тотчас вернулся в свою келью, и ни один человек ни о чем не узнал. Шэньсюй же думал: «Днем Пятый патриарх увидит мою гатху, и если она понравится ему, то я буду достоин принять Дхарму⁴³. Если же он будет недоволен, то значит, я заблуждаюсь, препятствия предыдущей кармы тяготеют надо мной, и я не достоин принять Дхарму. О, сколь сложно проникнуть в мысли патриарха!» Так он предавался мыслям в своей келье, лежал, но не мог успокоиться и так провел время до пятой стражи (до утра — А.М.).

Патриарх же уже знал, что Шэньсюй так и не вошел во врата Дхармы, не прозрел свою внутреннюю природу⁴⁴. Как только рассвело, он послал за художником Лу [Сюем] и отправился вместе с ним к южной стене галереи обсудить росписи. Здесь он случайно и увидел гатху, [что написал Шэньсюй]. Патриарх сказал [художнику]: «Вы можете не расписывать эту стену, простите, что Вам пришлось придти издалека. Сутра говорит: "Все проявления нашего мира — пусты и иллюзорны". Было бы лучше оставить эту гатху здесь на стене, дабы люди могли повторять этот стих. Если они будут воспитывать себя, опираясь на эту гатху, они сумеют избежать Пути зла, [обусловленного нашим существованием]⁴⁵. Поистине, велика будет заслуга того, кто будет пестовать в себе [смысл] этой гатхи!»

А затем патриарх приказал ученикам: «Возожгите благовония и поклонитесь в знак уважения, повторите эту гатху, дабы вы смогли узреть ее внутреннюю природу». Повторив гатху, все монахи воскликнули «Как замечательно!».

Во время третьей стражи (в полночь — А.М.) патриарх послал за Шэньсюем, велел ему явиться к нему в зал. [Когда тот пришел], патриарх обратился к Шэньсюю:

— Не ты ли написал гатху?

— Действительно, это я написал, — ответил Шэньсюй. — Я не надеюсь занять место патриарха, но надеюсь, что Вы, Учитель, проявите милосердие и скажете, обладает ли Ваш ученик хотя бы малой толикой мудрости!

— Написав эту гатху, — сказал патриарх, — ты не прозрел собственной изначальной природы. Ты лишь подошел ко вратам Дхармы, но не проник внутрь. Если таким образом стремиться к освобождению, искать непревзойденно высокое просветление-бодхи, то вряд ли ты добьешься успеха. Для непревзойденно высокого просветления-бодхи необходимо познать собственное изначальное сердце, что стоит за словами, прозреть изначальную природу, [выйти из круга] рождений и смертей и в любой момент постоянно думать о самосозерцании. Мириады дхарм никогда не останавливаются, а в одной истине пребывают все истины. Таковы мириады миров. Таково и наше сердце — а это значит, что оно и есть воплощение истины. И если именно так ты будешь взирать на все это, то это и станет самоприродой непревзойденно Высокого бодхи. Иди, поразмышляй один-два дня [над тем, что я сказал тебе], а затем напиши новую гатху и принеси ее мне посмотреть. Если эта гатха будет [свидетельствовать] о твоём вступлении во врата, то ты соответствуешь и рясе и Дхарме.

Шэньсью поклонился и удалился. Но вот прошло уж несколько дней, а гатха все еще не была готова, сердце пребывало в смятении, дух и мысль никак не могли успокоиться, и он будто грезил наяву. Сидел, стоял — все было ему не в радость.

Как-то через пару дней один молодой монашек проходил через галерею и повторял вслух слова гатхи, [что написал Шэньсью]. Я, Хуэйнан, лишь только услышал эту гатху, тотчас понял, что нет в ней прозрения изначальной природы. И хотя не являлся я наставляющим учителем, [каковым был Шэньсью], я с раннего времени познал Великий смысл. Я спросил монашка:

— Что за гатху Вы повторяете?

— Ты, дикарь — откуда тебе знать об этом? Великий учитель [Хунжэнь] так сказал: «Нет в мире дела более великого, чем [цепь] людских рождений и смертей. Тот, кто желает принять от меня рясу и Дхарму, должен сочинить гатху и показать ее мне. Если я почувствую в ней Великий смысл, то передам этому человеку рясу и Дхарму Шестого патриарха. Старший монах Шэньсью начертал на южной стене галереи "Гатху об отсутствии внешних проявлений", и Великий учитель велел всем нам повторять ее, [сказав]: "Надо пестовать себя на основе этой гатхи, дабы избежать Пути зла. Поистине, велика будет заслуга того, кто будет пестовать в себе [смысл] этой гатхи"».

— Я тоже должен повторять эту гатху, чтобы в будущем достичь плодов этого! — воскликнул Хуэйнан.

О премудрый!⁴⁶ Вот уже в течение восьми месяцев я молочу рис и даже не подходил к залу [настоятеля]. И я лишь мечтаю о том, чтобы Вы, премудрый, показали мне, где написана гатха, дабы я мог свершить перед нею поклонение.

Монашек отвел меня к тому месту, где была написана гатха, дабы я мог поклониться. Я же сказал: «Я не умею читать, поэтому прошу Вас, достойный монах, прочтите мне ее». В тот момент находился там окружной помощник цензора⁴⁷ из области Цзянчжоу⁴⁸ по фамилии Чжан, по имени Жиюн, который и прочел эту гатху громким голосом. Я, послушав ее, сказал:

— У меня тоже есть одна гатха, льщу себя надеждой, что чиновник запишет ее.

— Поистине удивительно, — воскликнул чиновник, — что ты также способен сочинить гатху!

— Я лишь страдаю обрести непревзойденно высокое просветление-бодхи, — вновь обратился я к чиновнику, — не пренебрегайте новичком. Даже самые низкие люди могут обладать высочайшей мудростью, а высочайшие люди могут не обладать ни смыслом, ни мудростью. Если Вы будете с пренебрежением относиться к другим, Вы впадете в бесчисленное множество грехов.

— Что ж, — сказал чиновник, — диктуй свою гатху, я запишу ее для тебя. Но не забудь, если ты получишь Дхарму, прежде всего спаси именно меня!

Хуэйинэн произнес гатху:

*Изначальное бодхи — отнюдь не дерево,
У пресветлого зеркала нет подставки.
Изначально не существовало никаких вещей,
Так откуда же взяться пыли?⁴⁹*

Как только чиновник записал эту гатху, все, кто присутствовал при этом, были столь поражены, что даже не смогли сдержать возгласов восхищения. Все говорили друг другу: «Сколь удивительно! Нельзя судить о людях по их внешности! Как оказалось, что столь долгое время среди нас был воплощенный бодисаттва?!».

Патриарх [Хунжэнь], увидев, сколь была поражена паства, убоялся, что это может навредить мне, и поэтому сказал о гатхе: «И он тоже не прозрел свою внутреннюю природу».

Все решили, что так и есть.

На следующий день патриарх тайно пришел в помещение, где молотили рис. Увидев, как Хуэйинэн, привязав к пояснице камень⁵⁰, толчет рис, патриарх сказал: «Человек, что стремится к [познанию] Пути, ради Дхармы готов забыть и о собственной жизни. Так ли это?». А затем спросил: «Готов ли рис?» — «Рис готов уже давным-давно! — ответил я. — Он лишь ждет, когда его просеют».

Патриарх ударил три раза своим посохом и удалился.

Я, Хуэйцзэн, тотчас понял, что имел в виду патриарх. Как только пробила третья стража, я вошел в покои к [патриарху]. Патриарх, развернув свою монашескую рясу⁵¹ как ширму, дабы никто не мог видеть нас, начал проговаривать «Алмазную сутру». Как только он дошел до пассажа: «Следует пробудить свое сердце, будучи свободным от любых привязанностей»⁵², я, Хуэйцзэн, получив Великое Озарение, воскликнул: «Все мириады дхарм неотделимы от нашей собственной изначальной природы!».

[Затем], обращаясь к патриарху, я сказал: «Когда бы я мог подумать, что наша внутренняя природа изначально абсолютно чиста! Когда бы я мог подумать, что наша внутренняя природа изначально свободна от цепи рождений и смертей! Когда бы я мог подумать, что собственная внутренняя природа абсолютно самодостаточна!

Когда бы я мог подумать, что собственная внутренняя природа изначально недвижима! Когда бы я мог подумать, что собственная внутренняя природа изначально способна породить мириады дхарм!».

Поняв, что я получил просветление, патриарх, обратившись ко мне, сказал: «Тому, кто не познал собственного изначального сердца, не будет пользы от изучения Дхармы. Если же ты познал изначальное сердце свое, прозрел собственную изначальную природу, то будешь зваться "мужем достойным", "Наставником

Небес и людей" и "Буддой"»⁵³.

Так, когда пробила третья стража, я, Хуэйцзэн, получил Дхарму, и никто из людей не узнал об этом. Мне было передано учение о моментальном просветлении, а также патра и ряса. [Патриарх] сказал: «Отныне ты — Шестой патриарх. Оберегай себя, распространяй наше учение и не дай ему прерваться».

Пятый патриарх заговорил вновь: «Когда первый патриарх Бодхидхарма впервые пришел на землю, люди не поверили ему. Поэтому его ряса передается как воплощение веры из поколения в поколение. Дхарма же передается от сердца к сердцу, и только лишь собственными усилиями можно достичь самопросветления и самоосвобождения. С давних времен было принято от Будды к Будде передавать изначальную суть [учения], от наставника к наставнику наследовать тайную печать изначального сердца. Поскольку [передача] рясы может привести к спорам, ты будешь последним [в этом ряду], и не передавай ее дальше. Если ты передашь рясу другим, то жизнь твоя будет висеть на шелковинке (находиться в опасности — А.М.). Тебе надо побыстрее уходить! Боюсь, что другие могут причинить тебе вред».

Я спросил: «Куда же мне податься?» Патриарх ответил: «Дойдешь до Хуай[цзи] — пережди, а как дойдешь до [Сы]хуэй — укройся там»[54](#).

Получив после третьей стражи патру и рясу, я сказал: «По происхождению я — южанин, а поэтому не знаю местных горных троп. Как же мне выйти к реке, [чтобы сесть на лодку]?» Пятый патриарх ответил: «Тебе не стоит беспокоиться, я сам провожу тебя».

Пятый патриарх проводил меня до станции Цзюцзян[55](#), а там велел мне сесть в лодку и сам взялся за весло. Я воскликнул:

— Пускай высокочтимый монах сядет, Ваш ученик сам возьмет весло!

— Именно я должен переправить тебя через реку[56](#), — ответил Пятый патриарх.

— Когда человек пребывает в заблуждениях, именно учитель должен переправлять его. Просветленный же человек переправится сам, — ответил я. — Хотя для всех существует лишь одно слово «переправляться», но используют его по-разному. И хотя я, Хуэйнан, родился на границе и речь моя неправильна, но я удостоился чести принять от Достойного учителя передачу Дхармы и сегодня достиг просветления. И я должен благодаря собственной внутренней природе переправить себя сам!

— Именно так! Именно так! — воскликнул патриарх. — Отныне учение Будды благодаря тебе станет повсеместным. Через три года после твоего отъезда я покину этот мир[57](#). Лучше тебе уйти именно сегодня, приложить все усилия, чтобы попасть на юг. Но не торопись со своей проповедью — буддизм нелегко распространить.

Распрощавшись с Пятым патриархом, я отправился на юг и приблизительно через два месяца достиг пика Даюй[58](#). Тут я заметил, что несколько сот людей следуют за мной, намереваясь украсть патру и рясу. Среди них был один монах, в миру носивший фамилию Чэн и имя Хуэйминь[59](#). Когда-то [в мирской жизни] он был военачальником четвертой степени[60](#), характером обладал грубым, мыслями был горяч и выделялся среди тех, кто преследовал меня.

Я скинул рясу и положил ее вместе с патрой на камень, воскликнув: «Ряса эта — не более чем символ веры. Так стоит ли враждовать из-за нее?» Затем я укрылся в зарослях травы.

Вперед выступил Хуэйминь, попытался обнаружить [меня], но не смог и взмолился: «Послушник, послушник![61](#) Я пришел не за рясой, а пришел за Дхармой!»

Тогда я, Хуэйцзун, вышел из своего укрытия и, скрестив ноги, сел на камень. А Хуэйминь, отвесив мне поклон, сказал: «Надеюсь, что послушник наставит меня». Я ответил: «Поскольку ты пришел за Дхармой, то тебе следует прежде всего очистить сердце от всех проявлений [внешнего мира], пускай ни одна мысль не рождается в тебе. Тогда я буду наставлять тебя».

После того как [Хуэй]минь медитировал в течение долгого времени, я обратился к нему: «Не размышляя о добре и зле, прямо сейчас можешь ли ты мне сказать, каковым был твой изначальный лик?»[62](#)

Как только Хуэйминь услышал эти слова, он тотчас получил просветление и тем не менее вновь спросил: «Есть ли еще какой-то тайный смысл за пределами тех тайных речей и того тайного смысла, [который проповедовали чаньские патриархи]?» Я ответил: «То, что я говорю тебе, не относится к тайному. Если ты обратишь свой ясный взор внутрь себя, то именно там обнаружишь ты тайное». Хуэйминь воскликнул: «Я, Хуэйминь, хотя и учился в горах Хуанмэй[63](#) [у Пятого патриарха], в действительности так и не узрел собственный истинный лик. Сегодня после мудрых наставлений я стал подобен страдающему от жажды человеку — лишь он может воистину знать, что такое холодная и горячая вода. Прошу Вас, Брат, станьте моим наставником».

Я ответил: «Если это так, то и я и Вы являемся учениками одного наставника из Хуанмэй, берегите себя». Хуэйминь вновь спросил: «Куда теперь отправиться Хуэйминю?» Я, Хуэйцзун, сказал: «Дойдешь до Хуай[цзи] — пережди, а как дойдешь до [Сы]хуэй — укройся там». При этих словах [Хуэй]минь поклонился.

Затем я пришел в Цаоси, но и там недобрые люди преследовали меня, и мне пришлось укрыться в Сыхуэй среди охотников. В течение пятнадцати лет я проповедовал охотникам. Охотники показывали мне свои силки, но лишь стоило мне увидеть живое существо, [что попало в силки], я его отпускал. Когда приходило время еды, я клал [охотникам] овощи в котел для мяса. Некоторые спрашивали меня, я же говорил в ответ: «Ешьте только овощи, что лежат рядом с мясом».

Однажды я размышлял: «Настало время проповедовать Дхарму, не должен я постоянно вести затворническую жизнь». После этого я покинул эти места и отправился в Гуанчжоу в монастырь Фасинсы (*Монастырь природы Дхармы*)[64](#)

Как раз в ту пору там мастер Иньцзун[65](#) наставлял [монахов] в «Махапаринирване-сутре»[66](#). Однажды, когда флажки, [что стоят вокруг монастыря], развевались под порывами ветра, один монах сказал: «Ветер находится в движении», другой же возразил: «Флажки находятся в движении», — и так спору их не было конца. Я, подойдя к ним, сказал: «Это не ветер находится в движении и не флажки находятся в движении, это сердце ваше пребывает в движении». Вся монашеская община была немало поражена.

Наставник Иньцзун пригласил меня [в зал] и усадил на почетное место, после чего стал задавать вопросы о сокровенном смысле сутр. Он заметил, что речи мои просты, но принцип их точен и не проистекает из книжного знания. [Инь]цзун сказал:

— Брат, Вы, безусловно, неординарный человек! Я уже давно слышал, что ряса и Дхарма из Хуанмэй [от Пятого патриарха] перекочевала на Юг. Уж не вы ли *тот* человек?

Я ответил:

— Не достоин [Вашей похвалы]. Иньцзун тотчас поклонился и попросил:

— Покажите монахам ту патру и рясу, что передали Вам.

Затем [Инь]цзун вновь обратился ко мне: — Когда вы покидали [пятого патриарха] в Хуанмэй, какие наставления он дал Вам?

— Не было никаких других наставлений, — ответил я, — кроме рассуждений о прозрении внутренней природы, равно как и не было наставлений о дхиане и освобождении⁶⁷.

— Почему же вы не обсуждали дхиану и освобождение?

— Это означало бы наличие двух учений [о спасении] и не являлось бы учением Будды. «Махапаринирвана-сутра», которую Вы проповедуете, четко разъясняет, что Природа Будды и есть Учение (Дхарма) Будды и она недвойственна. Например, в этой сутре бодисаттва говорит: «Тот, кто грешит четырьмя видами зла (*парагика*)⁶⁸, творит пять смертных зол⁶⁹, проповедует ложные взгляды (*ичантика*)⁷⁰, обрубают ли он корни добра в своей природе Будды?» Будда отвечает: «Существует два типа корней добра (или "благодатных корней" — А.М.). Первый — это постоянные, второй — непостоянные. Поскольку природа Будды не постоянна и не непостоянна, то

[корни добра] невозможно обрубить, посему зовется это недвойственным. Существует добро и существует отсутствие добра. Природа Будды не добра и не недобра — это и зовется недвойственным. С мирской точки зрения, составляющие части личности (*скандха*) и формы нашего сознания (*дхату*) представляют собой два начала⁷¹, однако мудрец понимает, что по природе своей они не двойственны. Недвойственная природа и есть природа Будды».

Иньцун, услышав эти слова, возрадовался, сложил руки перед грудью [в знак восхищения] и сказал: «Моя интерпретация сутр подобна кускам черепицы, Ваши рассуждения — что чистое золото». После этого он остриг мне волосы [в знак окончательного посвящения] и попросил меня взять его в ученики. Под деревом Бодхи я, Хуэйнан, открыл для себя школу Дуншань⁷².

Пока я, Хуэйнан, получал Дхарму в Дуншане, существование мое было полно трудностей и жизнь моя порой висела на волоске.

Сегодня все мы: наместник и чиновники, буддийские монахи и монахини, последователи Пути и простолюдины — собрались здесь вместе, как не отнести все это за счет причин, что коренятся в предыдущих кальпах! Случилось это также благодаря нашим общим благодатным корням, что проросли из наших прошлых молений Будде. Именно по этим причинам вы смогли услышать наставления в высочайшем учении о внезапном просветлении. Учение это передавалось нам от первомудрецов, и отнюдь не я сам придумал его. Каждый, кто желает услышать это учение первомудрецов, должен очистить свое сердце, а услышав его, каждый должен устранить все сомнения, и тогда вы ничем не будете отличаться от мудрецов прошлых эпох.

Вся паства, услышав это учение, возрадовалась, поклонилась и разошлась.

Глава 2

О ВЫСШЕЙ МУДРОСТИ-ПРАДЖНЕ

На следующий день наместник Вэй вновь попросил патриарха произнести проповедь. Патриарх пригласил всех сесть и, обращаясь к собравшимся, сказал: «Все могут очистить свое сердце и мысли, читая "Махапраджняпарамита-сутру"»⁷³.

Затем он продолжил:

О глубокоумные! Мудрость бодхи-праджни (трансцендентного знания о просветлении — А.М.) живет в основе каждого из вас, и лишь из-за того, что наше сердце погружено в заблуждения, вы не можете достичь пробуждения. А поэтому надо обратиться к человеку, великому своей добротой и знаниями (наставнику — А.М.)⁷⁴, что может наставить вас, чтобы [он помог] вам узреть свою изначальную природу. В основе природы Будды нет различий между глупцом и мудрецом, и лишь по причине наших заблуждений возникает эта разница. Поэтому сегодня я буду говорить о «Махапраджняпарамита-сутре», дабы каждый из вас сумел постичь ее мудрость. Твердые сердцем пусть внемлют истине, я поведаю ее вам.

О глубокомудрые! Многие люди, которые произносят слово «праджня», внутри своей природы даже и не знают, что такое праджня. Это подобно тому, как говорить о пище и никогда не испытать насыщения. Если уста лишь говорят о пустоте (санскр. шуньята), то и мириад кальп не хватит, чтобы прозреть свою изначальную природу, и никакой пользы от этого в конце концов не будет.

О глубокомудрые! «Махапраджняпарамита» — это санскритское слово, и означает оно «великая мудрость, которая позволяет достичь противоположного берега». Мы должны именно своим сердцем, а не словами или рассуждениями следовать этому. Если же будем опираться лишь на слова и рассуждения, а не на проникновение сердцем, то это будет сродни иллюзиям или метаморфозам, выпавшей росе или вспышке молнии, [что тут же исчезают]. Если же вы будете следовать этому и сердцем и речами, то сердце и речь будут взаимно откликаться друг другу. Изначальная природа — и есть Будда. И вне нашей природы не может быть другого Будды.

Что мы называем «Маха»? «Маха» означает «Великий» («Большой»), а это значит, что усилия сердца [в самоочищении] безгранично велики. Это подобно пустоте, у которой нет границ, она не может быть круглой или квадратной, малой или большой, не может она также быть ни зеленой, ни желтой, ни красной, ни белой, нет у нее ни верха, ни низа, ни длинного, ни короткого. Она не может быть опечалена или обрадована, нет в ней ни истинного, ни ложного, ни добра, ни зла, нет ни начала, ни конца. И все чертоги Будды (*ксефра*) подобны этой пустоте. Утонченная природа всех людей в своей основе пуста, и даже одной дхармы нельзя обнаружить там. Вот каковы само-природа и истинная Пустота!

О глубокомудрые! Слыша мои слова о Пустоте, не начинайте сразу же придерживаться идеи пустотности! Прежде всего, нельзя «придерживаться» Пустоты! Если вы опустошите свое сердце и будете сидеть в умиротворении, то это уже будет «пустота, что не оставляет даже следов».

О глубокомудрые! Пустота, что царит в мире, может вобрать в себя мириады образов и форм, таких, как солнце, луна и звезды, горы, реки и вся земля, источники, родники и ручьи⁷⁵, трава, деревья и лесные чащи, добрые и злые люди, добрые и дурные дхармы, небесный рай и земной ад, все моря и гора Шумера, — все это умещается в Пустоте. Пустота человеческой природы подобна именно этому.

О глубокомудрые! Само-природа, которая способна вобрать в себя мириады дхарм, поистине велика, и все эти мириады дхарм пребывают внутри человеческой природы. Тогда мы смотрим на людей не как на «добрых и злых», мы не принимаем и не отвергаем ничего и даже не бываем ничем затронуты. Сердце, что подобно Пустоте, и называется Великим. А поэтому [в названии сутры и присутствует слово] «Маха» — «Великий».

О глубокомудрые! То, о чем заблудший человек предпочитает говорить, то мудрый человек претворяет в своем сердце. Есть и такая категория заблудших людей, которые сидят спокойно, опустошив свое сердце, и сохраняют свой разум чистым от сотен мыслей, называя это «Великим». Из-за их ложных представлений с этой категорией людей очень сложно говорить.

О глубокомудрые! Мощь сердца безгранично велика, поскольку она объемлет весь мир дхармы — Дхарма-дхату. Когда мы используем ее, мы можем постичь часть чего-либо, когда же еще больше используем ее, то можем познать все. Все и есть «одно», и это «одно» и есть все. Оно свободно приходит и уходит, не имея преград ни в сердце, ни в теле — вот это и есть мудрость-праджня.

О глубокомудрые! Всеобщая мудрость-праджня рождается из нашей само-природы, а не приходит извне. Не ошибитесь в использовании этого смысла! Это называется «самоиспользование истинной природы».

Истина одного — это истина всего. Великое дело, [что требует] усилия сердца нельзя сотворить на малом Пути⁷⁶. И не стоит весь день напролет рассуждать о Пустоте, не пестуя ее в сердце! Тот, кто поступает так, уподобляется простолюдину, который именует себя императором, но никогда не сможет им стать. Такому не быть моим учеником!

О глубокомудрые! Что же называется «праджней»? В переводе на китайский это означает «мудрость». В каком бы месте, в какое бы время вы ни находились, ни одна мысль не должна замутнить вас, вот тогда вы и будете постоянно следовать праджне. Если хотя бы одна мысль замутила [ваш разум], то вся праджня разрушилась. Но если хотя бы одна мысль обрела мудрость, то тотчас родилась и [всеобщая] праджня. Многие люди пребывают в заблуждениях и замутнении и не способны увидеть праджню. Их уста произносят «праджня», сердце же пребывает в помутнении. Они часто говорят о себе: «Я пестую праджню», рассуждают о пустоте в мыслях, но [на самом деле] не знают истинной пустоты. Праджня не имеет ни формы, ни проявлений — вот какова мудрость сердца. И если мы будем понимать ее именно так, то лишь в этом случае можно назвать это мудростью-праджней.

Что такое «парамита»? В переводе с языка западной страны (с санскрита — А.М.) на китайский язык это означает «переправиться на другой берег», но если трактовать смысл, то — «преодолеть рождения и смерти». Когда говорят о мире рождений и смертей, его уподобляют [месту], на которое воды накатывают волнами [и откатывают назад], а поэтому и называют его «берегом». Вырваться в мир, где нет ни рождений, ни смертей, подобно тому, как [достичь места], где воды всегда спокойны в своем токе, а поэтому именуют это состояние [достижением] «противоположного берега». Вот почему оно называется «парамитой».

О глубокомудрые! Люди, находящиеся в заблуждении, повторяют [«Праджняпарамиту-сутру»] своими устами, но когда они делают это, то рождаются лишь иллюзии и фальшь. Если же этому следовать своими мыслями, то только такое состояние и можно назвать истинной природой. Получить просветление в этом учении означает получить учение праджни. Тот, кто пестует это в себе и следует этому, тот следует праджне. Тот же, кто не пестует этого — остается лишь простолюдином. Даже если только одной мыслью следуешь этому, то уже своим телом⁷⁷ становишься равен Будде.

О глубокомудрые! Всякий простолюдин [в основе своей] является Буддой, равно как и незнание [в основе своей] является просветлением-бодхи. Тот, кто своими предыдущими мыслями пребывал в заблуждении, тот и является простолюдином, последующие же мысли о просветлении делают его Буддой. Тот, кто в своих предыдущих мыслях держался за этот мир, тот пребывал в незнании, тот же, кто в своих последующих мыслях отринул этот мир, тот и реализовал в себе просветление-бодхи.

О глубокомудрые! Махапраджня-парамита — самая почитаемая, самая высшая и наипервейшая. Она нигде не пребывает, никуда не уходит и ниоткуда не пришла. И Будды всех трех миров⁷⁸ вышли именно из нее. И мы должны использовать эту великую мудрость, дабы разбить пять скандх, наше незнание (*клеша*) и пыль мира⁷⁹. Если воспитывать себя этим путем, то это и будет путь Будды, и тогда «три яда» (алчность, гнев и глупость, или иллюзии — А.М.) превратятся в следование предписаниям (сила), в созерцание (*самадхи*) и в мудрость (*праджня*).

О глубокомудрые! Наша школа дхармы [учит], что всего лишь из одной праджни рождаются 84 тысячи [путей] мудрости!⁸⁰ Как это может быть? Да потому, что все люди обладают 84 тысячами типов [незнания, возникшего] в мирской пыли, и если бы не было этой мирской пыли, то их мудрость была бы постоянной и никто бы не отделялся от своей природы. Такой способ просветления и был бы отсутствием мыслей, отсутствием воспоминаний, отсутствием чего бы то ни было, не рождались бы иллюзии, собственная истинность была бы подобна изначальной природе, а мудростью можно было бы узреть сияние (получить просветление — А.М.), и [в своем сердце такой человек] не держался бы ни за какую вещь и не отвергал бы ни одной дхармы. Это и есть то, что называется «взирая на собственную природу, стать Буддой».

О глубокомудрые! Если вы хотите глубоко проникнуть в мир Дхармы (*дхармадхата*) и в самадхи мудрости-праджни, необходимо следовать праджне и воспитывать ее в себе. [Для этого следует] повторять вслух «Ваджрачхеდიку-сутру» — тогда и можно прозреть собственную природу. Постигайте заслуги и добродетели, [что изложены] в этой сутре, и несть им ни числа, ни границ. То, что содержится в сутре, само по себе достойно искреннего восхищения, и словами этого никогда не выразить до конца. Именно эта буддийская школа и есть самая Высшая колесница, а сказаны [слова этой сутры] для людей великой мудрости, для людей высших корней. Если же ее слышит человек малой мудрости и малых корней, в сердце его рождается недоверие [к ним]. Почему же так происходит? Если Небесные драконы прольют ливень над Джамбудвипой⁸¹, то и города и все люди будут смыты

водой, словно трава и листва. Если же такой ливень прольется в океан, то [воды] в нем не убавится и не прибавится. Точно так же и люди Большой колесницы или люди самой Высшей колесницы — если слышат слова «Ваджрачхедика-сутры», то тотчас раскрывают свое сердце к пробуждению и освобождению, поскольку познали мудрость того, что их изначальная природа уже сама по себе содержит праджню, и они сами используют эту мудрость, извечно взирая на сияние, не обманывая себя письменами. Все это подобно дождевой воде, что берется ниоткуда, изначально проливаясь Драконами, обильно орошая всех людей, все травы и деревья, все чувственное и бесчувственное. [А затем] сотни рек, неся свои воды, впадают в океан, образуя тем самым «единое тело». Этому подобно и знание изначальной природы мудрости-праджни всех живых существ.

О глубокомудрые! Человек малых корней, когда слышит это учение о внезапном просветлении, уподобляется траве и деревьям с неглубокими корнями — лишь только прольется ливень, как тотчас все они полягут, ибо неспособны прорасти глубоко. Таков человек неглубоких корней! А ведь и он изначально имел мудрость-праджню, ничем не отличаясь от людей великой мудрости. Так почему же, слушая [слова сутры], он сам не достигает пробуждения? Потому что ложные взгляды наложили уже на него свою печать, а незнание глубоко пустило свои корни, словно солнце, закрытое облаками — пока не подует ветер и не разгонит облака, свет сам так и не пробьется сквозь них. Праджня не различает в себе великого или малого, это лишь сердца людей неодинаковы — у кого замутнены, у кого просветлены. [Человек], чье сердце пребывает в заблуждениях, взирает лишь вовне, надеясь через поступки обрести Будду, но так и не достигает пробуждения своей природы, — это и есть люди неглубоких корней. Если же внезапно прозреть свою природу, не держась ни за какие внешние поступки, но лишь в сердце постоянно поддерживая праведные взгляды, то ни незнание, ни мирская пыль никогда не смогут затронуть [такого человека], — вот это и будет [человек], прозревший свою изначальную природу.

О глубокомудрые! Не пребывать ни внутри, ни снаружи, свободно приходить и уходить (т.е. рождаться и умирать — А.М.), иметь способность устранять привязанности сердца и распространяться повсеместно, не имея преград, — человек, что способен следовать этому, ничем не отличен от того [идеала, которому учат] в своей основе сутры школы праджни⁸².

О глубокомудрые! Все сутры⁸³, школы Большой и Малой колесницы, двенадцать канонов⁸⁴ предназначены для людей, различных [по характеру и взглядам]. И лишь потому, что воистину существует праджня изначальной природы, оказалось возможным создать [все эти писания]. Ведь если бы в мире не было людей, то не появились бы и эти мириады учений. А поэтому можно сказать, что познание всех этих способов поднимается из самой основы человека. Все писания и книги созданы словами человека. Среди людей существуют глупцы и мудрецы: глупец есть «ничтожный человек», мудрец есть «великий человек». Глупцы вопрошают мудрых людей, а те отвечают им. Глупец может внезапно получить пробуждение и освобождение своего сердца, и в этом он ничем не отличается от мудреца.

О глубокомудрые! Без просветления даже Будда ничем не отличался бы от массы живых существ, но появилась лишь мысль о пробуждении — и вот уже массы живых существ стали Буддами. А поскольку знание всех дхарм (мириад способов), в конечном счете, пребывает в нашем сердце, так почему же, исходя из нашего сердца, не прозреть внезапно истинную таковость (*тапхата*) изначальной природы? [Именно об этом] «Бодисаттва сила-сутра»⁸⁵ говорит: «Наша изначальная само-природа чиста», что означает: познав то, как в своем сердце узреть изначальную природу, все могут встать на путь Будды. «Вималакирти-нидresha-сутра»⁸⁶ говорит об этом так: «И в тот момент он внезапно прозрел и вернулся к своему изначальному сердцу».

О глубокомудрые! Лишь только я услышал речи преподобного [Пятого патриарха] Хунжэня, как тотчас достиг просветления и внезапно узрел истинную таковость изначальной природы. Именно поэтому я и распространяю это учение, дабы все те, кто сегодня овладевают Путем-Дао, могли внезапно пробудить в себе бодхи и дабы каждый сам, взирая в свое сердце, узрел изначальную природу. Если же он не может сам достичь пробуждения, то должен искать великого своей добротой и знающего наставника (*калаянамитра*), дабы тот растолковал ему учение самой Высшей колесницы и непосредственно указал правильный путь. Этот добрый и знающий человек и представляет собой важнейшую причину и основание⁸⁷, что называется «изменять и направлять [людей], дабы они смогли прозреть свою внутреннюю природу». Все добрые и знающие наставники, искушенные в Дхарме, способны сделать это, потому что и Будды трех миров, и все двенадцать канонов уже и так сами по себе живут в природе человека, но порой люди не могут самостоятельно достичь пробуждения и должны попросить доброго и знающего наставника указать им способ к прозрению. Тем же людям, кто способен самостоятельно достичь просветления, нет нужды искать что-то вовне. Абсолютно неверно думать, что без помощи доброго и знающего наставника нет надежды достичь освобождения. Почему это так? Потому что в нашем сердце уже существует знание о самопробуждении. Но если мы придерживаемся ложных взглядов и заблуждений и нас занимают лишь иллюзорные мысли, то нам не поможет даже помощь доброго и знающего наставника, оказанная наставлениями извне. Если же мы пробудим в себе правильные, истинные взгляды на праджню, тотчас все, что находится между нами, будет уничтожено, сгинут иллюзорные мысли, поскольку мы познали изначальную природу и, пробудившись, достигли земли Будды.

О глубокомудрые! Когда мы, взирая внутрь себя, постигаем высшую мудрость, то освещаем тем самым все как внутри, так снаружи, познавая собственное изначальное сердце. А познание собственного изначального сердца и есть освобождение в самой основе. Такое достижение освобождения являет собой самадхи праджни, которое и есть «вне-мыслие» (*у нянь*). Что мы называем «вне-мыслием»? «Вне-мыслие» — это такое состояние, когда мы знаем и прозреваем все дхармы, но сердце наше при этом не загрязняется. Когда мы его используем, оно распространяется повсеместно и в то же время не пребывает ни в каком [конкретном] месте. Единственное, что мы должны делать — это очищать наше изначальное сердце, чтобы шесть типов знания вошли в шесть врат⁸⁸, и, проходя через эти шесть врат, ничто бы не загрязнило и не затронуло нас, а свободно приходило бы и уходило, проникало без всяких преград — именно это и есть самадхи, или пребывание в состоянии освобождения. Имя этому

— «поступки во вне-мысле». Если же [придерживаться доктрины] «не думать ни о чем», дабы прервать все мысли, то это уже будет являться путями дхарм, и мы называем это «крайними взглядами»⁸⁹.

О глубокоумудрые! Тот, кто достиг просветления в способе «вне-мысле», тот проник и в мириады других способов (дхарм). Тот, кто достиг просветления в способе «вне-мысле», узрел чертог Будды. Тот, кто достиг просветления в способе «вне-мысле», тот достиг и престола Будды.

О глубокоумудрые! Те, кто позже станут последователями моей школы и передадут это учение о внезапном просветлении тем, кто един с ними и взглядами и поступками, выразят желание сделать своим основным делом следование Будде, отдадут жизнь на это и не отступят, те обязательно займут место совершенномудрых. Таким следует молчаливо⁹⁰ (от сердца к сердцу) передавать те знаки⁹¹, что получены от предыдущих поколений, ничего не утаивая в этом правильном учении. Тем же, кто придерживается иных взглядов и поступков, пребывая в другом учении, не следует передавать знаки, поскольку это может лишь принести вред [учению] предыдущих поколений [патриархов], а для них самих в изучении этого не будет никакой пользы. К тому же, боюсь, глупцы все равно не поймут этого, но лишь оклеветают нашу школу Дхармы на сотню калп, и на тысячи жизней прервут природу семян Будды.

О глубокоумудрые! У меня есть «Хвалебный гимн Тому, что не имеет проявлений», каждый из вас должен хорошо запомнить его и [где бы вы ни были], дома или вне дома (т.е. монахом или мирянином — А. М), совершайте поступки, следуя ему. Если же сами не будете этому следовать и лишь запомните мои слова, то пользы от этого не будет.

Итак, слушайте мою гатху:

Проповедь распространяется, и с ней распространяется учение, будто солнце появляется в пустоте.

Передавай способ прозрения изначальной природы, ибо смысл [твоего] прихода в этот мир заключается в том, чтобы разбить ложные взгляды.

В Дхарме не бывает «внезапного» и «постепенного», лишь время просветления или заблуждения бывает коротким или долгим.

Существуют лишь эти врата к прозрению изначальной природы, но глупцы не смогут узнать этого.

И хотя мы можем объяснить это мириадами способов, но все это сливается вместе, возвращаясь к Единому.

Мрак незнания поселяется в нас, а поэтому постоянно необходим свет мудрости, что рождается в нас.

Лишь только приходит ложное, тотчас устанавливается незнание; но стоит придти правильному, то незнание сразу же рассеивается⁹².

Но если мы не используем ни «ложное», ни «правильное», то чистота, [что рождается в нас], не знает пределов.

Основа бодхи — это [возвращение] к своей изначальной природе, а [попытка] пробудить только мысли о сердце будет лишь иллюзией.

Чистое сердце может пребывать и в иллюзиях, но праведное сердце уже свободно от трех препятствий⁹³.

Людам, что пребывают в этом мире, если они пестуют Дао, уже ничего не повредит. Если же научимся постоянно прозревать собственные ошибки, то сможем находиться в соответствии с Дао. Каждое живое существо имеет свой Путь, а поэтому ни одно из них не может повредить другому. Не ищи другого Дао вне Дао, ибо положишь на это всю жизнь, но так и не узрешь Дао. Ты лишь будешь брести к этому всю жизнь, но в конце концов лишь расквешься. Если же ты хочешь узреть истинный Путь, следуй праведному — это и есть Путь. Но если ты не обладаешь сердцем Дао, то будешь идти во мраке и никогда не увидишь Путь. Тот человек, что воистину пестует Дао, не смотрит на ошибки этого мира. Если ты подмечаешь недостатки других людей, то лишь приумножаешь собственные. Если другие люди ошибаются, я не должен ошибаться; если же я ошибся, то это — только моя собственная ошибка. Лишь самому, избавившись от ошибок в сердце, можно разорвать [путы] незнания. Если ни ненависть, ни любовь не тревожат наше сердце, то можно, вытянув обе ноги, [безмятежно] спать. Тот, кто хочет изменять других людей, сам должен обладать [сокровенным] умением. Если у людей уже не поднимается в душе сомнений, значит они узрели собственную природу. Учение Будды, что существует в этом мире, неотделимо от чувств этого мира. Искать просветление-бодхи вне мира столь же [бессмысленно], как искать рога у зайца. Правильные взгляды мы зовем «трансцендентными», ложные взгляды зовем «мирскими»⁹⁴. И когда разбиваются как правильные, так и ложные взгляды, то проявляется природа бодхи. Гимн этот принадлежит школе внезапного просветления и зовется он «Великим челном Дхармы, [что переправляет через океан страданий и грехов]». В течение долгих кальп человек может пребывать в заблуждениях, но лишь достигнет пробуждения, и [все эти заблуждения] тотчас сгинут.

Затем Наставник сказал: «Сегодня в этом монастыре Дафаньсы я поведал вам учение о внезапном просветлении. Все живые существа, что пребывают в этом мире Дхармы (дхармату), если последуют моим словам, то, прозревав Учение, станут Буддой!»

В этот момент наместник Вэй, все чиновники, [что были с ним], последователи Дао (монахи — А.М.) и миряне, слушавшие проповедь учителя, испытали просветление, и не осталось никого, кто бы не испытал его. Все они поклонились и воскликнули: «Поразительно! Кто бы мог подумать, что Будда родился в Линьнани!».

Глава 3 ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Однажды наместник Вэй обратился к Наставнику с просьбой провести [молитву] перед большим вегетарианским собранием. После приема вегетарианской пищи наместник Вэй попросил патриарха подняться на помост. Поклонившись вместе с чиновниками, монахами и простолюдинами, [что присутствовали здесь], Вэй сказал:

— Я, Ваш ученик, слушал то, о чем Вы, Преподобный, говорили. Содержание этого столь глубоко, что не может быть ни постигнуто мыслью, ни выражено словами. Сейчас у меня есть немного вопросов, и надеюсь, что Вы, проявив великое милосердие, разъясните их мне.

— Если есть у вас сомнения, то спрашивайте, — ответил Наставник, — я отвечу Вам.

— То, что проповедует Преподобный, — это и есть суть [учения] Великого Учителя Бодхидхармы? — спросил Вэй.

— Да, так и есть.

— Я слышал, что, когда Бодхидхарма впервые наставлял лянского правителя У-ди, правитель спросил у него: «Я всю жизнь строю монастыри, помогая монахам, подаю милостыню и следую постному образу жизни. Каковы мои заслуги и добродетели?». Бодхидхарма ответил ему: «На самом деле нет ни заслуг, ни добродетелей». Я не понял этого принципа Бодхидхармы, прошу, растолкуйте его мне.

— «На самом деле нет ни заслуг, ни добродетелей» — без сомнения, это слова Первопатриарха! Сердце У-ди было погружено в ложные [представления], и правильное учение было неизвестно ему. Строить монастыри, помогать монахам, подавать милостыню и питаться постным — все это зовется стремлением к счастью, а счастье не может считаться заслугой или добродетелью. Заслуги и добродетели заключены в теле Дхармы — дхармакае, а не в пестовании собственного счастья.

Затем наставник продолжил:

— Прозреть изначальную природу — вот заслуга, находиться в равновесии [со всеми живыми существами] — вот добродетель. Мысль за мыслью пробегает, не имея преград, ты постоянно видишь изначальную природу и воистину можешь использовать утонченное — вот это и зовется заслугами и добродетелями. Когда внутри вас сердце пребывает в пустоте — вот это заслуга. Когда внешние поступки соотносятся с ритуалом — вот это добродетель. Когда само-природа утверждает себя в мириадах дхарм — вот это заслуга, когда основа сердца отринет всякие мысли — вот это добродетель. Не отрываться от само-природы — это заслуга, использовать [весь мир], не загрязняясь им, — это добродетель. Если стремитесь найти заслуги и добродетели в этом мире дхармакаи, следуйте тому, [что я сказал], лишь тогда это и будет истинными заслугами и добродетелями. Человек, что пестует заслуги и добродетели, в своем сердце не пренебрегает [другими людьми], он постоянно выражает почтение им. Тот же, кто в сердце своем постоянно пренебрегает другими и не может отрешиться от эгоизма⁹⁵, у того нет заслуг. В том, чья само-природа пребывает в пустых иллюзиях и не знает реальности, конечно же, нет добродетелей. И все это из-за того, что он слишком ценит себя и пренебрегает всеми остальными.

О глубокомудрые! Когда между мыслями не бывает промежутка — это истинная заслуга, когда сердце пребывает в равновесии — это и есть истинная добродетель. Пестовать свою внутреннюю природу — вот заслуга, пестовать собственное тело — вот добродетель.

О глубокоумудрые! Заслуги и добродетели можно увидеть лишь изнутри собственной изначальной природы, и их нельзя достичь ни подачей милостыни, ни молитвами — вот в чем заключено различие между «счастьем и добродетелью» и «заслугами и добродетелями». Правитель У-ди не знал истинного Принципа, и нет ни малейшей ошибки в том, что сказал Первопатриарх.

Наместник Вэй спросил вновь:

— Я, Ваш ученик, часто вижу, как монахи и миряне повторяют имя Будды Амитабхи, надеясь возродиться в Западной земле⁹⁶. Пожалуйста, Преподобный, скажите, можно ли возродиться вновь? Надеюсь, вы разрешите мои сомнения!

— Слушайте меня внимательно, господин наместник, — произнес Наставник, — и я, Хуэйцзэн, объясню Вам! Судя по тому, что сказано в сутре, [записанной со слов] Шакьямуни в городе Шравастии⁹⁷, о том, как достичь Западной земли, абсолютно ясно, что Западная земля находится недалеко отсюда. Если выразить это расстояние⁹⁸ в ли, то получится 108000 ли, и лишь из-за того, что в нас пребывают десять зол и восемь грехов⁹⁹, мы говорим, что она находится далеко. Тот, кто говорит, что она находится далеко, — это человек неглубоких корней, тот же, кто говорит, что она близка, — это человек великой мудрости. Люди бывают двух типов, но в Дхарме не бывает двух челнов, [которые переправят человека на другой берег ради его спасения].

Существует разница между людьми заблуждающимися и [способными] к просветлению, а проявляется она в том, быстро или медленно [приходят эти люди к просветлению]. Заблуждающийся человек, повторяя имя Будды, просит его о возрождении в том краю, а просветленный человек сам очищает свое сердце. Как раз об этом говорил Будда: «Вместе с очищением вашего сердца очищается и Земля Будды»¹⁰⁰.

И пускай Вы родились в Восточных землях, но если Вы чисты сердцем, то нет на Вас греха. Если бы Вы родились в Западной земле и при этом не были бы чисты сердцем, то это рождение само по себе не освободило бы Вас от грехов. Когда люди в Восточных землях совершают грехи, они повторяют имя Будды [Амитабхи], прося его о возрождении в Западной земле. Но если грехи совершат люди Западной земли, то о возрождении в какой земле им молиться? Обычные люди и глупцы не понимают собственной природы и не знают, что Чистая земля находится внутри них самих, а стремятся возродиться кто в Восточной, кто в Западной земле. Но для просветленного человека все кругом едино. Именно поэтому Будда сказал: «В каком бы месте вы ни оказались, везде вам будет извечно спокойно и радостно».

Господин наместник, если не останется в Вашем сердце такого места, где не было бы добра, то для Вас Западная земля окажется недалеко. Но для того, кто не добр сердцем, будет крайне трудно в молитве [угovorить] Будду и

возродиться [в Западной земле]. А поэтому сегодня, глубокомудрые, я призываю вас прежде всего истребить десять зол — и тогда вы сможете преодолеть сто тысяч ли. Затем истребите восемь грехов — и это позволит вам преодолеть оставшиеся восемь тысяч ли. Если в каждой мысли вы будете прозревать изначальную природу, постоянно пребывать в равновесии и [стоять] на прямом [Пути], то [достичь

Чистой земли будет столь же легко], как указать на нее пальцем, и вы без труда узреете Будду Амитабху.

Господин наместник, если вы будете следовать «десяти добродетельным заветам»¹⁰¹, стоит ли еще желать возродиться [в Западной земле]? Но если же Вы не искорените в своем сердце десять зол, то какой же Будда пригласит Вас к себе?

Если Вы поймете учение школы внезапного просветления о прекращении перерождений, то в то же мгновение узреете Западную землю. С другой стороны, для непросветленного, хотя он и молит о перерождении, повторяя имя Будды, дорога по-прежнему остается весьма далекой — как же ему достичь этого?

Теперь я, Хуэйнан, покажу всем здесь присутствующим Западную землю. Желаете ли вы этого?

Все присутствующие поклонились и сказали: «Если бы мы действительно могли увидеть это место, как тотчас поняли бы, стоит ли нам столь сильно желать возродиться там? Просим Вас, Преподобный, проявите милосердие, покажите нам прямо сейчас Западную землю!»

Наставник сказал:

— О Глубокомудрые! Тело и чувства человека — это город; глаза, уши, нос и язык — это его врата. Снаружи стоят пять врат, внутри же существуют еще и врата мысли. Сердце — это земля (основа — А.М.), внутренняя природа — владыка [этого города]. Правитель восседает на сердце-основе. Когда внутренняя природа пребывает [в постоянном прозрении], то существует и правитель, но лишь только [прозрение] внутренней природы исчезает, то уходит и правитель. Когда внутренняя природа находится в теле, то сохраняется и сердце, если же внутренняя природа уходит из тела, то и сердце портится. Будда создается нашей внутренней природой, а не внешними молитвами нашего тела.

Тот, чья внутренняя природа полна заблуждений, — тот обычное живое существо, тот же, кто достиг чувствования внутренней природы, — тот и Будда. Тот, кто преисполнен милосердия, — тот и бодисаттва Гуанинь¹⁰². Тот, кто любит подавать милостыню, — тот и бодисаттва Махастаха¹⁰³. Тот, кто способен очиститься, — тот и Шакьямуни. Тот, кто пребывает в равновесии и прямоте, — тот и Амитабха¹⁰⁴. Идея собственного «Я»¹⁰⁵ [делает человека]

подобным горе Меру, несправедное сердце подобно водам океана [существования], незнание-клеша — бурным волнам [в этом океане], жестокость и коварство — злым драконам, пустые иллюзии — злым духам, пыль мира (сяо лао) — болотным черепахам, алчность и гнев — подземный ад, а незнание (глупость) — лишь животный инстинкт. О глубокоумные! Если вы сможете постоянно следовать десяти добродетельным поступкам, тотчас достигнете небесного престола. Когда вы избавитесь от идеи собственного «Я», то падет и гора Меру. Развеете несправедность в сердце — высохнут воды океана, избавитесь от пут незнания-клеша — исчезнут и бурные волны. Забудете о жестокости и коварстве — и издохнут злые драконы. И когда вы в своем сердце-основе ощутите природу Татхагаты, то тотчас начнет происпускаться великий свет. Снаружи он озарит шесть врат и очистит их, в результате чего разобьются все шесть Небес желаний¹⁰⁶. Внутри этот свет озарит само-природу, уничтожит три зла и в один момент устранил все грехи, что ведут нас в ад. И когда снаружи и внутри все будет озарено, то мы ничем не будем отличаться от того, кто родился в Западной земле. Но если не следовать тому, что я сказал, то как же еще можно попасть в Западную землю?

Услышав эти слова, все слушающие в тот же момент прозрели собственную внутреннюю природу и поклонились патриарху, воскликнув в один голос: «О, сколь это чудесно!». А затем они пропели [один из буддийских гимнов]: «Пусть все живые существа в мире, что слышали эти слова, в тот же момент получают просветление и освобождение!». Патриарх вновь сказал:

— О глубокоумные! Тот, кто хочет пестовать [справедное] поведение, может делать это и в миру, ибо нет никакой необходимости [обязательно] удаляться в монастырь. Если вы пестуете справедливое поведение в миру, то становитесь подобны человеку из Восточной земли, чье сердце наполнено добротой. Если же вы не пестуете этого, даже находясь в монастыре, то уподобляетесь человеку, что пребывает в Западной земле, но при этом сердце его наполнено злом. Очищенное сердце и есть внутренняя природа того, кто пребывает в Западной земле.

Наместник Вэй спросил вновь: «Как же нам, пребывая в миру, совершенствовать себя? Прошу, наставьте нас в этом!»

Патриарх ответил:

— Для этого, мои слушатели, я дам вам «Гимн Тому, что не имеет формы». Если вы сумеете следовать ему, то ничем не будете отличаться от тех людей, что пребывают со мной постоянно. Если же вы не будете следовать этому, то какая будет польза от того, что вы острижете себе волосы и покинете дом, [став монахом]?

Гимн говорит:

Для того, чье сердце находится в равновесии, какой смысл соблюдать дисциплинарные правила?

Для того, кто непосредственно [следует Пути], какой смысл практиковать медитацию (дхиану)?

Исходя из принципа милосердия, мы чтим своих родителей и заботимся о них.

Исходя из принципа справедливости, высшие и низшие поддерживают друг друга.

Исходя из принципа церемонности, они пребывают во взаимном уважении и согласии.

Исходя из принципа терпения, не вступайте в ссоры даже в толпе злых людей.

Буравя дерево, можно добыть огонь.

Из мокрой черной грязи рождаются красные цветки лотоса¹⁰⁷.

То, что горько на вкус, может быть лекарством.

То, что порой режет нам слух, может оказаться честными речами.

Из исправления ошибок обязательно родится мудрость.

Если же мы придерживаемся ошибочного, то в сердце никогда не появится мудрость.

Каждый день неизменно помогай другим, [но помни], что воплощение Пути рождается отнюдь не из раздачи денег.

Найти бодхи можно лишь в своем сердце, так стоит ли труда искать сокровенное снаружи?

Если вы будете следовать тому, что только что услышали, то Небесный престол тотчас окажется перед вашими глазами.

Затем патриарх добавил: «О глубокоумудрые! Все вы должны совершенствовать себя, опираясь на гимн, который только что услышали, вглядываясь в собственную природу и непосредственно становиться на Путь Будды! Дхарма не ждет никого! Теперь вы все можете разойтись — я возвращаюсь в Цаоси. Если у кого-то еще появятся вопросы, вы можете придти ко мне [в Цаоси] и задать их».

В этот момент наместник Вэй с чиновниками, добродетельные мужи и благочестные дамы, что присутствовали на проповеди, — все достигли просветления. Они искренно уверовали в это учение и решили следовать ему.

Глава 4 САМАДХИ И ПРАДЖНЯ¹⁰⁸

Обращаясь к пастве, Учитель сказал:

— О глубокоумудрые! Моя буддийская школа считает своей основой созерцание и мудрость. Вы не должны впадать в заблуждение, восклицая: «Созерцание и мудрость — это разные вещи!». Созерцание и мудрость едины, а не двойственны. Созерцание — это основа мудрости, а мудрость — это функция (умение использовать — А.М.) созерцания.

О люди, изучающие Путь! Не говорите: «Сначала — созерцание, которое порождает мудрость» или: «Сначала — мудрость, которая порождает созерцание!», разделяя их. Придерживаться такого взгляда равносильно тому, что утверждать, будто Дхарма имеет два проявления. И хотя из ваших уст выходят добродетельные слова, в душе вашей далеко не столь добродетельно. И хотя в воздухе [носятся слова] о созерцании и мудрости, созерцание и мудрость оказываются все же не равны друг другу.

Если же и в душе и в устах пребывает добродетель, то внешнее и внутреннее становятся единым, а созерцание и мудрость оказываются равны друг другу. [Достижение этого] заключено в самопробуждении и самовоспитании, а не в словесных баталиях. Если такие баталии следуют одна за другой, то это равносильно введению других людей в заблуждение. Постоянные победы и поражения [в таких диспутах] ведут лишь к росту «собственной дхармы», и поэтому вам ни в коем случае не стоит отрываться от «четырех проявлении»¹⁰⁹.

О глубокоумудрые! Чему подобны созерцание и мудрость? Подобны они свету и светильнику¹¹⁰. Если есть светильник, то существует и свет, без светильника же наступает тьма. Светильник — это основа для света, а свет — это использование светильника. И хотя называются они различно, в своей основе они едины. Вот такова Дхарма созерцания и мудрости.

Обращаясь к пастве, Учитель произнес:

— О глубокоумудрые! Единое самадхи заключается в том, чтобы независимо от того, где ты находишься, идешь или стоишь, сидишь или лежишь, постоянно пестовать в себе праведное сердце. «Сутра Чистого имени» говорит: «Праведное сердце — это ваша молельня¹¹¹. Праведное сердце — это и есть Чистая земля»¹¹². Нельзя, чтобы душа и поступки были льстивы, но все необходимо говорить напрямую. Люди рассуждают о самадхи и при этом не следуют праведному сердцу!

Практикующие самадхи говорят: «Сиди в постоянстве, не двигаясь; не возбуждай сердце иллюзиями — это и есть самадхи». Те, кто дает такие разъяснения, подобны бесчувственному [камню], а это является препятствием в постижении Пути.

О глубокоумудрые! Путь растекается повсеместно! Но что может стать препятствием этому? Если сердце не мешает проявлениям дхарм¹¹³, то Путь распространяется повсеместно. Если же сердце препятствует проявлению дхарм, то это зовется «связыванием самого себя». И если даже говорят, что самадхи — это «сидеть в постоянстве, не двигаясь», то и это верно, надо лишь уподобиться Сариртре¹¹⁴, что сидел в молчаливом созерцании в лесу и был обруган Вималакирти¹¹⁵. О, глубокоумудрые! Еще встречаются люди, обучающие через сидячее созерцание обращаться к сердцу, прозревать покой, не двигаясь и не вставая, и через это достигать мастерства. Это заблудшие люди, ибо они не знают, что чем больше придерживаются этого, тем более безумными становятся. Увы, таких людей — очень и очень много. И подобные люди наставляют друг друга. Посему знайте — это величайшая ошибка!

Обращаясь к пастве, Учитель сказал:

— О глубокомудрые! Изначально в истинном учении не было разделения на «внезапное» и «постепенное»¹¹⁶, просто в самой природе человека заложено разделение на разумное (дословно «острое», «благоприятное» — А.М.) и тупое. Глупые люди совершенствуются в «постепенном», а разумные¹¹⁷ сближаются с «внезапным». Если ты познал собственное сердце, если ты узрел собственную природу, то для тебя не существует таких различий. Поэтому настаивать на «внезапном» или «постепенном» — это лишь [придерживаться] пустых названий суетного мира.

О глубокомудрые! Наша школа с самого своего возникновения сделала своим первейшим [моментом] пребывание вне мыслей, основным — отсутствие проявлений¹¹⁸, главным — отсутствие обители. Отсутствие проявлений заключено в том, чтобы, [пребывая] в проявлениях, отринуть эти проявления. Пребывание вне мыслей означает, что, обладая мыслями, мы не пребываем в них¹¹⁹. Отсутствие обители — это и есть изначальная природа человека. Все, что есть в мире: добро и зло, хорошее и дурное — все сводится к вражде и благодетанию. Словесные упреки и уколы, обман и вражду надо рассматривать как пустые [иллюзии], не помышляя ни о воздаянии, ни о каре.

В своих думах не стремись к грядущему миру¹²⁰. Если мысли о грядущем, прошедшем и настоящем непрерывно продолжают друг друга, то это зовется «опутыванием». Если же во всех дхармах ты пребываешь вне мыслей, то не существует и опутывания [ими]. Вот почему «отсутствие обители» (досл. «отсутствие пребывания» — А.М.) мы считаем главным.

О глубокомудрые! Когда снаружи отринешь все проявления, то зовется это «отсутствием проявлений». Тот, кто способен отринуть все проявления, обретает чистоту и незамутненность основного в Дхарме. А поэтому мы и считаем «отсутствие проявлений» основным.

О глубокомудрые! Если, пребывая в миру (*вишая*), наше сердце остается незагрязненным, то мы называем это «отсутствием мыслей». Стоит лишь перестать думать о мирадах вещей, как мысли тотчас прекратятся. Мысли прерываются и умирают. Просто перестать думать — величайшая ошибка. Люди, изучающие Путь, задумайтесь над этим! Если вы не знаете сути Дхармы, то такие ошибки особенно возможны, да к тому же вы еще вовлекаете в них и других людей. Мы не видим собственных заблуждений, а еще черним буддийские писания. [Наша школа] считает «отсутствие мыслей» наипервейшим [моментом].

О глубокомудрые! Почему же мы считаем «отсутствие мыслей» наипервейшим?

О глубокомудрые! «Отсутствие» — это отсутствие чего? «Думанье» — что это за явление? «Отсутствие» — это отсутствие двойственности проявлений, отсутствие мирских страстей в сердце. Думанье — это само-природа истинно сущего (*бхутататхата*)¹²¹. Истинно сущее — это основа думанья, а думанье — это использование

(функция) истинно сущего. Именно истинно сущее и само-природа могут породить думанье (мысли), а отнюдь не глаза, уши, нос и язык¹²². Истинно сущее содержит в себе изначальную природу и поэтому порождает думанье. Когда же истинно сущее подобно отсутствию, то глаза, уши, все материальное¹²³ и звуки тотчас разрушаются.

О глубокомудрые! Когда именно само-природа истинно сущего порождает думанье, то хотя шесть индрий¹²⁴ и включают в себя зрение, слух, ощущения и знание, но все же [в этом случае наша мысль] не сможет загрязнить мириады миров, а истинная природа будет неизменно пребывать в самой себе. Поэтому сутра говорит: «Тот, кто искушен в различении всех проявлений дхарм, тот постигнет первейший смысл [этого] и останется недвижимым».

Глава 5 О СИДЕНИИ В СОЗЕРЦАНИИ (ДХИАНА)

Обратись к пастве, Учитель сказал:

— С самого начала в нашей школе [внезапного просветления] сидение в медитации (*цзо чань*) отнюдь не заключалось лишь в созерцании собственного сердца. Не заключалось оно и в созерцании чистоты или в недвижимом [сидении]. Если же говорить о созерцании собственного сердца, то сердце изначально суетно (иллюзорно). Познание сердца подобно [познанию] иллюзий, а поэтому лучше не созерцать ничего. Если говорить о созерцании чистоты, то изначальная природа человека в своей основе чиста, лишь суетные мысли покрывают все истинно сущее¹²⁵. Однако вне суетных мыслей изначальная природа сама очищается. Если же, возбудив сердце, созерцать чистоту, то наоборот — лишь породить иллюзию чистоты. У иллюзии нет постоянного места — ведь одно созерцание уже само по себе есть иллюзия. Изначально чистота не имела ни форм, ни проявлений, но сейчас возникли [внешние, иллюзорные] проявления чистоты. На словах это называют мастерством (*гунфу*). Те, кто придерживаются таких взглядов, лишь препятствуют самопроявлению своей изначальной природы и только запутываются в этой чистоте.

О глубокомудрые! Я говорю о пестовании [созерцания] в не подвижности. Если взирая на самих людей и не глядеть на то, истинны они или ложны, добры или злы, на их удачи и беды, то уже одно это и есть [воспитание] не подвижности собственной природы.

О глубокомудрые! Заблуждающиеся люди хотя и могут быть не подвижны телом, но лишь откроют рот, как тотчас принимаются говорить о других людях — истинны они или ложны, хороши или плохи, добры или дурны, а это все противоречит Пути. И если именно таким образом созерцать сердце и созерцать чистоту, то это будет лишь препятствовать [истинному] Пути.

Обратившись к пастве, Учитель сказал:

— О глубокомудрые! Что мы называем «сидением в созерцании»? Наша школа¹²⁶ [считает], что когда внутри к этому нет ни препятствий, ни преград, а вовне все добро и зло, что царит в суетном мире, не возбуждает ни сердца, ни мыслей, то это и зовется «сидением». Когда, взирая внутрь, достигаем недвижности само-природы, то зовем это «созерцанием-чань» (*дхиана*).

О глубокомудрые! Что же мы называем «созерцанием-дхианой» и «концентрацией мыслей-самадхи»? Когда снаружи мы сумели отринуть все проявления-лакшаны, то это и есть созерцание-дхиана, а когда внутри нет хаоса, то это и есть концентрация-самадхи. Когда снаружи теснятся внешние проявления, то сердце может придти в хаос, если же снаружи ты сумел избавиться от всех проявлений, то хаос покидает сердце. Изначальная природа сама по себе самочиста и естественным образом пребывает в самадхи, но она приходит в хаос в тот момент, когда мы взираем на внешний мир и размышляем над ним. Если же у взирающего на внешний мир сердце не приходит в хаос, то это и есть истинное самадхи.

О глубокомудрые! Когда снаружи сумеешь отринуть все проявления — это и станет созерцанием-дхианой, а когда внутри тебя не станет хаоса, то это и будет самадхи. Снаружи царит созерцание (*чань*), внутри господствует самадхи — вот это и есть «самадхи-дхиана». Сутра о заповедях бодисаттвы говорит: «Моя изначальная природа с самого начала находилась в естественной чистоте и незамутненности».

О глубокомудрые! В своем потоке мыслей, в самосозерцании возвращайтесь к чистоте и незамутненности своей изначальной природы. Пестуйте себя, сами свершайте деяния¹²⁷ и тогда естественным образом обретете «Путь Будды»¹²⁸.

О глубокомудрые! Найти прибежище в просветлении — это то, что ценят те, кто ходит на двух ногах. Найти прибежище в истине — это то, что ценят те, кто свободен от желаний. Найти прибежище в чистоте — это то, что ценят живые существа. Начиная с сегодняшнего дня, называйте просветление своим Учителем и никогда более не обряцете убежища на пути внешнем, ложном и полном злых духов-гуй!

Глава 6 О ПОКАЯНИИ¹²⁹

Однажды Великий Учитель увидел, что к нему в горы пришла группа служилых и простолюдинов из области Шаочжоу, что в провинции Гуанчжоу, и из многих других областей, чтобы послушать его наставления в Дхарме. Тогда, поднявшись на помост, он обратился к собравшимся:

— Подходите! О глубокомудрые! Явление это [— путь достижения состояния Будды] можно прозреть, лишь пробудив собственную природу. Во все времена в своих мыслях [монахи] сами очищали свое сердце, сами пестовали свои

деяния, взирали на собственное космическое тело — дхармакаю¹³⁰, созерцали собственное сердце Будды¹³¹, сами отрекались [от мирской жизни] и сами [принимали на себя] заповеди — и лишь тогда они могли достичь этого [состояния], не боясь обмануться. Вы пришли сюда издалека, объединенные желанием познать это, собранные здесь единым предопределением. Теперь пускай каждый из вас сядет!¹³² Сначала я передам вам [учение о] «пяти частях ароматов¹³³ дхармакаи само-природы», затем же научу вас «покаянию без проявлений».

Все слушающие опустили на землю.

Учитель сказал:

— Первый [из пяти] — аромат заповедей¹³⁴. Это означает, что в твоём сердце не должно быть лжи, зла, зависти, алчности и гнева, не грабь и не причиняй вреда. Все это и называется «ароматом заповедей». Второй — это аромат самадхи, он заключается в том, что ни добро, ни зло, ни внешний мир, ни его проявления не должны приводить в хаос ваше сердце. Вот это и называется «ароматом самадхи». Третий — это аромат мудрости-праджни. [Он заключается в том, что] в твоём сердце нет никаких преград, ты постоянно со всей полнотой мудрости всматриваешься в собственную природу, не творя никакого зла. И хотя ты вершишь добрые дела для всей массы живых существ, в своём сердце ты не должен делать это слишком важным для себя. Уважай предков, думай о последователях, относись [к богатым] с сочувствием и помогай бедным. Вот это и есть «аромат мудрости». Четвёртый — это аромат освобождения [от пут всего мирского]. Он заключается в том, что твоему сердцу негде найти опору в отдельных проявлениях дхарм¹³⁵, ты не думаешь ни о добрых, ни о злых делах и сам пребываешь в отсутствии преград. Вот это и называется «ароматом освобождения». Пятый — это аромат познания и созерцания [состояния] освобождения¹³⁶. Он заключается в том, что твоему сердцу уже не за что цепляться ни в добре, ни во зле, но ты и не можешь, погрузившись в Пустоту, хранить одиночество, поэтому должен предаться учению и много слушать, постигая суть собственного сердца. Достигший буддийского Принципа единится с его сиянием и роднится с вещами, где нет ни меня, ни другого¹³⁷, и тогда он непосредственно достигает состояния бодисаттвы и неизменчивости собственной природы. Вот это и зовется «ароматом познания и созерцания [состояния] освобождения». О глубокоумудрые, каждый из этих ароматов происточает изнутри [природы человека], и не ищите их снаружи. Теперь настала пора преподать вам «покаяние вне проявлений». Как только вы сумеете уничтожить прегрешения всех трех миров¹³⁸, в тот же момент достигнете чистоты и незамутнённости трех карм¹³⁹. О глубокоумудрые! Пусть каждый из вас вслед за мной повторит следующие слова: «Я, ученик, обещаю, что с этого момента мысли о прошлом, настоящем и будущем не загрязнят [мое сознание] различными заблуждениями. С этого момента я приношу искреннее покаяние в прегрешениях, порожденных таким дурным делом как заблуждения, желаю уничтожить их раз и навсегда и вовек не возвращаться к ним. Я, ученик, обещаю, что с этого момента мысли прошлого, настоящего и будущего не загрязнят мое сознание чувством гордыни. С этого момента я искренне раскаиваюсь во всех прегрешениях, возникших из-за такого недоброго дела как гордыня, желаю уничтожить ее раз и навсегда и вовек не возвращаться к ней. Я, ученик, обещаю, что с этого момента мысли

о прошлом, настоящем и будущем не загрязнят меня чувством зависти. Я искренне раскаиваюсь во всех прегрешениях, порожденных таким недобрым делом как зависть, желаю уничтожить ее раз и навсегда и вовек не возвращаться к ней».

О глубокоумудрые! Все, что я сейчас вам поведал, и есть «покаяние вне проявлений». Что мы называем «раскаянием»? А что называем «покаянием»?¹⁴⁰ Раскаянием мы зовем признание своих прежних ошибок. И с этого момента мы окончательно раскаиваемся во всех недобрых делах, в таких прегрешениях как заблуждения, гордыня и зависть, дабы никогда не повторять их впредь. Только это и есть [истинное] раскаяние. Покаянием мы считаем как само покаяние, [так и обещание не повторять] в последующем всех ошибок, и с этого момента прозреваем сущность всех недобрых дел, таких прегрешений как заблуждение, гордыня, зависть, и [тем самым] навсегда кладем им конец, дабы никогда больше не совершать их. Вот только это и зовется покаянием. Поэтому все вместе это зовется

«покаянием и обещанием больше не совершать этого впредь».

Все впавшие в заблуждение способны лишь раскаиваться в своих предыдущих прегрешениях, но не могут сделать так, чтобы не совершать это впредь. Если нет покаяния [с обещанием не повторять ошибок вновь] и если предыдущие грехи не уничтожены, то прегрешения рождаются вновь. Так можно ли назвать это «покаянием с обещанием больше не повторять прегрешений»?

О глубокоумудрые! Я целиком передал вам смысл покаяния. Теперь же я раскрою глубокоумудрым смысл «Четырех великих обетов». Пусть каждый из вас внимательно слушает это, раскрыв свое сердце! «Я приношу обет освободить от суетного мира бесконечные мириады существ, что живут в моем сердце. Я приношу обет разрушить бесконечные пути омрачения¹⁴¹, что живут в моем сердце. Я приношу обет изучать неисчислимую школу Дхармы, что живет в моей внутренней природе. Я приношу обет достичь совершенства на Пути Будды, который живет в моей внутренней природе и выше которого нет»¹⁴².

О глубокоумудрые! Каждый сейчас говорит: «Мы даем обет спасти бесчисленное множество живых существ». Значит ли это, что не я, Хуэйцзэн, должен спасать их, [но они должны обрести спасение сами]? О глубокоумудрые! Те живые существа, что живут в нашем сердце, [созданы] сердцем, [полным] ложных взглядов и заблуждений, сердцем, [пропитанным] иллюзиями, сердцем, в котором нет добра, сердцем, [обуреваемым] завистью, сердцем, переполненным ядами и скверной. Каждый из людей должен спасти себя сам, опираясь на свою внутреннюю природу — только это и зовется истинным спасением.

Что же мы называем «спасением себя через свою внутреннюю природу»? Это спасение через праведные взгляды тех живых существ, что живут в нашем сердце и пребывают в путах ложных взглядов, заблуждений, страстей и незнания. Обладая такими праведными взглядами и при помощи мудрости-праджны, мы можем разбить оковы незнания и иллюзий этих живых существ, и каждое из них спасется само. Каждый приходящий к нам, в ком живут ложные взгляды, может быть спасен через праведность, а заблудший — через пробуждение. Тот, кто пребывает в незнании, будет спасен мудростью, а злой — добром. Именно такое спасение мы и называем истинным спасением.

И вновь [повторите за мной]: «Мы даем обет разбить бесчисленные путы заблуждений и страданий». Это значит, что мудростью-праджней мы устраним все пустые иллюзии, живущие в наших мыслях и в нашем сердце.

И вновь [повторите за мной]: «Мы даем обет изучать бесчисленную [в своих проявлениях] школу Дхармы». Необходимо самим прозреть нашу внутреннюю природу, постоянно следовать праведному учению — только это и будет называться «изучением воистину».

И вновь [повторите за мной]: «Мы даем обет достичь неизмеримо высокого Пути Будды». Это значит, что, смилив сердце, мы можем следовать истинной праведности, отринуть как заблуждения, так и [мысли] о просветлении и лишь постоянно порождать в себе мудрость-праджню. Избавиться от [мыслей] об истинном, избавиться от [мыслей] об иллюзорном — только так можно прозреть природу Будды. Именно это мы имеем в виду, говоря о «достижении Пути Будды». Надо постоянно думать об этом и следовать этому. Это и есть Дхарма силы обетов¹⁴³.

О глубокоумудрые! Сегодня я полностью раскрыл вам смысл «Четырех великих обетов», теперь же настала пора преподать вам, глубокоумудрые, «обет трех опор (прибежищ¹⁴⁴), что не имеют внешних проявлений».

О глубокоумудрые! Мы находим опору в просветлении, поскольку оно объединяет собою два начала: [заслуги-пунья и мудрость-праджню]¹⁴⁵.

Мы находим опору в праведности, поскольку она позволяет нам избавиться от желаний.

Мы находим опору в чистоте, поскольку это сердцевина того, что есть в живых существах.

А поэтому, начиная с сегодняшнего дня, сделайте своим Учителем просветление, дабы более никогда не возвращаться к внешнему пути ереси и демонов-мара!¹⁴⁶

Во всем этом мы должны постоянно сами выверять себя, обращаясь к внутренней природе и трем драгоценностям (Будда, его учение Дхарма и община-сангха — А.М.)¹⁴⁷. Именно здесь, глубокоумудрые, во внутренней природе и

трех драгоценностях, вы и должны искать себе опору. Будда — и есть просветление. Дхарма — и есть праведность. Сангха — и есть чистота.

Своим сердцем обретите опору в просветлении, дабы ложные взгляды и заблуждения не родились в вас, уменьшайте желания и познайте меру, сумеете избавиться от стяжательства и похоти. Все это и зовется «двумя мерами — [пунья и праджня]».

Своим сердцем обретите опору в праведности, и тогда вы всегда будете свободны от ложных взглядов. А будучи свободными от ложных взглядов, вы никогда не станете эгоистичными, высокомерными или алчными. И зовется это «избавлением от желаний».

Своим сердцем обретите опору в чистоте. И пускай множество мирских страстей царит в мире желаний, но наша внутренняя природа не затронута загрязнением. Вот это и зовется «сердцевиной живых существ».

И если вы сумеете следовать этому в ваших делах, то это и будет означать, что вы обрели опору внутри себя. Обычный человек не может даже понять смысл «обета трех опор», хотя с утра до ночи стремится к этому. И пускай он говорит, что находит себе опору в Будде, но разве он знает, где Будда находится? Если ты не узрел Будды, то как же ты можешь обрести в нем опору? Говорить так — лишь творить ложь.

О глубокомудрые! Пускай каждый из вас узреет и проверит [это]! Не используйте сердце попусту! В сутре ясно говорится: «Возвращаясь к себе, обретем опору в Будде», но отнюдь не сказано: «Возвращаясь, обретаем опору в Будде вне себя»¹⁴⁸. И если мы не обретем Будду внутри себя, то не будет никакого другого места, [где можно было бы найти Будду].

Теперь же, когда нам стал ясен смысл этого, каждый из вас должен обрести внутри своего сердца «три драгоценности». Внутри мы должны привести в гармонию сердце и внутреннюю природу, снаружи — быть уважительными к другим людям. Это и называется «обрести опору внутри себя».

О глубокомудрые! Теперь пускай каждый из вас внимательно слушает меня. Я расскажу вам о «трех телах (*трикая*) само-природы Будды, что пребывают в единстве», дабы вы смогли узреть эти три тела и ясно прозрели бы собственную природу. Пусть все повторяют за мной:

Нашим физическим телом, рупакаей, мы находим опору в абсолютно чистом теле Закона Будды (*дхармакая*).

Нашим физическим телом мы находим опору в абсолютно самодостаточном теле блаженства Будды (*самбхогакая*).

Нашим физическим телом мы находим опору в преображенном (приобретенном) теле Будды myriad изменений (нирманакайя)¹⁴⁹.

О глубокоумудрые! Наше физическое тело — лишь [временный] постоянный двор, и мы не можем быть уверены, что вернемся туда. Но все люди, что существуют в этом мире, внутри своей природы содержат три тела Будды. Однако сердца [обычных] людей пребывают в заблуждениях, и люди эти не способны прозреть собственную внутреннюю природу. Они ищут три тела Воистину пришедшего (Татхагаты — Будды) снаружи и не видят, что в их теле уже есть три тела Будды.

Слушайте меня! Сегодня я покажу вам, что если мы прозреем свою внутреннюю природу, то обнаружим в нашем собственном теле все три тела Будды. Эти три тела Будды рождаются из нашей изначальной природы, а отнюдь не приходят откуда-то снаружи. Что мы называем «чистой дхармакаей (телом Закона Будды)»? Изначальная природа всех людей, что живут в этом мире, абсолютна чиста, и именно из само-природы рождаются мириады дхарм. Размышления о дурных делах порождают дурные поступки. Размышления о добрых делах порождают добродетельные поступки. Таким образом все дхармы, что пребывают в нашей изначальной природе, извечно чисты как Небо, извечно ясны как луна. Будучи закрыты облаками, они станут светлыми наверху и темными внизу. Но стоит лишь подуть внезапному порыву ветра и разогнать облака, как свет распространится и вверх и вниз и проступят мириады форм. Замутнение и непостоянство природы людей, живущих в этом мире, может быть уподоблено облакам в небе.

О глубокоумудрые! Сокровенное знание подобно солнцу, трансцендентная мудрость-праджня подобна луне. Знание и мудрость извечно светлы. Во внешнем мире своими размышлениями мы словно облаками закрываем собственную изначальную природу, и от нее уже не исходит свет. Но если нам встретится добрый и искушенный в знаниях наставник (*каламита*), от которого мы услышим об истинной Дхарме, то все замутнения и иллюзии тотчас устранятся сами, снаружи и изнутри все станет освещено, и таким образом проступят мириады дхарм, что пребывают в нашей внутренней природе. Именно к этому приходит человек, что прозрел свою изначальную природу. Это и зовется «чистой дхармакаей».

О глубокоумудрые! Найти своим сердцем опору в нашей собственной природе равносильно тому, что обрести прибежище в истинном Будде. Тот, кто обретает такое прибежище, должен искоренить из собственной природы не доброту сердца, его завистливость и нечестность, эгоизм, лживость, пренебрежение к другим людям, снобизм, ложные взгляды, заносчивость, а также никогда не совершать не добродетельных поступков. Обретать прибежище внутри себя означает постоянно прозревать свою внутреннюю природу и преодолевать собственные ошибки, а не рассуждать о том, плохи или хороши другие люди.

Тот, кто всегда уважителен и кроток, тот и достигнет прозрения внутренней природы и не встретит препятствий на своем пути. Это и будет обретением опоры внутри себя.

Что мы называем «абсолютно самодостаточной самбхогакаей»? Возьмем, к примеру, светильник, что может разогнать тысячулетнюю тьму. Точно также и мудрость может уничтожить тысячулетние заблуждения. Не стоит нам размышлять о прошлом — оно ушло и его уж более нельзя вернуть. То, о чем мы должны размышлять, — это о будущем. Мысли наши ксана за ксаной (т.е. в любой момент — А.М.) должны быть абсолютно самодостаточными и пресветлыми, и тогда мы узреем собственную изначальную природу. Хотя добро и зло противоположны друг другу, изначальная природа недвойственна. Недвойственность изначальной природы зовется сутью изначальной природы. Суть изначальной природы не может быть загрязнена ни добром, ни злом. Это и есть «абсолютно самодостаточная самбхогакая».

Лишь одной злой мыслью, что поднимается из нашей внутренней природы, мы можем уничтожить все добродетели, накопленные за мириады предыдущих кальп. И лишь одной доброй мыслью, что рождается из нашей внутренней природы, мы можем устранить все наши грехи, даже если их количество подобно песчинкам реки Ганг¹⁵⁰. Непосредственно достичь невероятно Высокого бодхи, от ксаны к ксане прозревать себя, не утратив изначальной мысли [о сути просветления], — это и зовется самбхогакаей.

Что мы называем мириадами изменений преображенного тела нирманакаи? Если мы не думаем о мириадах дхарм (вещей, что существуют в этом мире), то природа наша будет изначально пуста. Но лишь одна мысль способна уже породить множество размышлений, и мы называем это «изменениями» (метаморфозами). Когда мы размышляем о недобрых поступках, то в метаморфозах [перед нами разверзается] ад, когда же мы размышляем о добрых делах, то в метаморфозах [перед нами раскрываются врата] Небесной обители. Драконы и змеи — это метаморфозы ядовитого зла. Бодисаттвы — это метаморфозы сострадания. Мудрость трансформирует нас в Верхний мир¹⁵¹, заблуждения обращают нас к миру Нижнему¹⁵². Поистине неисчислимы метаморфозы нашей внутренней природы! Заблудший человек не способен почувствовать это и постоянно следует путем зла. Но стоит ему лишь раз обратить свою мысль к добру, как в нем тотчас родится мудрость-праджня. Это мы и называем «изменениями внутренней природы нирманакаи».

О глубокоумудрые! Тело Закона (*дхармака*) самодостаточно. Когда в любой момент времени мы сами прозреваем свою внутреннюю природу — это и будет самбхогакаей, или телом блаженства. Когда мы обретаем способность в любой момент следовать метаморфозам, то это и будет нирманакаей, или телом изменений.

Самому получить пробуждение, пестовать самого себя, [прозревать] свою внутреннюю природу, [накапливая] заслуги и добродетели, — все это и будет истинным обретением прибежища. Наша плоть — это материальное тело (рупака), которое лишь постоянный двор, и не верьте, что в нем можно обрести прибежище. Но если мы осознаем

трикаю — три тела Будды в нашей внутренней природе, то мы тотчас познаем, что наша внутренняя природа и есть Будда.

Я знаю «Гатху вне проявлений», и если вы будете повторять ее, то с этими словами в один момент устранятся все заблуждения и грехи, накопленные в предыдущие кальпы.

Гатха гласит:

*Заблудший человек печется о заслугах, а не о Пути-Дао.
Он говорит о том, что пестовать собственные заслуги — это одно и то же, что пестовать Путь.
И хотя его заслуги в раздаче милостыни могут быть неисчислимы,
В сердце его уже изначально возникли три зла¹⁵³.
Он надеется, пестуя свои заслуги, устранить грехи
[И не знает], что достижение заслуг в будущем отнюдь не устраняет грехи прошлого.
Так почему же не устранить грехи, что скопились в сердце,
Истинным покаянием в своей внутренней природе?
Тот, кто постиг суть истинного раскаяния Махаяны,
Устраняет зло, следует праведности и тем самым освобождается от грехов.
Постигающий Путь, что постоянно пребывает в созерцании своей внутренней природы,
Становится тождественен с Буддой.
Наши патриархи передали нам учение о внезапном просветлении
Для того, чтобы все, кто желает прозреть свою природу, могли стать едиными и
тождественными [с Буддами].
Если же вы стремитесь обнаружить тело Закона — дхармакаю,
Омойте свое сердце, очистите его от всех внешних феноменов — дхармалакшан.
Приложите все усилия, практикуя самосозерцание, и не расслабляйтесь ни на миг.
И последующие мысли не должны быть прерваны твоим уходом из этого мира.
И если ты постиг учение Махаяны и достиг прозрения собственной природы,
Сложи трепетно ладони [в знак уважения].*

Затем Наставник добавил:

— О глубокоумудрые! Каждый из вас должен повторять эту гатху и следовать ей в своих поступках. Повторяя ее слова, вы прозреете собственную природу. И даже если я отправлюсь за тысячу ли, вы будете пребывать бок о бок со мной. Но если, повторяя эти слова, вы не достигнете пробуждения, то даже находясь лицом к лицу, мы будем за тысячу ли друг от друга. Так стоит ли ходить за этим так далеко? Берегите себя. Теперь вы можете разойтись.

Среди всей паствы, что слушала эти наставления, не было никого, кто не получил бы пробуждения. В превеликой радости все поклонились и разошлись.

Глава 7

ВОЗМОЖНОСТИ И УСЛОВИЯ¹⁵⁴

Когда патриарх вернулся из Хуанмэй [от Пятого патриарха Хунжэня], где получил учение о Дхарме, в деревушку Цаоси, что в области Шаочжоу, никто еще не знал его. В ту пору нашелся лишь один конфуцианец по имени Лю

Чжилюй, который оказал ему радушный прием и приютил его. У Лю Чжилюя была тетка по имени Учицзан (*Бесконечное хранилище*), которая являлась бхиккуни (монашенкой — А.М.) и постоянно повторяла наизусть «Махапаринирвана-сутру». Наставник, послушав эту сутру в течение короткого времени, тотчас уловил ее утонченный смысл и стал объяснять его. Монашенка же взяла книгу и попросила Наставника объяснить смысл некоторых иероглифов.

— Я — неграмотный, — сказал Наставник, — а вот о смысле [сутры], пожалуйста, спрашивайте.

— Так как же Вы можете уловить смысл текста, не зная ни одного иероглифа? — удивилась монашенка.

— Утонченный Принцип, [что проповедовал] Будда, никак не связан с писаными иероглифами, — ответил Наставник.

Монашенка была несказанно поражена [его ответом] и после этого рассказывала о Наставнике с глубоким благочестием всем старикам деревни: «Это — муж, воистину обретший Дао, мы должны попросить его остаться и наставлять нас».

Однажды дальний родственник вэйского У (правителя Цао Цао — А.М.) по имени Цао Шулян и еще несколько человек прибыли выразить почтение Наставнику.

К тому времени монастырь Баолиньсы (*Драгоценного леса*), разрушенный войсками в конце династии Суй, превратился в руины, но на его фундаменте отстроили новую буддийскую обитель и долго упрашивали Наставника поселиться в ней, — уже вскоре она превратилась в цветущий монастырь.

Наставник провел здесь девять с небольшим лет, но завистники¹⁵⁵ вновь выследили его, и Хуэйнан вынужден был скрыться в близлежащих горах. Преследователи подожгли траву и деревья, [где он скрывался], но Наставник укрылся в каменной [расселине]. До сих пор на этом камне, что зовется «Камень убежища», сохранились отпечатки от колен патриарха, когда он сидел, скрестив ноги, и от письмен на его одеждах.

Припомнив завет Пятого патриарха, что он должен сначала остановиться в Хуайцзи, а затем укрыться отшельником в Сыхуэй, Хуэйнан сделал эти два места своим отшельническим прибежищем.

Монах Фахай, что был родом из Шаочжоу, из деревушки Цюйцзян¹⁵⁶, во время своей первой встречи с патриархом спросил Хуэйнана:

— Прошу Вас разъяснить мне смысл [известного высказывания] «сердце и есть Будда».

— Когда ты не позволяешь предыдущим мыслям рождаться в тебе — это и есть сердце. Когда ты не позволяешь сгинуть последующим мыслям — это и есть Будда (т.е. позволяешь всему быть таким, какое оно есть — А.М.). Формирование всех внешних проявлений (сян) и есть сердце, отказ от всех этих внешних проявлений и есть Будда. Если бы я даже захотел дать тебе полный ответ, то мне не хватило бы и целой кальпы, чтобы сделать это. А поэтому послушай мою гатху:

*Сердце — вот что зовется мудростью (праджня).
Будда — вот что суть созерцания (самадхи).
Практикуя самадхи и праджня, позволяй им быть в равновесии друг с другом.
И тогда твое сознание очистится.
Понять это учение ты сможешь, лишь постигая свою природу.
[Праджня и самадхи] в основе своей не имеют рождения.
И лишь парное пестование [самадхи и праджни] являет собой истину.*

Фахай, услышав эти слова, испытал великое пробуждение, и в глубокой благодарности к Наставнику ответил ему гатхой:

*То, чем сердце было изначально — это и есть Будда!
Но я не постиг этого и этим обделил себя.
Теперь же я знаю причину самадхи и праджни.
И именно парное пестование их обоих позволит мне освободиться от вещей.*

Монах Фада¹⁵⁷, что был выходцем из области Хунчжоу¹⁵⁸ и принял монашество уже в семь лет, постоянно повторял вслух «Лотосовую сутру»¹⁵⁹. Когда он как-то пришел выразить свое почтение Наставнику, то [во время поклона] головой не дотрагивался земли. Наставник спросил:

— Если ты во время того, как выражаешь почтение, не дотрагиваешься головой земли, то не лучше ли вообще отказаться от всякого ритуала выражения почтения? Должна быть какая-то вещь, что кроется в твоём сердце. Скажи, что ты вбираешь в себя во время твоих [ежедневных] занятий?

— Я постоянно повторяю вслух «Лотосовую сутру» и уже сумел сделать это три тысячи раз! — ответил Фада.

— Если бы ты повторил ее десять тысяч раз, воистину постиг бы ее смысл и не [имел бы столько тщеславия], чтобы игнорировать других людей, то сумел бы идти [по пути] рядом со мной. Сейчас же то, чего ты достиг, лишь прибавило тебе тщеславия, и ты даже не замечаешь своей ошибки. Послушай мою гатху:

*Основа выражения почтения — это обуздание высокомерия.
Так почему же твоя голова не коснулась земли?
Обладания «Я» — вот где исток рождения греха.
А вот в «отсутствии заслуг» таится бесконечное счастье!*

Затем Наставник спросил:

— Как зовут тебя?

— Фада (т.е. «Достигший Дхармы» — А.М.).

— Хотя и зовут тебя «Достигшим Дхармы», какой же Дхармы ты достиг? — спросил Хуэйнан. И вновь произнес гатху:

*Если тебя сегодня называли «Достигшим Дхармы»,
То трудолюбиво и без усталости повторяй гатху:
Пустое повторение ведет лишь к произнесению звуков,
Но того, чье сердце просветлено, назовут бодисаттвой.
И если сегодня ты имеешь такую пратью¹⁶⁰,
То именно сегодня я тебе и объясню ее.
Но стоит тебе поверить в то, что Будда глаголет не словами¹⁶¹,
Как тотчас цветы лотоса будут произрастать из твоих уст¹⁶².*

Услышав эту гатху, Фада раскаялся в своем поступке и, поблагодарив патриарха, сказал:

— Отныне и впредь я буду неизменно приветлив со всеми. И хотя я постоянно повторял «Лotosовую сутру», на самом деле я не понимал ее смысла, и поэтому сердце постоянно пребывало в сомнениях. Вы же, Преподобный, обладаете неизмеримой мудростью, прошу Вас, объясните мне ее общий смысл.

— О «Достигший Дхармы»! — ответил Хуэйнан. — Дхармы не сложно достичь, лишь сердца своего ты не достиг! В сутре нет ничего того, что заставляло бы нас пребывать в сомнениях, лишь сердце твое сомневается в самом себе. Что является главным, когда ты повторяешь сутру?

— Природа моя столь темна и глупа, что я раньше мог лишь повторять письмена сутры, откуда же мне знать, что в них является главным?!

— Я сам неграмотен, — сказал Хуэйнан, — поэтому прочти мне разок эту сутру. И я объясню ее тебе.

Фада начал громким голосом повторять сутру, но лишь только он дошел до главы, что называлась «Притчи»¹⁶³, Наставник сказал:

— Остановись! Главным в этой части с самого начала были причины и следствия воплощения Будды в этом мире. И хотя притчи весьма многочисленны в этой сутре, ни одна из них не выходит за рамки этого. Итак, каковы же эти причины и следствия? Сутра говорит: «Правитель мира Будда появился в этом мире лишь для одного Великого дела». И это «одно Великое дело» — познание прозрения Будды.

Обычные люди впадают во внешние заблуждения, [будучи очарованы] формами и проявлениями, и во внутренние заблуждения — [будучи захвачены «идеей» о Пустоте]. Если же ты сможешь, пребывая в этих проявлениях (живя в мире — А.М.), оторваться от них, если сумеешь, постигая Пустоту, отринуть саму идею о Пустоте, — лишь тогда преодолеешь и внешние, и внутренние заблуждения. И если прозреешь это Учение, сердце твоё раскроется лишь в одной мысли — она и будет раскрытием взора познания Будды¹⁶⁴.

Слово «будда» означает «просветление», и оно может быть разделено на четыре части («врата»): раскрытие [живым существам учения о] «взоре познания просветления»; демонстрация [живым существам] «взора познания просветления»; пробуждение [у живых существ] «взора познания просветления» и проникновение [живых существ] во «взор познания просветления».

Если, слушая [наставления], ты раскрываешь и демонстрируешь этот взор, то без труда сможешь и пробудить его в себе, и проникнуть в него. Тогда и проявится этот «взор познания просветления», который есть «истинная изначальная природа». И ни в коем случае ты не должен ошибиться, интерпретируя смысл сутры и считая, что «раскрытие, демонстрация, пробуждение и проникновение» — это взор познания, доступный лишь Будде, — поскольку нет никакого различия между «Я» и «другими». Такая [неправильная] трактовка будет подобна поношению сутры и злословию на Будду. Поскольку всякий человек и есть Будда, он уже и так обладает «взором познания». Так зачем же ему ещё и открывать [взор на самого себя]? И сегодня ты должен уверовать в то, что взор познания Будды — это лишь познание собственного сердца и что нет никакого другого Будды вовне!

Все живые существа, введенные в заблуждение ярким сиянием [собственной природы], страстно стремятся к мирской юдоли, будучи снаружи [связаны] обстоятельствами, а внутри разлажены [собственными заблуждениями], и охотно позволяют подхлестывать себя [мирским проявлениям]. Именно поэтому владыка мира [Будда] принялся за труд, восстав из своего самадхи, терпеливо проповедуя различные [способы самовоспитания], увещевая отказаться [от совершения множества грехов], не искать [Будду] снаружи, поскольку нет различия между Буддой и человеком. Именно поэтому [сутра] и говорит о раскрытии взора познания Будды.

Я также призываю всех живых существ постоянно раскрывать взор познания Будды внутри собственного сердца. Однако сердца многих людей пребывают в ложных мыслях, а ведь грех творится именно из-за незнания и заблуждения. В речах они могут быть добродетельными, но сердца их погружены во зло. Они алчны, злобны, завистливы, нечестивы, лстивы и эгоистичны. Они агрессивны по отношению к другим людям и разрушительны по отношению к неодушевленным вещам. И поэтому они раскрывают свой взор «познания обычных существ».

О, если бы они смогли сделать праведным своё сердце, постоянно порождать в себе мудрость, прозревать сияние собственного сердца, остановить зло и следовать добру, то тогда бы это стало раскрытием взора «познания Будды»!

И ты должен в любой момент времени раскрывать взор познания Будды и никогда не раскрывать свой взор «познания обычных существ»! Раскрыть взор познания Будды означает преодолеть этот мир (пребывать в мире Будды — А.М.). Раскрыть взор «познания обычных существ» означает по-прежнему оставаться в этом мире. Однако если ты будешь лишь упорно повторять [вслух слова сутры] и при этом считать это основным своим занятием, то чем же ты будешь отличаться от буйвола, что гоняется за собственным хвостом?

Фада сказал:

— Если все так, [как Вы говорите], то достаточно. лишь понять смысл сутры и нет нужды постоянно повторять ее?

Наставник ответил:

— А какие есть ошибки в сутре? И что мешает тебе ее повторять? Ведь и заблуждение, и прозрение заключено в самом человеке, и недостатки и достоинства, живут в тебе самом. Если ты повторяешь [сутру] устами и следуешь этому в своих поступках — это и есть «вращение сутры». Тот же, кто лишь повторяет устами, но сам не следует этому, сам оказывается «вращаемым» этой сутрой. Послушай мою гатху:

*Когда наше сердце пребывает в заблуждениях, то мы оказываемся лишь «вращаемы»
Лотосовой сутрой.*

Но когда наше сердце просветлено, то мы сами «вращаем» Лотосовую сутру.

*Если ты повторяешь сутру в течение долгого времени, но так и не можешь достичь
просветления.*

Значит ты враждебен к смыслу ее.

Отсутствие мыслей означает остановку [в пестовании собственного сердца].

Наличие мыслей порождает ложное.

Тот, кто не считается ни с «наличием», ни с «отсутствием»,

Постоянно едет на повозке, запряженной белыми волами¹⁶⁵.

Услышав эту гатху, Фада не сумел сдержать слез и, получив через эти слова великое пробуждение, обратился к патриарху, воскликнув:

— Я, Фада, с самого начала не мог использовать «Лотосовую сутру», и сам оказался используем этой сутрой.

Затем он добавил:

— Сутра говорит: «Все, от шраваков до бодисаттв, если они станут рассуждать над этим, даже собрав все свои силы, не смогут постичь знания Будды». Сегодня же Вы мне позволили понять, что если и простолюдин пробудит свое сердце, то это может называться взором познания Будды. Но у человека, что не обладает глубокими корнями, [эта мысль] может породить немалые сомнения. К тому же сутра говорит о трех колесницах: запряженной баранами

(шраваки), запряженной оленями (пратьека-будды) и, наконец, запряженной быками (бодисаттвы). Чем они отличаются от колесницы, запряженной белыми волами? Прошу Вас, наставьте меня вновь! Хуэйцзин ответил:

— Здесь смысл сутры абсолютно ясен, лишь ты сам неправильно понимаешь его. Недостаток, из-за которого люди этих трех колесниц (шраваки, пратьека-будды и бодисаттвы — А.М.) не могут понять мудрости Будды, заключается в том, что они много [рассуждают о ней]. И даже если в своих рассуждениях они продвинутся очень далеко, это только уведет их [от мудрости Будды]. Будда изначально [пришел], чтобы проповедовать обычным людям, а не Буддам. Тем же, кто не мог уверовать в его Принцип, он позволял уйти из общины. И ты не знаешь, что мы уже едем в колеснице, запряженной белыми волами, и нам нет нужды искать за нашими воротами (вне нашей школы — А. М.) другие три колесницы. К тому же сутра абсолютно ясно говорит тебе: «Есть лишь Единая колесница Будды, и нет никаких других колесниц типа второй или третьей». Бесчисленные способы, [которыми Будда проповедовал нам], различные притчи и высказывания, где выводятся причинно-следственные связи, — все эти многочисленные приемы используются ради достижения Единой колесницы Будды. Как ты не можешь осознать этого? Три колесницы — ложны, они были пригодны лишь в прошлом. Единая колесница — вот истина! И она предназначена для настоящего дня. Лишь научись отбрасывать ложное и возвращаться к истинному.

После того, как ты вернешься к истинному, даже само это «истинное» не будет обладать [для тебя] никаким именем. Ты должен понять, что все эти богатства принадлежат тебе, и только ты можешь пользоваться ими. И когда ты не будешь смотреть [на Будду] лишь как на отца, [на других людей] лишь как на сыновей его, [а на все эти сокровища] лишь как на предмет для использования¹⁶⁶, то тогда это можно будет назвать овладением «Лотосовой сутрой». От кальпы к кальпе ты не выпустишь из рук [эту сутру], и от восхода до заката не будет такого момента, когда бы ты не повторял ее.

Прозрев, Фада запрыгал от радости и в глубоком почтении к Наставнику сложил следующую гатху:

*Повторил я сутру вот уж три тысячи раз,
Но Наставник из Цаоси разрушил все это лишь одной своей фразой.
Тот, кто не понимает смысла воплощения Будды в этом мире,
Как он может быть способен укротить страсти, что живут в людях?
Колесницы баранов, оленей и быков были лишь временной заменой,
Тремя этапами добра — начальным, средним и последующим¹⁶⁷.
Как же мне было узнать, что внутри горящего дома¹⁶⁸
Изначально пребывает правитель Дхармы (Дхарма-раджа)?*

Наставник сказал:

— Отныне ты можешь называть себя «Монах, повторяющий сутры» (Няньцзин сэн).

Благодаря этим наставлениям, [Фада] постиг сокровенный смысл и по-прежнему не прекращал повторять вслух сутру.

Монах Чжитун был выходцем из местечка Аньфэн, что в области Шоучжоу¹⁶⁹. Вот уже более тысячи раз он прочел «Ланкаватара-сутру», но так и не мог понять смысл «трех тел» — трикаи — и четырех типов мудрости (*праджня*). Поэтому он поклонился патриарху и попросил его объяснить смысл этого.

Хуэйинэн сказал:

— Если говорить о «трех телах», то очищенное тело Закона (*дхармакая, фашэнь*) — это и есть твоя изначальная природа. Целиком реализованное тело (*самбхогакая, баошэн*) — это и есть твоя мудрость (*праджня*), а пребывающее в бесконечных трансформациях тело метаморфоз (*нирманакая, хуашэн*) — твои поступки. Но если все это оторвано от твоей изначальной природы, то нельзя говорить о «трех телах», а можно лишь сказать: «тела есть, но нет в них мудрости». Если же ты поймешь, что все три тела не обладают собственной природой, [поскольку проистекают из внутренней природы самого человека], то это и будет называться четырьмя типами знания бодхи (трансцендентного знания о просветлении — А.М.). Послушай мою гатху:

*Наша собственная природа уже включает в себе все три тела,
Которые и высветляют в нас четыре типа мудрости.
Таким образом, не отказываясь от того, чтобы взирать и слушать внешний мир,
Ты непосредственно можешь достичь чертога Будды.
И сегодня я говорю тебе:
Если истинно уверуешь в это, то никогда не впадешь в заблуждения.
Но никогда не учись у тех, кто ищет [Будду] где-то вовне
И весь день рассуждает о просветлении-бодхи.*

Чжитун спросил вновь:

— Могу ли я услышать наставления о смысле четырех типов мудрости?

Хуэйинэн объяснил:

— Если ты познал три тела, то также сумеешь постичь и четыре типа мудрости. Так о чем же еще спрашивать? Но если ты оторвался от своих трех тел — то уже не говори о четырех типах мудрости! Название этому — «мудрость есть, но тел нет». И в этом случае обладание мудростью может обернуться ее полным отсутствием!

Затем Хуэйинэн добавил, произнеся гатху:

*Природа Мудрости-зеркала абсолютно чиста,
Сердце Мудрости-равновесия не имеет недостатков,
Взор Мудрости-сокровенного видения не имеет заслуг,
Всеохватная Мудрость едина с [Мудростью]-зеркалом,
Первые пять виджняны и восьмая виджняна переходят друг в друга на высшем этапе, в то время как шестая и седьмая виджняны — на начальном этапе¹⁷⁰.*

*Но все это — лишь произнесение названий, а не выражение их истинной природы.
Когда ты целиком сумеешь освободить себя от ощущений, [что порождают внешние
объекты],
Ты постоянно будешь пребывать в Драконовом Самадхи¹⁷¹.*

[Услышав эти слова], Чжитун прозрел мудрость своей природы и обратился к патриарху со следующей гатхой:

*Три тела изначально пребывали внутри меня,
Четыре типа мудрости заключены в просветленном сердце.
Когда тела и мудрость ни в чем неотличимы друг от друга,
[Мы сможем спонтанно] откликаться на вещи, следуя их формам.
Поиск [трех тел], или пестование [мудрости] — лишь иллюзорные акты.
Пытаться сохранить их или пребывать в них поступки, противоречащие истинной сути.
Благодаря наставлениям Учителя, я постиг их сокровенный смысл,
И посему отныне могу покончить со всеми именами, что лишь замутняют [сознание] и
загрязняют [нашу природу]¹⁷².*

Монах Чжичан¹⁷³ был уроженцем местности Гуйси, что в области Синьчжоу¹⁷⁴ и уже в раннем возрасте принял монашество, преисполненный решимости прозреть свою природу. Однажды он пришел к Хуэйнану выразить свое почтение, тот же спросил Чжичана:

— Откуда ты пришел? Что стремишься обрести?

— Я недавно побывал в горах Байфэншань (*Белых пиков*), что в области Хунчжоу, посетил Преподобного Датун¹⁷⁵ (Шэньсюя — А.М.), обратившись к нему с просьбой объяснить мне смысл того, как прозреть собственную природу и стать Буддой. Но все же у меня остались некоторые сомнения, а поэтому я отправился столь далеко, чтобы выразить Вам почтение в надежде, что Вы, Преподобный, проявите милость и наставите меня.

— А какими словами наставлял тебя [Шэньсюй]? Расскажи-ка их мне, я хочу послушать!

— Когда я пришел туда и провел уже три месяца, но так и не получил наставления, то, стремясь постичь Дхарму, однажды вечером один пришел в покои [к Шэньсюю] и спросил: «Прозрели ли Вы собственное изначальное сердце и изначальною природу?». Шэньсюй ответил: «А ты прозрел абсолютную Пустоту?». «Прозрел», — ответил я. «А какой вид, какую форму имеет эта Пустота?» — спросил он. «Пустота бесформенна, так о каком же виде и форме может идти речь?» — ответил я. «Твоя изначальная природа в точности подобна этой Пустоте, и осознание того, что нет там такой вещи, которую можно было бы увидеть, и зовется "истинным прозрением", а осознание того, что нет там никакой вещи, которую можно было бы познать, и зовется "истинным знанием". Нет там ни зеленого, ни желтого, ни длинного, ни короткого, поскольку прозрение в своем истоке абсолютно чисто, а основа просветления — совершенна и ясна, и зовется все это "прозревая собственную природу, стать Буддой". А еще называется это "познание и прозрение Воистину пришедшего (Татхагаты — Будды)"», — сказал Шэньсюй. И хотя я услышал эти речи, я не всё понял в них. Прошу Вас, объясните мне их смысл.

— То, что он сказал тебе, — ответил Хуэйцзэн, — означает, что он по-прежнему придерживается взглядов «прозрения и познания», и именно поэтому он не сумел тебе объяснить. Я же прочту одну гатху:

*Не познать единой Дхармы и при этом придерживаться мысли о том, что [сердце] пребывает в отсутствии прозрения,
В немалой степени напоминает то, как пробегающие облака закрывают лик солнца.
Не познать единой Дхармы, но при этом придерживаться «пустотного познания»
Напоминает то, как чистое небо [ни с того ни с сего] прорезают вспышки молний.
Стремительное возникновение [в сознании] таких мыслей о познании и прозрении
Показывает лишь ошибочное понимание этого — к какому же освобождению это может привести?
Но если ты хотя бы в одной своей мысли поймешь всю ошибочность этого,
Духовный свет твой будет вечно источаться изнутри тебя.*

Как только Чжичан услышал эту гатху, сердце и мысли его просветлели. И он произнес гатху:

*Позволить подобным мыслям о познании и прозрении рождаться в нас —
Все равно, что искать просветления-бодхи во внешних предметах.
Чем тот, кто выработал в себе чувство «Я просветлен уже одной своей мыслью»,
Превосходит то состояние, когда он еще пребывал в заблуждениях?
Внутри своей природы почувствовал я исток [всего сущего]
И свет этого распространился повсюду.
И если бы я не явился в покои к Наставнику,
Так бы и остался сбит с толку этим учением о двух головах (о «сохранении отсутствия прозрения» и о «пребывании в пустотном знании» — А.М.)¹⁷⁶.*

Однажды Чжичан спросил патриарха:

Будда проповедовал доктрину «трех колесниц»¹⁷⁷. Но вместе с этим он говорил и о Наивысшей колеснице¹⁷⁸. Я не могу понять этого, прошу, объясните это мне.

— Ты должен вглядываться в собственное изначальное сердце, а не во внешние проявления дхарм (дхармалакшана)! В Дхарме не бывает четырех колесниц, это лишь человеческое сердце разделяет их. Смотреть, слушать, повторять сутры — это Малая колесница (Хинаяна). Познать внутреннюю природу и смысл освобождения от пут мирского — это Средняя колесница. Претворять Дхарму в своих поступках — это Большая колесница (Махаяна). Но до конца проникнуть в мириады дхарм, овладеть ими, и при этом не быть загрязненным, отринуть внешние проявления дхарм и не обладать ничем, — лишь это зовется Наивысшей колесницей.

Слово «колесница» (санскр. *яна*) означает «двигаться», «совершать поступки» (*син*¹⁷⁹), и ни к чему здесь вести словесные баталии. И если ты сумеешь воспитать себя, то более не будет у тебя никаких вопросов ко мне! В любой момент времени пребывай в собственной природе и в само-таковости (естественности)!

Чжичан с благодарностью поклонился и оставался рядом с Хуэйцзэном, пока патриарх не покинул этот мир¹⁸⁰.

Монах Чжидао был уроженцем уезда Наньхай, что в Гуанчжоу. [Как-то он пришел к патриарху] и спросил его:

— С тех пор, как я покинул дом [и стал монахом], вот уже более десяти лет я читаю «Махапаринирвана-сутру», но так и не понял ее великого смысла. Прошу Вас, Преподобный, наставьте меня.

— И какое же место ты не понял? — спросил патриарх.

— «Все деяния непостоянны и принадлежат к дхарме рождений и смертей (*самскара-дхарма*). Когда и смерти и рождения прерываются, то тогда и наступает радость нирваны».

— И что смущает тебя здесь? — вновь спросил Хуэйцзэн.

— Все живые существа обладают двумя телами, то есть физическим телом (*рупака*) и телом Закона (*дхармака*). Физическое тело непостоянно, оно рождается и умирает. Тело Закона постоянно, непознаваемо и непостижимо. Сутра гласит: «Рожденное — умирает и, умирая, прекращает свое существование. И это умирание является радостью». Так какое же тело [из двух] угасает в безмятежности¹⁸¹, а какое тело испытывает радость? Если речь идет о физическом теле, то физическое тело, умирая, распадается на четыре великих стихии Махабхута¹⁸², и все это целиком является страданием. О страдании нельзя говорить как о радости. Если же в безмятежности угасает тело Закона, то оно оказывается подобным деревьям, траве, камням и черепице. Так кто же испытывает радость в этом случае? Тело Закона — это основа рождений и смертей, а пять скандх — это функция рождений и смертей.

Это значит, что у одной основы существует пять функций, а цепь рождений и смертей постоянна. Рождение — это функция, возникающая из основы. Смерть — это функция, что возвращается к своей основе. Если сказать, что тело достигает реинкарнации, то для всех существ, что обладают чувствами, не будет «прекращения смертей». Если сказать, что тело не имеет реинкарнации, то все будет бесконечно возвращаться к смерти, подобно вещам, что не обладают чувствами. И если это так, то при таких ограничениях и запретах нирваны рождение вообще невозможно для всех живых существ¹⁸³. Так где же здесь радость?

— Ты — сын Будды¹⁸⁴, — сказал патриарх, — так зачем же ты изучаешь неверные («внешние») пути, придерживаясь ложных взглядов о «конечном и постоянном»¹⁸⁵ противоречишь Учению школы Высочайшей колесницы (*Махаяны*)? Если исходить из того, что ты говоришь, то тело Закона существует отдельно от физического тела, а прекращение череды «рождений и смертей» якобы требует «угасания в безмятежности» (*нирвана*). Более того, утверждая, будто «нирвана — это вечная радость», ты подразумеваешь, что существует кто-то, кто испытывает эту радость. Те живые существа, что придерживаются таких взглядов о череде смертей и рождений, стремятся к мирским радостям [и тем самым еще больше привязывают себя к череде смертей и рождений]. Отныне знай: Будда

испытывает высочайшее сострадание именно к тем людям, которые полагают, что соединение вместе пяти скандх и есть проявление нашего тела, а все остальные дхармы являются внешними проявлениями суетного мира. Будда испытывает высочайшее сострадание и к тем, кто постоянно носим течением между рассуждениями о том, что жизнь — хороша, а смерть — отвратительна, и не знает о существовании грез и пустых иллюзий, все больше вовлекая себя в круг перерождений.

Будда испытывает высочайшее сострадание и к тем, кто обращает вечную радость нирваны в проявления страданий, и к тем, кто ежедневно стремится к чувственным наслаждениям. Для них милосердный Будда проявляет истинную радость нирваны. Ни в одном моменте¹⁸⁶ нет ни проявлений (*лакшан*) жизни, ни проявлений смерти, ни даже прекращения череды рождений и смертей. Это и есть проявление безмятежного угасания (*нирвана*). Но даже в сам этот момент проявления не существует, и поэтому измерить его невозможно. Это и зовется вечной радостью, но в этой радости нет ни того, кто испытывает эту радость, ни того, кто не испытывает ее. Так где же может существовать то, что мы называем «одна основа и пять ее функций»? Так зачем же ты говоришь, что «при таких ограничениях и запретах нирваны рождение вообще невозможно для всех живых существ»? Говоря так, ты поносишь Будду и разрушаешь Дхарму! Послушай мою гатху:

*Недостижимо великая Махапаринирвана
Совершенна и вечно полна сиянием [Будды].
Обычные люди и глупцы называют ее «смертью»,
Те, кто придерживается ложных учений, зовут ее «прекращением», —
Эти люди, что принадлежат к двум колесницам¹⁸⁷,
Рассматривают всякое действие как «недеяние».
Все это — лишь чувственные рассуждения,
И в них видна основа шестидесяти двух типов ложных взглядов¹⁸⁸.
Все это — лишь иллюзорные и пустые имена, [что мы даем сами].
Так откуда же взяться здесь истинному смыслу?
Лишь человеку, что обладает неизмеримо пытливым умом,
Будет дано постичь, что означает отсутствие привязанностей,
Познав закон пяти скандх, достигнув своего «Я», что заключено в скандхах,
И снаружи проявляется в физических формах многих людей,
В самых различных переливах звуков,
[Он поймет, что] все они равно подобны сну и иллюзиям.
Такой человек не делает различия между простолюдином и мудрецом,
Не размышляет о нирване,
Он разбивает «два односторонних суждения и три крайних предела»¹⁸⁹.
Он использует свои шесть корней¹⁹⁰, когда это необходимо,
Но мысль об «использовании» не волнует его.
Он может разделить любые явления,
Но мысль о разделении не волнует его.
И даже когда пламень конца кальпы выжжет дно океанов
И когда вихри заставят сталкиваться между собой горы,
Он будет пребывать в истинном постоянстве радости безмятежного угасания,
А проявления нирваны останутся все теми же.
Я говорю об этом тебе сегодня столь настойчиво
Лишь для того, чтобы ты сумел избавиться от своих ложных взглядов.
И если ты не будешь [буквально] следовать моим словам,
То, возможно, кое-что ты сумеешь постичь.*

Услышав эту гатху, Чжидао испытал великое пробуждение. Буквально запрыгав [от радости], он поклонился патриарху и удалился.

Чаньский учитель Синсы, уроженец Аньчэна, что в Цзичжоу¹⁹¹, происходивший из рода Лю, как-то услышал, что в Цаоси [у Шестого патриарха] через проповедь Дхармы спасаются множество людей, и прямоком отправился на поклон [к Хуэйнэну]. Там он задал Хуэйнэну вопрос:

— Чем должен заниматься [последователь Чань], чтобы его достижения нельзя было измерить «ступенями совершенствования»?¹⁹²

— А чем Вы пришли сюда заниматься? — спросил в ответ патриарх.

— Я не знаю, что делать даже с Благородными истинами, [завещанными Буддой]!

— А на какой «ступени совершенствования» Вы находитесь сейчас? — вновь спросил патриарх.

— Если я даже не знаю, что делать с Благородными истинами, о какой вообще «ступени совершенствования» может идти речь?

Патриарх был глубоко поражен [его ответами] и сделал Синсы старшим в общине¹⁹³.

Однажды патриарх сказал ему: «Ты должен идти и распространять наше Учение в своем округе, дабы оно не умерло!». Так Синсы, получив Дхарму, вернулся в Цзичжоу в горы Цинюань (*Светлого источника*) и повсеместно распространял Дхарму. Посмертно он был награжден именем «Чаньский мастер Хунцзи», что означает «Великий в своей помощи».

Чаньский наставник Хуайжан¹⁹⁴ происходил из рода Ду, что жил в области Цзиньчжоу¹⁹⁵. Сначала Хуайжан пришел к Государственному наставнику [Хуэй]яню¹⁹⁶, что пребывал в горах Суншань, но Хуэйянь отправил его в Цаоси послушать проповедь.

Хуайжан, прибыв [в Цаоси], поклонился учителю, тот же его спросил:

— Откуда пришел ты?

— С гор Суншань.

— И с какой вещью ты пришел сюда?

— Было бы неправильным сказать, что это похоже на какую-то вещь, — ответил Хуайжан.

— А можно ли этого достичь через тренировки? — вновь спросил Хуэйнан.

— Нет никаких препятствий к тому, чтобы достичь этого тренировками, но вот загрязнить это невозможно ничем.

— Будды оберегали именно это — то, что нельзя загрязнить. Это как раз для тебя, равно как и для меня самого. Индийский патриарх Праджнятара говорил: «Появится Жеребенок, что будет попирать своими копытами всех людей в Поднебесной»¹⁹⁷. Ты должен сам понять [смысл этого предсказания], мне же не следует его разъяснять слишком поспешно.

Внезапно Хуайжан понял [смысл того, о чем говорил Хуэйнан] и [после этого] почти пятнадцать лет оставался учеником Шестого патриарха. День за днем он все глубже проникал в сокровенное и утонченное. Затем он поселился на пике Наньюэ в горах Хэншань, где широко проповедовал чаньскую школу. Его наградили посмертным именем «Чаньский наставник Дахуэй», что означает «Великая мудрость».

Чаньский наставник Сюаньцзюэ (*Сокровенное просветление*) из Юнцзя происходил из рода Дай, что жил в уезде Вэньчжоу¹⁹⁸. С малых лет изучал он сутры и комментарии к ним — шастры, был искушен в методиках самадхи и медитации-випассаны¹⁹⁹ буддийской школы Тяньтай, поскольку, читая «Вималакирти-нидresha-сутру», он прозрел свое сердце-основу²⁰⁰.

Однажды ученик Наставника [Хуэйнэна] по имени Сюаньцэ (*Сокровенная бамбуковая табличка*) решил посетить его, и между ними завязалась оживленная беседа. Во время разговора [Сюаньцэ увидел], что высказывания [его собеседника] соответствуют речениям чаньских патриархов.

Сюаньцэ поинтересовался:

— Могу ли я узнать, о Милосердном²⁰¹, кто тот учитель, от которого Вы получили Дхарму?

— Когда я слушал наставления в различных шастрах, у меня на каждый раздел был свой учитель. Но затем, изучая «Вималакирти-нидresha-сутру», я познал суть Школы сердца Будды (*Буддхаситта*, самоназвание школы Чань — А.М.). Но еще не было человека, который мог бы проверить это²⁰².

— Еще до времен Бхисмагарджитасавара Раджи²⁰³ можно было достичь [просветления без подтверждения наставника], — сказал Сюаньцэ, — но после Бхисмагарджитасавара Раджи тот, кто сам достигает пробуждения без [подтверждения] наставника, естественным образом становится на ложный путь.

— Не пожелаете ли Вы, Милосердный, стать заверителем моего [просветления]? — спросил Сюаньцзюэ.

— Мои слова слишком легковесны для этого, — ответил Сюаньцэ. — В местечке Цаоси есть Великий учитель — Шестой патриарх, к которому стекаются паломники со всех четырех сторон, чтобы получить от него Учение. Если Вы отправитесь к нему, я составлю Вам компанию.

Сюаньцзюэ вместе с Сюаньцэ пришли в [Цаоси]. Сюаньцзюэ обошел три раза вокруг учителя [в знак уважительного приветствия], а затем встал перед ним, подняв монашеский посох-кхаккхару.

Наставник спросил:

— Шраман является воплощением трех тысяч больших правил и восьмидесяти тысяч мелких предписаний. Так откуда пришли вы и что сделало Вас столь озабоченными?

— Слишком велико дело [бесконечной череды] рождений и смертей, и слишком быстро мы уходим в непостоянство, — ответил Сюаньцзюэ.

— Почему же ты не воплотил в себе принцип «нерождения»²⁰⁴, который положил бы конец скоротечности жизни? — спросил Хуэйнан.

— Если тело пребывает вне рождений, то и основа [существования человека, его сердце] нескоротечна!

— заметил Сюаньцзюэ.

— Именно так! Именно так! — воскликнул Хуэйнан.

Сюаньцзюэ сделал все необходимые церемонии, [что полагаются по окончании беседы с наставником], поклонился и вскоре распрощался.

— Не слишком ли быстро ты возвращаешься обратно? — спросил его Хуэйнан.

— Если изначально не существует движения, можно ли говорить о скорости? — ответил вопросом Сюаньцзюэ.

— А кто знает, что движения не существует?

— Это лишь разделение [первоначального единства], что само возникает у Вас, Милосердный.

— Ну что ж, — заметил Хуэйнан, — я вижу, ты уловил смысл «нерождения».

— А что, разве «нерождение» обладает «смыслом»? — спросил Сюаньцзюэ.

— А разве «отсутствие смысла» не есть разделение [первоначального единства]?

— Разделение — это также и «отсутствие смысла».

— Замечательно! — воскликнул Хуэйнан. — Задержись ненадолго и останься здесь на ночлег!

[Благодаря последнему восклицанию патриарха] со временем [Сюаньцзюэ] стали называть Ишэцзюэ — «Просветление за один ночлег».

Впоследствии он написал «Гатху о Подтверждении Пути», которая широко распространилась по миру. После смерти получил он имя «Великий учитель Усян» — «Тот, кто находится вне внешних проявлений».

А его современники звали его «Чэньцзюэ», что означает «Воистину просветленный».

Чаньский последователь Чжихуан сначала обучался у Пятого патриарха и сам считал, что уже достиг самадхи. На двадцать лет он уединился в небольшой обители, где проводил долгие часы в сидячей медитации.

Ученик [Хуэйнэна] Сюаньцэ, путешествуя вдоль берегов Хуанхэ, услышал имя Чжихуана и посетил его обитель.

— Что ты делаешь здесь? — спросил Сюаньцэ.

— Я вхожу в самадхи, — ответил Чжихуан.

— «Вхожу в самадхи», сказал ты? Пребываешь ли ты в нем сознательно («с наличием сердца»)? Или бессознательно («в отсутствии сердца»)? Если тыходишь в самадхи бессознательно, то все бесчувственные вещи типа травы и деревьев, черепицы и камней также могут войти в самадхи. Если же ты делаешь это сознательно, то все живые объекты также могут достичь самадхи.

— Когда я воистину пребываю в самадхи, то не вижу ни «отсутствия», ни «наличия» сердца, — заметил Чжихуан.

— Если ты не видишь ни «наличия», ни «отсутствия» сердца, то это и есть вечное самадхи. Но существует ли в этом случае «вхождение» [в самадхи] или «выход» [из него]? [Если это так], то это не будет Великим самадхи, — заявил Сюаньцэ.

Чжихуан ничего не ответил. После долгого молчания он спросил:

— Могу ли я узнать, кто Ваш учитель?

— Мой наставник — Шестой патриарх из Цаоси.

— А как Шестой патриарх определяет самадхи и дхиану? — спросил Чжихуан.

— Мой учитель говорит так: «[Тело Закона — дхармакайя] — чисто и безмятежно. Именно таковы его функция и основа. Пять скандх изначально пусты, а шесть нечистых опор сознания (зрение, слух, обоняние, вкус, осязание, интеллект — А.М.) — отсутствуют. Нет ни вхождения [в самадхи], ни выхода [из него]. Нет даже ни самого самадхи, ни хаоса, [что противостоит ему]. По своей природе Чань (*дхиана*) не пребывает ни в чем, а поэтому отбрось [выражение] «пребывать в умиротворении дхианы». По своей природе Чань не рождается, а поэтому отбрось [выражение] «порождать думанья о дхиане». Подобно этому сердце наше абсолютно пустотно, более того — пустотность его неизмерима».

Услышав эти слова, Чжихуан тотчас отправился [в Цаоси] за наставлениями Шестого патриарха. Тот спросил Чжихуана:

— Зачем Вы, Милосердный, явились сюда? Чжихуан описал кармические причины, приведшие его [в Цаоси]. Учитель сказал:

— Речи, что произнес [перед тобой Сюаньцэ], искренни. Пусть сердце твое станет подобным абсолютной Пустоте, но при этом не будь привязанным к созерцанию Пустоты и тогда не будет тебе препятствий [к достижению

освобождения]. Будь то в покое или в движении — всегда пребывай вне использования сердца. Забудь о различиях между обычным человеком и мудрецом. Отбрось различия между возможным и существующим. Пускай твоя внутренняя природа и ее внешние проявления пребывают в состоянии таковости — вот тогда не будет такого момента, когда бы ты не пребывал в самадхи.

При этих словах Чжихуан достиг великого пробуждения. От того, что он в течение двадцати лет считал «достижением [истинной глубины] сердца», не осталось и тени. В ту же ночь жители Северного берега

Хуанхэ слышали глас с Небес: «Наставник Чжихуан сегодня достиг Дао!»²⁰⁵. Вскоре Чжихуан, совершив прощальный поклон [перед Шестым патриархом], вернулся в Хэбэй, где проповедовал всем четырем категориям людей²⁰⁶.

Как-то один монах спросил [Шестого патриарха]:

— Кто может достичь сути того учения из Хуанмэй, [что проповедовал Пятый патриарх]?

— Тот, кто познал Закон (Дхарму) Будды, сможет достичь его.

— А Вы, Преподобный, достигли его сути?

— Увы, я не познал еще Закона Будды!

Однажды Наставник захотел постирать свою рясу, что была передана ему, но никак не мог найти чистого источника. Поэтому он отправился в местечко, которое располагалось в пяти ли позади монастыря, где, как он заметил, горные леса и трава были особенно пышны.

Наставник потряс своим монашеским посохом²⁰⁷, а затем воткнул его в землю. Тотчас открылся источник, хлынула вода и образовала небольшое озерцо.

[Патриарх] опустил на колени, чтобы выстирать свою рясу на камнях, но внезапно перед ним появился монах и поклонился ему.

Монах произнес:

— Мое имя — Фанбянь, я из Западного Шу. Недавно в южной Индии я повстречал Великого учителя Бодхидхарму²⁰⁸. И он сказал мне: «Быстрее возвращайся в земли Тан (Китай). Истинное око Дхармы Махакашьяпы²⁰⁹ и монашеская ряса, завещанные мною, ныне переданы Шестому патриарху, что живет в области Шаочжоу в местечке Цаоси. Иди и поклонись ему». И вот я, Фанбянь, пришел издалека в желании увидеть рясу и патру, что переданы Вам.

Шестой патриарх показал ему [патру и рясу], а затем спросил:

— А чем Вы занимаетесь, Высокочитимый?

— Я искушен в искусстве скульптуры.

— Не покажете ли мне Ваши работы? — тотчас попросил патриарх.

Фанбянь сначала растерялся, но через несколько дней все же изваял статую [Шестого патриарха] высотой в семь цуней, совершенную по своему мастерству.

Рассмеявшись, патриарх сказал:

— Вы уловили кое-что в природе ваяния, но ничего не уловили в природе буддизма.

Затем он вытянул вперед руки и, [возложив] на голову Фанбяня, потер их [в знак благословения], сказав при этом:

— Навеки ты станешь Нивой благодати²¹⁰ как для людей, так и для Небес.

И отдал патриарх ему свою рясу. Получив рясу, Фанбянь разделил ее на три части: в одну часть он обрядил статую, вторую оставил себе, а третью сжег, разложив на земле и накрыв пальмовыми листьями. Затем он произнес:

— Получение этой рясы означает, что предстоит мне вернуться в этот мир в качестве настоятеля монастыря и вновь отстроить его храмы и залы!

Как-то один монах повторял гатху, написанную чаньским наставником Волунем²¹¹:

*Волунь обладает способами
Того, как обуздать сотни мыслей.*

*И тогда [проявления] этого мира не возбуждают сердца,
А дерево Бодхи прорастает с каждым днем.*

Шестой патриарх, услышав это, сказал:

— Гатха эта показывает, что ее автор не познал свое сердце-основу. Если действовать, руководствуясь [лишь словами этой гатхи], то это еще больше опутает тебя. Затем он произнес свою собственную гатху:

*У Хуэйцзэна нет никаких способов,
Не обуздывает он и сотни мыслей.
Проявления этого мира до сих пор нередко волнуют его сердце.
Так как же может прорасти древо Бодхи?*

Глава 8 О ВНЕЗАПНОМ И ПОСТЕПЕННОМ

Когда патриарх жил в монастыре Баолиньсы (*Драгоценного леса*), что в Цаоси, Великий Учитель Шэньсюй молился в монастыре Юйцюаньсы (*Нефритового источника*), что в Цзиннани²¹². В ту пору обе школы процветали, все люди называли «южной» школу Хуэйцзэна, а «северной» — школу Шэньсюй. Южная и Северная школы отличались друг от друга как школа «внезапного [просветления]» и школа «постепенного просветления». Однако многие последователи не могли понять смысл учения этих школ. Поэтому патриарх обратился к пастве:

— Суть буддийской Дхармы — единая школа²¹³, это лишь люди разделяют ее на «южную» и «северную». Дхарма — однородна, только [люди] способны прозреть ее с разной скоростью. Так стоит ли разделять [просветление] на «внезапное» и «постепенное»? Дхарма не бывает ни внезапной, ни постепенной, это лишь люди бывают способными и глупцами. А отсюда и название — «внезапное» и «постепенное».

Тем не менее, последователи Шэньсюй, насмехаясь над патриархом Южной школы, нередко говорили: «Он даже не знает ни одного иероглифа, так как же он может претендовать на столь высокое место?»

Шэньсюй же, [услышав эти речи], заметил: «Он достиг мудрости вне учителя²¹⁴, глубина его пробуждения и есть Высшая колесница. Мне же не сравниться с ним. Разве случайно мой учитель Пятый патриарх передал ему одежды учения²¹⁵? Я очень сожалею, что не могу отправиться так далеко, чтобы навестить его, поскольку отягощен государственной милостью²¹⁶. Вы же не должны оставаться здесь! Вы должны отправиться в Цаоси и послушать его наставления».

Однажды Шэньсюй приказал своему ученику Чжичэну: «Ты умен и обладаешь немалой мудростью. Ты можешь от моего имени отправиться в Цаоси и послушать наставления. И если тебе удастся их услышать, ты должен постараться хорошенько все запомнить, чтобы по возвращении передать мне».

Чжичэн, повинаясь приказу учителя, отправился в Цаоси. Он присоединился к группе, что пришла просить учителя о наставлении, при этом не сказав ни слова, откуда он прибыл. И тут патриарх обратился к пастве:

— Сегодня среди паствы спрятался человек, что хочет выкрасть мое Учение!

Чжичэн вышел вперед и, поклонившись, рассказал, какое дело привело его сюда. Патриарх же спросил:

— Ты пришел в монастырь Баолиньсы, чтобы шпионить?

— Нет, это не так, — ответил [Чжичэн].

— Откуда мне знать, что это не так?

— Потому что я сказал «не так», и не сказал «да, так и есть»!

— А как ваш учитель наставляет последователей? — спросил Хуэйнан.

— Наш учитель часто наставляет нас, чтобы мы взирали на чистоту сердца, долго [медитировали] сидя и не ложились.

— Взирать на чистоту сердца — это скорее недостаток²¹⁷, но отнюдь не есть созерцание-чань, — сказал

Хуэйнан. — Долгое сидение сковывает тело, какая же польза от этого для [чаньского] принципа? Послушай мою гатху:

*[Человек], пока жив, сидит и не ложится.
Когда же умирает, он ложится и более не сидит.
Но все это один и тот же вонючий костяк.
Так почему же мы должны упражняться именно сидя?*

Еще раз поклонившись наставнику, Чжичэн сказал:

— Я учился у великого Учителя Шэньсюя в течение девяти лет²¹⁸, однако так и не достиг просветления. Сегодня же, услышав Ваши слова, Преподобный, я познал изначальное сердце. И я прошу милости у Преподобного, чтобы он наставил меня о великом деле рождений и смертей.

— Я слышал, что ваш учитель наставляет вас в дисциплинарных правилах (*сила*), в созерцании (*самадхи*) и в высшей мудрости (*праджня*)²¹⁹. Однако что он подразумевает под правилами, медитацией и высшей мудростью? Расскажи мне! — сказал Хуэйнэн.

— Великий учитель Шэньсюй говорит: «То, что удерживает нас от недостойных поступков — это и есть правила. Следование добрым поступкам — это и есть высшая мудрость. Самоочищение собственного сознания и есть созерцание». Вот как он наставляет нас. Могу ли я, Преподобный, узнать Вашу систему?

— Если я тебе скажу, что у меня есть некое учение, чтобы передать другим, я обману тебя. Однако следуя [моим] способам, можно освободиться от пут [бытия]. Обыденное имя для обозначения этого — самадхи. То, как ваш учитель определяет правила, созерцание и высшую мудрость, на самом деле не вызывает сомнений. И все же я смотрю на правила, созерцание и высшую мудрость иначе.

— Если существуют только одни правила, созерцание и высшая мудрость, — воскликнул Чжичэн, — то как же могут быть другие взгляды на них?

То, как ваш учитель трактует правила, созерцание и высшую мудрость, единится со [взглядами] представителей Большой колесницы (*Махаяна*), таковы же, как я понимаю их — взгляды представителей Наивысшей колесницы. [Время и способы] получения просветления и освобождения могут быть не одинаковы, а поэтому и взгляды на это могут сильно различаться. Послушай, что я скажу тебе! Отличается ли это от того, что говорят другие? Учение, в котором я наставляю, не отделено от само-природы. Если же оторваться от тела [само-природы], то все это будет называться лишь «формами» (внешними проявлениями — сян), а само-природа будет пребывать в постоянном заблуждении. Необходимо познать, что все мириады дхарм (учений) рождаются именно из само-природы, а это и есть истинная Дхарма и дисциплинарных правил, и созерцания, и мудрости. Вновь послушай мою гатху:

Когда в сердце-основе нет ложного, то это и есть правила само-природы.

Когда в сердце-основе нет отвлекающих мыслей, то это и есть праджня само-природы.

Когда в сердце-основе нет хаоса, то это и есть самадхи само-природы.

Когда ничего не прибавляется и ничего не убывает, это и есть алмазная [крепость]²²⁰ само-природы.

Приход жизни и уход жизни — все лишь основа самадхи.

Услышав гатху, Чжичэн извинился, [что задал нелепый вопрос], и поблагодарил Наставника. А затем он сложил следующую гатху:

Пять скандх — лишь иллюзия, созданная нашим телом.

Да разве могут иллюзии быть миром истинной реальности?

[И само желание] вернуться к истинной таковости

Указывает лишь на то, что дхарма наша не очищена.

Учитель согласился с этим стихом. Вернувшись к беседе с Чжичэном, патриарх сказал:

— То, что говорит ваш учитель о правилах, самадхи и праджне, подходит для мудрых людей малых корней. То же, что я говорю о правилах, самадхи и праджне, подходит для мудрых людей больших корней. Те, кто прозрел само-природу, не опираются на [термины] «бодхи» или «нирвана», равно как не опираются и на учение «о познании и прозрении освобождения». Лишь тот, кто в реальности не ограничивает себя одним учением, может постичь мириады учений²²¹. И лишь тот, кто постиг смысл этого, может называть это «телом Будды» (*буддхатхата*), «бодхи» или «нирваной», равно как можно называть это «познанием и прозрением освобождения». Человек, что прозрел свою природу, может опираться на эти [термины], но может и не опираться на них. Он свободно приходит и уходит (рождается и умирает — А.М.), не имея ни задержек, ни преград; делает, откликаясь на использование [вещей]; отвечает, откликаясь вопросу. Он созерцает в своем «теле изменений» (*нирманакая*) и не отрывается от само-природы, достигая таким образом «самопробытия в духовном проникновении²²², забавляясь с самадхи». Это и называется прозрением природы. Чжичэн вновь спросил у наставника: — Объясните, в чем смысл выражения «не опираться»?²²³

— В само-природе нет ничего ложного, никаких заблуждений или хаоса. Мысль за мыслью через праджню прозревают и высветляют для себя [изначальную природу], постоянно отрываясь от проявлений дхарм (*фасян*), свободно пребывая сами в себе²²⁴. Она распространяется вдоль и поперек. Так как же опираться на это? Само-природа сама просветляется, и благодаря этому мы внезапно получаем просветление, а также — за пределами времени — пестуем [истинное в себе], и здесь не бывает ничего постепенного или поэтапного. А поэтому и не опираемся ни на какие учения (дхармы, способы — А.М.), ибо учение — это и есть нирвана. Да разве есть в ней какие-то этапы?

Чжичэн поклонился учителю, пожелал остаться с ним и не отходил с тех пор от него ни днем, ни вечером.

Монах Чжичэ был выходцем из провинции Цзянси, его фамилия в миру была Чжан, звали Синчаном, а в молодые годы служил он воином. С той поры, как произошло разделение на Южную и Северную школы, хотя руководители этих школ и не спорили друг с другом, их последователей бушевал дух соперничества и вражды.

В ту пору представители Северной школы самовольно объявили Шэньсюя Шестым патриархом и боялись, что весть о том, кому [Пятый] патриарх [действительно] передал патру и рясу, разнесется по всей Поднебесной, а поэтому подговорили Синчана убить Наставника [Хуэйцэна]. Но патриарх в своем сердечном проникновении заранее знал об этом заговоре и положил при себе десять лянов золотых монет.

И вот однажды, когда ночь опустила свой покров, Синчан проник в покои патриарха, желая осуществить недоброе. Наставник сам, вытянув шею, подставил ее под удар, и Синчан три раза ударил своим клинком, но тот не оставил

[на теле патриарха] ни малейшей царапины. Наставник же сказал: «Справедливый меч не причиняет вреда, ложный меч не является справедливым. Я должен тебе лишь деньги, но свою жизнь я тебе не должен».

Синчан, пребывая в глубоком изумлении, упал в обморок и долгое время не мог придти в себя. [Затем же], глубоко раскаявшись и принеся извинения, он решил покинуть мир [и уйти в монахи]. Патриарх протянул ему деньги²²⁵ и сказал: «Тебе лучше поскорее уйти, боюсь, что мои ученики могут причинить тебе вред. Лучше приходи как-нибудь в другой раз, переодевшись, и я возьму тебя к себе».

Синчан, как ему и сказали, скрылся в ту ночь, а затем, обрядившись в монашеские одежды, покинул мир, придерживался всех дисциплинарных правил и быстро совершенствовался.

Однажды, вспомнив все, что говорил ему Наставник, он отправился в далекое путешествие повидать его и выразить свое почтение. Учитель сказал:

— Я давно вспоминал о тебе, почему ты пришел так поздно?

— Став бхикшу, — ответил он, — я раскаиваюсь в своих ошибках. Сейчас, хотя я и покинул мир и [воспитываю себя] подвижничеством²²⁶, но все же не способен воздать вам за ваше милосердие. Могу ли я сделать это, распространяя Дхарму и спасая живые существа? Я постоянно изучаю «Махапаринирвана-сутру», однако не могу понять смысл «постоянного» и «непостоянного». Не будете ли Вы столь милосердны и не объясните ли мне это?

— Непостоянное — это и есть природа Будды, — ответил Учитель. — А то, что обладает постоянством — это сердце, расколотое всеми дхармами добра и зла.

То, что говорите Вы, Преподобный, премного противоречит писанному в сутрах.

— Я передаю печать сердца Будды, так как же это может противоречить буддийским сутрам?

— Сутры говорят, что природа Будды — это и есть постоянство, Вы же, Преподобный, говорите, что она не обладает постоянством. Все дхармы добра и зла и даже само бодхи-ситта (сердце-мудрость) не обладают постоянством. Вы же, Преподобный, говорите, что они обладают постоянством. В этом как раз и состоит противоречие. Сегодня я, изучающий [буддизм], ввергнут в немалое сомнение и недоумение.

— Если уж мы заговорили о «Махапаринирвана-сутре», то одна бхиккуни (монашенка) по имени Учицзан пересказала мне наизусть всю эту сутру, попросив, чтобы я объяснил ее смысл. Ни один иероглиф, ни один смысл не расходились с тем, что гласил текст сутры. И то, что я тебе говорю сегодня, не отличается от того объяснения.

— Поскольку знания Вашего ученика поверхностны и неполны, не могли бы Вы, Преподобный, яснее раскрыть это?

— Ты так и не понял? — спросил патриарх. — Если бы природа Будды была постоянной, то какой бы имело смысл рассуждать о дхармах добра и зла? И нашелся бы тогда до конца кальп человек, который открыл бы истину бодхи? Вот поэтому я и говорю, что природа Будды не обладает постоянством. Это как раз тот смысл, который Будда вкладывал в истинное постоянство. К тому же, если бы все дхармы не обладали бы постоянством, тогда бы все вещи обладали само-природой, могли бы страдать, рождаться и умирать, а природа истинного постоянства (круга рождений и смертей - А.М.) не могла бы распространиться повсеместно. Вот почему я говорю, что дхармы добра и зла обладают постоянством. Это как раз то, что Будда и подразумевал под смыслом истинного непостоянства. Ведь Будда [в том числе] обращался и к обычным людям и представителям других школ (дословно «внешнему пути» — А.М.), которые придерживались ложного постоянства, а люди «двух колесниц»²²⁷ принимают за постоянство его отсутствие. Все вместе они образуют то, что мы называем «ба дао» — «восемь ложных дорог». А поэтому в «Махапаринирвана-сутре», чьи иероглифы преисполнены скрытого смысла, эти неверные взгляды разбиваются и ясно говорится, что [нирвана являет собою] истинное постоянство, истинную радость, истинное Я и борение сердца²²⁸.

Ты же сейчас, опираясь на слова, поворачиваешься спиной к их смыслу. Ты считаешь так: то, что уничтожается — непостоянно, а то, что неизменно и окостенело — то и вечно, и тем самым ты неправильно понимаешь последнее наставление Будды²²⁹, смысл которого всеохватен, утончен и глубок. Ты можешь читать [сутру] вдоль и поперек тысячи раз, но какая польза будет от этого?

Внезапно в этот момент Синчан получил великое пробуждение и произнес гатху:

*Чтобы сберечь непостоянство сердца,
Будда говорил об обладании постоянной природой.
Тот, кто не знает, что это всего лишь уловка,
Подобен тому, кто собирает гальку в весенних озерцах,
Принимая ее за жемчужины.
Я же сейчас не прилагаю никаких усилий,
Природа Будды сама проявляется,
И это отнюдь не благодаря наставлениям учителя
И не моим собственным достижениям.*

Хуэйинэн сказал:

— Сегодня ты полностью проник [в суть учения о постоянстве], а поэтому отныне твое имя будет Чжичэ — «Решимость к полному проникновению».

Чжичэ поклонился, поблагодарил патриарха и удалился.

Однажды тринадцатилетний юноша, чье имя было Шэньхуэй, родившийся в клане Гао в Шэньяне, пришел из монастыря Юйцюаньсы (*Нефритового источника*)²³⁰ выразить свое почтение [Хуэйинэну].

Наставник сказал:

— Глубокомудрый! Ты пришел издалека и наверняка утомился. [Тем не менее, не сможешь ли ты мне сказать], понял ли ты, что такое «основа» (*бэнь*)? Если ты обладаешь знанием основы, то знаешь и ее правителя²³¹. Проверим, что ты сможешь сказать!

— Отсутствие привязанности — вот основа. «Видеть» («прозревать» — А.М.) — вот ее правитель!

— ответил Шэньхуэй.

— Что за легковесные слова говорит этот сраманера (новичок-монах)! — воскликнул Хуэйинэн²³².

— Когда Вы, Преподобный, сидите в медитации,

— спросил Шэньхуэй, — Вы видите или не видите («прозреваете» — А.М.) [собственное сердце]?

Наставник ударил его три раза своим посохом, а затем спросил:

— Вот я тебя ударил — тебе больно или не больно?

— Одновременно и больно и не больно, — ответил Шэньхуэй.

— Вот также и я [во время медитации] и вижу и не вижу.

— Да как же это можно одновременно и видеть и не видеть? — спросил Шэньхуэй.

— То, что я постоянно вижу — это мои собственные ошибки. То, что я не вижу — это хорошее и дурное в других людях. А поэтому и говорю, что я и вижу и не вижу одновременно. Вот ты сказал, что тебе и больно и не больно одновременно. Если бы тебе было только не больно, то ты был бы подобен дереву или камню. Если бы тебе было только больно, то ты ничем не отличался бы от обычных людей, у которых [в ответ на боль] поднимаются гнев и ненависть. То, о чем ты меня только что спрашивал, «видеть» и «не видеть» — это двойственность. «Больно» и «не больно» — это как жизнь и смерть²³³. Ты же не видишь своей собственной само-природы. Так что же ты пришел сюда беспокоить меня?

Шэньхуэй поклонился патриарху, извинился и поблагодарил его.

Учитель же сказал:

— Твое сердце полно заблуждений, которых ты не видишь, попроси тех, кто добр и знающ, чтобы они показали тебе дорогу. Когда твое сердце придет к пробуждению, тогда ты сам прозреешь свою изначальную природу и сумеешь действовать в соответствии с буддийской дхармой. Ты пребываешь в заблуждениях и не видишь собственного сердца, но [вместо того, чтобы узреть собственное сердце], ты приходишь ко мне спросить, вижу я или не вижу его. Я-то вижу и сам знаю об этом, но как это может устранить твои заблуждения? Если бы ты сам прозрел, то это равно не устранило бы моих заблуждений! Так почему же ты не хочешь сам познать и сам узреть, интересуясь лишь тем, вижу я или не вижу?!

Шэньхуэй еще раз поклонился патриарху сотню раз, выразив свое величайшее раскаяние, и попросил Хуэйцзэна простить его. И после этого служил Наставнику, не отходя от него ни влево, ни вправо²³⁴.

Однажды, обратясь к пастве, Наставник сказал:

— У меня есть одна вещь, у которой нет ни начала, ни конца, нет ни имени, ни названия, нет ни зада, ни переда. Может кто из вас знает, что это такое?

Вперед выступил Шэньхуэй и произнес:

— Это — исток всех Будд и природа Будды самого Шэньхуэя.

— Разве я не сказал, — воскликнул Хуэйцзун, — что у нее нет ни имени, ни названия! Ты же называешь ее «исток» и «природой Будды». Даже если ты поселишься в соломенной хижине, то все равно сумеешь стать лишь «последователем учения знающих и трактующих»!²³⁵.

(После смерти патриарха Шэньхуэй переехал в Лоян, где широко распространил учение школы внезапного просветления из Цаоси, написав трактат «Сян цзун цзи» («Записи подробных [наставлений] в учении»). Он стал повсеместно известен под именем Хэцзэ чаньши — «Чаньский наставник Лotosового Пруда»)²³⁶.

Патриарх, видя, сколь много сложных вопросов, возникающих от несовершенства сердца, задают ему ученики и сколь много таких людей собралось перед его местом, в жалости своей обратился к ним:

— Люди, что изучают Путь, должны целиком избавиться от всех мыслей — как хороших, так и дурных. Лишь безымянному можно дать имя. И имя этого — «само-природа». То, что не имеет двух природ, именуется «доподлинной природой», и на этой доподлинной природе стоят все школы и учения. И говоря об этом, надо тотчас прозреть [собственную природу]!²³⁷

Все люди, которые услышали эти слова, поклонились Хуэйцзуну и попросили его быть их Наставником.

Глава 9 ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОКРОВИТЕЛЬСТВО ДХАРМЕ

В начале годов Шэньлунь (705 г.) в день высшего Первоначала (15 числа первого месяца года) в своем высочайшем эдикте императрица Цзэтянь и император Чжун-цзун сказали: «Мы пригласили двух учителей, Хуэйяня и Шэньсюя, прибыть ко двору и получить наши высочайшие дары, а в моменты отдохновения от наших тронных дел Мы бы изучали у них колесницу Единого²³⁸. Но в своей глубочайшей скромности оба учителя сказали: "На юге живет чаньский Наставник Хуэйцзун, который получил тайну [знания] Дхармы и рясу от Пятого патриарха Хунжэня и [ныне] передает печать "сердца Будды". Пригласите его к себе".

И сейчас Мы посылаем нашего особого посланника евнуха Пи Вэня с настоящим письмом, дабы пригласить [Наставника к Нам]. Надеемся, что Учитель будет столь милостив в своих помыслах, что не замедлит прибыть в столицу».

Но Учитель заявил, что желает провести остаток своих дней в «горных чащах»²³⁹.

Пи Вэнь же сказал:

— Благодатные чаньские наставники в столице обычно говорят: «Если хочешь познать Путь [Будды], то необходимо, сидя в медитации (*чань*), изучать самадхи (*дин*). Если же не практикуешь ни созерцания, ни самадхи, то никогда не сможешь достичь освобождения. Могу ли я узнать Ваше мнение по поводу этих высказываний?

— Дао прозревается сердцем, — ответил Хуэйцзэн, — так причем же здесь «сидячая» [медитация]? «[Ваджрачхедика]-сутра» говорит: «Тот, кто считает, что Татхагата (Воистину пришедший — Будда) либо лежит, либо сидит, следует неверным путем». Почему? Нет места, откуда он пришел, равно как и нет места, куда он уйдет. Не иметь ни рождения, ни смерти — вот это и есть чистейший чань Татхагаты. Все дхармы пустотны и покойны, и именно таково чистейшее сидение Татхагаты [в медитации]. И если внимательно посмотреть, то нет здесь ничего такого, что необходимо бы было «достигать», так к чему же беспокоить себя [мыслями] о сидении?

— По моему возвращению в столицу, — продолжал Пи Вэнь, — императрица обязательно станет расспрашивать меня. Я надеюсь, что Вы, Наставник, проявите милосердие и укажете мне на самое важное в сути [вашего учения], дабы я мог поведать об этом не только самим правителям в их двух дворцах, но и всем тем в столице, кто изучает Путь. Подобно это будет одному светильнику, что зажжет сотни и тысячи других светильников. И свет придет на смену темноте, и свету этому не будет предела.

— Дао не имеет светлого и темного, «свет» и «тьма» — это лишь два понятия, что противоположны друг другу. И когда мы говорим, что «свету не будет предела», мы подразумеваем наличие этого предела, поскольку именно оппозиция этих двух понятий и определяет само их наличие. Вот почему «[Вималакирти-нидиреша]-сутра» говорит: «Дхарма не может быть сопоставима ни с чем, поскольку не найти ей аналогов».

— Под «светлым» я подразумеваю мудрость, — сказал Пи Вэнь, — а под «темным» — незнание (*клеша*).

И если человек, что пестует Дао, не сможет своей мудростью разбить незнание, то как же он сможет избавиться от бесконечного круга рождений и смертей?

— Незнание — это бодхи, — ответил Наставник — [Незнание и бодхи] не двойственны и не различны. И если [говорить] о том, чтобы своей мудростью разбить незнание, то это будет взглядами последователей учения о «двух колесницах» — быка и оленя²⁴⁰. Люди великого корня и высшей мудрости, конечно же, не придерживаются этих взглядов.

— Так какого же учения придерживается школа Большой колесницы — школа Махаяны? — спросил Пи Вэнь.

— Свет (просветление) и его отсутствие с точки зрения обычного человека являются двумя разными вещами. Мудрый же достигает знания того, что их природа не двойственна. Отсутствие двойственной природы и является полнотой (*ши*) природы. Полнота природы такова, что у обычного человека, глупца, в ней ничего не убавляется, а у мудреца ничего не прибавляется. Она не придет в хаос, если кто-то пребывает в незнании, и не успокоится, если кто-то находится в чаньском самадхи. Она и не конечна и не вечна, не приходит и не уходит. Не пребывает между этим и не находится ни внутри, ни снаружи, не рождается и не умирает. Природа этого и его вид лишь «подобны» [чему-то]; пребывая вечно, это не меняется. А именем называем его Дао²⁴¹.

— Учитель, Вы говорите, что оно (Дао — А.М.) не рождается и не умирает. Так не подобно ли это «внешнему пути» (тому, чему учат другие школы — А.М.)?

— Когда внешние школы говорят об отсутствии рождения и смерти, они призывают прекратить смерть, чтобы прекратить жизнь, и жизнью оттеняют смерть. И смерть становится еще более бессмертной, а жизнь, можно сказать, безжизненной. Смерть более не приходит, но и жизнь более не возникает. Когда я говорю об отсутствии рождения и смерти, я [имею в виду], что изначально не было рождения, а сегодня нет и смерти²⁴². И потому это отличается от той трактовки, что предлагают другие школы. Если же вы хотите познать суть моего учения, Вы должны избавиться от всех мыслей о хорошем и дурном, естественно проникнуть в чистоту сердца, постоянно оставаться в покое, и тогда использование мельчайшего будет подобно речному песку.

Пи Вэнь, слушая наставления Учителя, внезапно получил великое просветление. Он поклонился Учителю и распрощался с ним, а вернувшись во дворец, передал все слова Наставника.

В тот же год девятого дня девятой луны был издан эдикт, который так говорил о Наставнике: «Будучи больным и в преклонных годах, Наставник отклонил [наше приглашение прибыть в столицу]. Посвятив всю свою жизнь пестованию Дао, он стал Нивой благодати нашего государства! Будучи подобным Вималакирти, который восстанавливал свои силы после болезни в Ваисали, он широко распространяет суть буддийского учения Большой колесницы, говоря о недвойственности Дхармы. Пи Вэнь передал Нам наставления Учителя о его понимании и видении Татхагаты. Мы были премного счастливы той благодати, которая поселилась в наших корнях. Встретив Наставника, что поведал миру [учение, мы поняли принцип] внезапного просветления Высшей колесницы. Мы ощутили милосердие Наставника Лотоса, дабы обладать им бесконечно».

[Вместе с этим Учителю] было поднесено одеяние Моно²⁴³ и чаша горного хрусталя, наместнику области Шаочжоу было велено отремонтировать монастырь, а месту, где обитал Наставник, было дано имя Гоэньсы — «Монастырь национального милосердия».

Глава 10

ЗАВЕТ²⁴⁴

Однажды Наставник обратился к своим ученикам Фахаю, Чжичэну, Фада, Шэньхуэю, Чжичану, Чжитуну, Чжичэ, Чжидо, Фасю, Фажу со следующими словами:

— Вы не подобны другим людям. После того, как я умру (уйду в Паринирвану), каждый из вас станет наставником в своей местности²⁴⁵. И сегодня я объясню вам, как, [наставляя других], не утратить смысл нашей школы.

Прежде всего, необходимо рассказать о трех категориях дхарм, о тридцати шести парах противоположностей в движении, о близости и различиях в «появлении» и «исчезновении»²⁴⁶. Наставляйте, что все дхармы не существуют в отрыве от изначальной природы. Когда же кто-нибудь спросит вас о Дхарме, отвечайте ему через пару [противоположностей] и объясняйте, что все выходит из своей противоположности, а приход и уход (появление и исчезновение — А.М.) являются причинами друг друга. В конце концов, эти две противоположности исчезнут, и тогда не будет никакого иного места [в этом мире].

Тремя категориями дхарм являются скандха, дхату, аятна²⁴⁷.

Существуют пять скандх²⁴⁸, пять скоплений (*панна-скандха*): материальные проявления, ощущения, образы, деяния и сознание.

Существуют двенадцать аятан, состоящих из шести внешних нечистых [опор сознания, или проявлений] (чэнь): внешний вид, звук, запах, вкус, осязание, интеллект, — и шести «внутренних врат», [через которые шесть нечистых проникают в человека]: глаза, уши, нос, язык, тело, мысль.

Существуют восемнадцать дхату: шесть нечистых опор сознания, шесть врат и шесть типов знания (*виджняна*).

Поскольку наша природа способна вобрать в себя мириады дхарм, она зовется сознанием-сокровищницей (*алая-виджняна*). Но лишь только в нас зарождаются мысли, они тотчас трансформируются в [различные типы] знания. Зародившись, шесть типов знания выходят из шести врат и встречаются с шестью нечистыми опорами сознания. И таким образом восемнадцать дхату получают свое «использование» (функцию) из нашей природы. Если наша природа ложна (*се*), то рождаются восемнадцать ложных проявлений, если же она праведна — то восемнадцать праведных проявлений. Если это — «использование злого», то это и есть использование живых существ. Если же это — «использование доброго», то это и есть «использование Будды». [Таким образом], различие в «использовании» проистекает из самой нашей природы²⁴⁹.

Дхармы, что противоположны друг другу, принадлежат внешнему миру. В мире существует пять пар противоположностей (*у дуй*): Неба и Земли, солнца и луны, света и тьмы, инь и ян, воды и огня.

Дхармалакшаны (внешние феномены) подразумевают двенадцать пар противоположностей: речи и дхармы, наличия и отсутствия, обладания формой (*руна*) и необладания формой (*арупа*)²⁵⁰, обладания проявлениями (*лакшанами*) и необладания проявлениями, отравляющего влияния внешнего мира (*асрава*)²⁵¹ и отсутствия этого влияния, формы (*руна*) и пустоты (*шунъята*), движения и покоя, чистоты и загрязненности, обыденности и святости, монашеского и мирского, старого и молодого, великого и малого.

Существуют девятнадцать пар противоположностей, что зарождаются от использования собственной природы: длинного и короткого, ложного и праведного, замутненного и мудрого, незнания и мудрости (*праджня*), хаоса (*луань*) и самадхи, милосердного и отравляющего, предписаний (*сила*) и вседозволенности, прямого и искривленного, наполненного и пустого, угрожающего и умиротворенного, незнания (*клеша*) и просветления (*бодхи*), постоянного и непостоянного, добродетельного и злого, счастливого и несчастного, великодушного и низкого, движения вперед и назад, рождения и угасания, дхармакаи и физического тела, самбхогакаи и нирманакаи. Учитель добавил:

Тот, кто знает, как использовать эти тридцать шесть пар противоположностей, тот способен проникнуть в Принцип, который пронизывает Единым все сутры. Проникая и выходя, он способен избежать [следующих] двух крайностей.

Используя собственную внутреннюю природу или беседуя с людьми, [вы должны] снаружи освободить себя от привязанностей к внешним образам (*самаджня*), внутри же — опустошить себя от [идеи] Пустоты²⁵². Если же целиком отдаться созданию образов [внешнего мира], то именно из этого произрастут ложные взгляды. Если же полностью придерживаться [идеи] о Пустоте, то именно из этого произрастет непонимание.

Человек, что [слепо] придерживается идеи Пустоты, будет поносить сутры, прямо говоря: «Не следует использовать письмена»²⁵³. Говоря о «неиспользовании письмен», человек не будет пребывать в согласии со словами, поскольку эти слова являются внешними представлениями письмен. Он также может говорить: «Истинный путь заключен в том, чтобы не опираться на письмена». Но ведь эти два иероглифа — «не опираться» — также являются письменами! Увидев человека, говорящего такие слова, он будет поносить его рассуждения о письменах. Все вы должны знать об этом!

Можно смириться с тем, что этот человек заблуждается сам, но он к тому же поносит сутры. Поносить сутры нельзя, ибо столкнешься с бесчисленными препятствиями и грехами!

Тот, кто придерживается внешних представлений, стремится достичь истины, придерживаясь определенного учения, либо создает множество мест для проповедей²⁵⁴, где премного страдает рассуждениями о наличии и отсутствии. Но такой человек даже через множество калп не сможет узреть своей изначальной природы.

Однако [нам следует], опираясь на Дхарму, свершать истинные деяния, а не думать о сотнях вещей, создавая себе тем самым препятствия на Пути к изначальной природе. Если же только слушать наставления, но не следовать [истинным деяниям], то все это лишь породит ложные мысли. Но если свершать все деяния, следуя Дхарме, то мы не будем подвержены тяге к созданию [ложных] образов.

Если вы поймете это и будете проповедовать и действовать через нее (Дхарму — А.М.), использовать ее, то тогда наша изначальная школа никогда не будет утрачена.

Если встретится вам человек, который будет вопрошать вас о смысле [учения], то на вопрос о наличии (бытие) говорите об отсутствии (небытие). Если же он будет спрашивать об отсутствии [Дхармы], отвечайте ему о наличии. Будет вопрошать о мирском — рассказывайте о священном, а на вопрос о священном поведайте ему о мирском. Два пути являются причиной друг друга, [в результате чего] и рождается смысл Срединного Пути. Если вас спрашивают о чем-либо, отвечайте через противоположность этому. Именно так отвечая на вопрос о чем-либо, вы никогда не утратите Принципа (ли).

Предположим, кто-нибудь спрашивает вас: «Что называют темнотой?». Ответить надо так: «Свет — это предшествующая причина (хету), темнота — это следствие (или порожденная причина, пратъя — А.М.). Если бы не было света, не было бы и темноты, а значит через свет мы понимаем темноту, через темноту понимаем свет, и таким образом они являются причинами друг друга, формируя смысл Срединного Пути»²⁵⁵. Все вопросы можно досконально разъяснить именно таким образом.

Передавая Дхарму последующим поколениям, обучите их [тому, что я сказал], — да не утратится суть нашей школы!

В первый день седьмой луны Яньхэ первого года Тайцзи (710 г.) Наставник приказал своим ученикам отправиться в Синьчжоу, в монастырь Гоэньсы, и построить там ступу, наказав поторопиться с работой. К концу лета следующего года строительство было завершено. В первый день седьмой луны Наставник собрал своих последователей и сказал:

— Я покину этот мир в восьмом месяце. Если у кого из вас еще остались сомнения, спросите меня, пока не поздно, дабы разбил я все ваши сомнения и положил конец вашим заблуждениям. Ибо после того, как я покину вас, не найдется никого, кто смог бы вас наставить.

Фахай и остальные ученики, услышав это, залились слезами, в то время как один лишь Шэньхуэй остался духом спокоен, недвижим и не проронил ни слезинки.

Наставник же сказал:

— Младший учитель²⁵⁶ Шэньхуэй достиг [такого состояния сознания, которое не знает разделения] на доброе и плохое, похвала или порицание не смогут поколебать его, горести и радости не рождаются в нем. Остальные же не достигли этого. После стольких лет воспитания в горах какое Дао обрели вы? Почему вы убиваетесь и плачете сегодня? Неужели вы убиваетесь по мне из-за того, что я не знаю, куда ухожу? Но сам я знаю, куда отправляюсь, а поэтому не стоит горевать и лить слезы. Если бы я не знал, куда ухожу, как бы я смог заранее сообщить вам об этом? Вас заставляет плакать то, что вы сами не знаете, куда я ухожу. Но если бы вы знали это, то не горевали и не предавались слезам. В природе Дхармы нет ни рождения, ни смерти, ни прихода, ни ухода. Сядьте все, я прочту вам стих, что зовется «Гатхой об истинном и ложном, о движении и покое». Если вы будете повторять этот стих, то ваше сознание станет тождественным моему, именно так вы и будете пестовать свои поступки, не утратив сути нашей школы.

Все монахи поклонились ему, попросив Учителя произнести стих.

В гатхе говорилось:

Нет ни одной [вещи], что содержала бы в себе истину²⁵⁷, и не имеет смысла смотреть на нее как на реальность.

И если смотреть на вещи как на истинные, то в конце концов узреем лишь ложное.

Если бы мы могли лишь своей волей избавиться от заблуждений,

Но сердце само по себе не способно отринуть ложное.

Так где же в неистинном найдется место для истинного?

Тот, кто обладает чувствами, топ] привержен движет

Тот же, кто не [захвачен] чувствами, пребывает в не подвижности [подобно дереву и камню].

Если пестовать недвижимое поведение, то станешь тождественен тому, что не обладает ни чувствами, ни движением²⁵⁸.

И если бы вы могли узреть «истину вне движения», то в движении пребывала бы не подвижность. «[Пребывание] же в не подвижности» означает [лишь простое] отсутствие движения, а пребывание «вне чувств» означает отсутствие семян Будды²⁵⁹.

Способный к [постижению] добродетели может различать многообразные внешние проявления и прежде всего — не подвижность.

И если взирать на все именно таким образом, то это и будет использование Истиной таковости (Татхагаты).

Тот, кто объявляет себя «[следующим] Пути-дао», с превеликим тщанием должен использовать смысл этого.

Те люди, что стоят вне школы Махаяны, придерживаются знания о [круговороте] жизней и смертей. Если их речи совпадают с нашими, мы можем вместе с ними обсудить смысл буддизма. Если же их практика отличается от нашей, мы просто [поприветствуем их], сложив ладони перед грудью, и тем самым оставим их счастливыми. Школа наша изначально сторонилась споров, ведь спорить обо всем этом означает лишь утратить смысл Дао. Те школы Дхармы, что ведут полемику друг с другом, уже по своей изначальной природе вступают [в чертоги бесконечной череды] жизней и смертей.

После того, как община услышала эту гатху, все поклонились [Хуэйцзуну]. Поняв смысл того, о чем говорил

Учитель, каждый обрел покой в своем сердце и решил совершать поступки, опираясь лишь на учение Дхармы, и не вступать в споры с другими школами. К тому же знали они, что Учителю недолго осталось пребывать в этом мире, и Фахай, встав, вновь поклонился Учителю и спросил:

— Когда Вы, достойный монах (Учитель), обретете Паринирвану (умрете), кому будет передана ряса и Дхарма?

— Все, что я говорил вам в монастыре Дафаньсы вплоть до моих сегодняшних слов, должно быть записано и распространено под названием «Фабао таньцзин» («Сутра Помоста драгоценности Дхармы»)²⁶⁰, — ответил Наставник. — Берегите ее и передавайте из поколения в поколение, дабы спасать живые существа²⁶¹. И если вы будете проповедовать именно на ее основе, то это и будет Праведным законом Дхармой). Сейчас я говорю лишь о проповеди [учения нашей школы], но [традиция] передачи рясы не будет продолжена. И это потому, что корни вашей веры мощны и плодоносны, есть в вас решимость и нет сомнений и лежит на вас исполнение великих дел. Все это находится в соответствии с той гатхой, что завещал нам Первопатриарх, Великий учитель Дамо:

Я пришел на эту землю, дабы передать Дхарму и спасти тех, кто заблудился в чувствах своих;

И если на одном цветке раскрылись пять листьев, то плоды родятся сами²⁶².

Учитель вновь обратился к общине:

— О глубокоумудрые! Пусть каждый из вас очистит свое сердце и внимательно вслушается в мои слова! Тот, кто хочет достичь всеохватной мудрости [Будды], должен достичь «самадхи единого проявления» и «самадхи единого действия». Где бы ни находились, мы должны освободить себя от любых внешних проявлений, а по отношению к ним у нас не должны рождаться ни ненависть, ни любовь — относитесь к ним нейтрально. Не думайте о таких вещах, как достижение выгоды или неудача, будьте спокойны и безмятежны, пустотны и чисты. Это и будет называться «самадхи единого проявления». Где бы вы ни находились, идете вы или стоите, сидите или лежите, всегда будьте прямосердечны, и вам даже не [потребуется] свершения [ритуалов] в ваших обителях, как вы воистину достигнете Чистой земли²⁶³. Вот это и будет называться «самадхи единого действия».

Вот каков человек, что обладает этими двумя формами самадхи: он подобен земле, что содержит [сначала] сокрытые семена, которые [затем] вскармливаются, прорастают, цветут и наконец дают плоды. Именно таковы единое проявление и единое действие.

То, что я сегодня проповедую вам, подобно сезонному дождю, который омывает великие земли. Природа Будды внутри вас может быть уподоблена семенам, что омываются дождем и благодаря этому прорастают. Тот, кто

отнесется со вниманием к моим наставлениям, обязательно достигнет просветления-бодхи. Тот, кто будет руководствоваться моими деяниями, обязательно получит утонченные плоды [природы Будды].

Послушайте мою гатху:

*Семена [Будды] заключены в нашем сердце-основе,
Всеохватный дождь напитывает ростки.
[Как только] распустятся цветы внезапного озарения,
Так тотчас плоды просветления-бодхи родятся сами.*

Произнеся эту гатху, Учитель добавил:

— Дхарма не двойственна, таково и сердце. Путь-Дао чист и превосходит все внешние проявления. Остерегайтесь [практиковать лишь] «взирание в покое» и «опустошение сердца» (сидячую медитацию — А.М.). Сердце наше чисто изначально, а значит, нам не надо стремиться к чему-то или что-то отвергать. Каждый должен сам все делать с усердием и тщательно следовать обстоятельствам»[264](#).

Вся паства поклонилась [Хуэйнэну] и удалилась.

Восьмого дня седьмого месяца Учитель неожиданно наказал своим ученикам:

— Я собираюсь вернуться в Синьчжоу, [к себе на родину]. Подготовьте побыстрее лодку.

Все ученики в великом сожалении просили его остаться, но учитель сказал:

— Будда, явившись в этот мир, показал нам нирвану. Тот, кто приходит [в этот мир], должен [однажды] покинуть его — таков естественный принцип. Мое тело возвращается туда, где ему уготовлено место.

Монахи же просили:

— После того, как Вы уедете [в Синьчжоу], Вы можете рано или поздно вернуться к нам.

Но Учитель сказал:

— Листья, опадая, возвращаются к корням. Увы, не может быть и речи о моем возвращении.

Тогда монахи вновь спросили:

— Кому передадите Вы сокровищницу истинного ока Дхармы?

— Человек, что обладает Путем-Дао, получит ее. Непривязанный к своему сердцу проникнет в нее, — ответил Учитель.

— Какие трудности ожидают нас в дальнейшем? — спросили монахи.

— Через пять-шесть лет после моей смерти появится некий человек, что украдет мою голову²⁶⁵. Послушайте мое пророчество: прежде всего кормите родственников²⁶⁶. Во рту должна быть пища²⁶⁷. Когда придут трудности, Ян и Лю станут чиновниками²⁶⁸. И еще скажу я вам: через семьдесят лет после того, как я покину вас, придут два бодисаттвы с Востока — один монах, один мирянин. И будут они вместе распространять [учение], станут основателями нашей школы, будут строить и реставрировать монашеские обители²⁶⁹, и последователи их будут процветать.

— Не знаете ли Вы, сколько прошло поколений от первого Будды до сегодняшнего дня? — спросили монахи.

— Древних Будд, что приходили в этот мир, бесчисленное множество и сосчитать их невозможно. Давайте начнем с [последних] семи Будд. Будды прошлых кальп (*аламкаракальпа*) — это Випассин, Сикхин и Виссабху. Будды настоящей кальпы (*бхадракальпа*) — это Какусундха, Конагамана, Кассапа, Гаутама. Таковы эти семь Будд²⁷⁰.

Будда Шакьямуни передал [учение] сначала арье Махакашьяпе, вторым патриархом стал арья Ананда, третьим — арья Санавава, четвертым — арья Упагупта, пятым — арья Дхиритака, шестым — арья Мичака, седьмым — арья Васумитра, восьмым — Буддхананди, девятым — арья Буддхамитра, десятым — арья Парсва, одиннадцатым — арья Пуньяясас, двенадцатым — бодисаттва Асвагоша, тринадцатым — арья Капимала, четырнадцатым — бодисаттва Нагарджуна, пятнадцатым — арья Канаева, шестнадцатым — арья Рахулата, семнадцатым — арья Сангхананти, восемнадцатым — арья Сангхасас, девятнадцатым — арья Кумарата, двадцатым — арья Джаята, двадцать первым — арья Васубхадху, двадцать вторым — арья Манура, двадцать третьим — арья Хаклена, двадцать четвертым — арья Синха, двадцать пятым — арья Басиасита, двадцать шестым — арья Пуньямитра, двадцать седьмым — арья Праджнятара, двадцать восьмым — арья Бодхидхарма, двадцать девятым — великий учитель Хуэйкэ, тридцатым — Сэнцань, тридцать первым — великий учитель Даосинь, тридцать вторым — великий учитель Хунжэнь. Я же, Хуэйинэн, являюсь тридцать третьим патриархом²⁷¹. От предыдущего патриарха каждый [последующий] получал наставления. Гак и вы от одного к другому, из поколения в поколение должны распространять и передавать учение.

В первый день второго года эры Гуйчоу, в третий день восьмого месяца (713 г.) в монастыре Гозньсы²⁷² Великий учитель, приняв пищу, обратился к своим ученикам:

— Прошу вас, рассядьтесь в установленном порядке, я хочу попрощаться с вами.

Фахай спросил:

— Какие наставления оставите Вы нам, дабы все заблудшие люди нынешнего и всех последующих поколений смогли бы прозреть природу Будды?

Учитель сказал:

— Все вы послушайте об истине! Если все заблуждающиеся люди последующих поколений сумеют познать живых существ, то это и будет [проявлением] природы Будды. Но если они не познают этого, то даже за десять тысяч кальп им будет весьма сложно достичь Будды.

Сегодня я научу вас, как познать живых существ внутри вашего сердца и через это узреть природу Будды, что живет в вашем сердце. Если вы желаете узреть Будду, то будет вполне достаточно познать живых существ. И все это потому, что именно люди порождают в себе заблуждения по поводу Будды, но отнюдь не Будда вводит в заблуждение людей. Когда внутренняя природа [людей] испытывает пробуждение, то именно они сами и являются Буддами. Если же их внутренняя природа пребывает в заблуждениях, то Будда становится человеком. Когда по своей внутренней природе они становятся равны, то любое живое существо и есть Будда. Если же их внутренняя природа обращена к ложному и опасному, то Будда превращается в обычного человека. Если ваше сердце искажено и искривлено, то Будда становится человеком. Если же в своей единой мысли вы ровны и прямы, то это значит, что человек стал Буддой. Мое сердце само по себе обладает Буддой, этот само-Будда и есть Истинный Будда. И если Будды нет внутри нашего сердца, то где же еще искать истинного Будду? Ваше собственное сердце и есть Будда — даже не сомневайтесь в этом! Снаружи этого нет ничего, что могло бы возникнуть, всё изначально представляет собой мириады явлений (дхарм), порождаемых нашим сердцем. Поэтому Сутра говорит: «Когда сердце (работа сознания — А.М.) рождается, то к жизни приходят самые различные явления, и когда [это же] сердце угасает, угасают и самые различные явления».

Сегодня, расставаясь с вами, я оставляю вам гатху, которая называется «Гатхой Истинного Будды собственного сердца». Наши потомки, если сумеют понять смысл этой гатхи, сами прозреют свое изначальное сердце и сами обретут Путь Будды. Гатха гласит:

Таковость (татхата) собственной природы и есть Истинный Будда.
В то время как ложные взгляды и три яда — это и есть искушитель Мара.
И в тот момент, когда в нас живут ложные воззрения и заблуждения, внутри нас поселяется Мара.
В момент обретения праведных взглядов Будда восходит на свой престол.
Когда внутри нашей природы рождаются ложные взгляды и три яда, то это значит, что владыка Мара пришел и овладел нами.
Праведные взгляды сами устраняют три яда в нашем сердце.
И в тот же момент Мара превратится в Будду, а в истинном отныне не будет ложного.
Дхармакая, нирманакая и самбхогакая — все эти три тела изначально представляли собой единое тело.
И если внутри собственной внутренней природы вы сумеете сами прозреть [эти три тела], Это и станет залогом того, что вы обратитесь в Будду и достигнете просветления-бодхи.
С самого начала именно из нирманакаи рождается наша чистая природа²⁷³,
Чистая природа постоянно пребывает в нирманакае.
Именно чистая природа может повести нирманакаю по праведному пути,
И однажды это приведет к абсолютно самодостаточной и воистину безграничной [в своих заслугах и добродетелях] самбхогакае.
Загрязненная природа в своей основе являет собой причину чистой природы,
И стоит нам лишь избавиться от загрязнений, как тотчас проступит чистая природа дхармакаи.
В природе своей каждый пускай избавится от [господства] над ним пяти чувств.
И тогда, пускай лишь на краткий миг (ксана), ты узрешь свою природу — это уже и будет истиной.
В этом рождении вам довелось встретиться с учением Школы внезапного просветления, и мы стремимся узреть внутри нашей природы Правителя Мира сего (Бхагават — Будду).
Тот же, кто желает обрести Будду через какую-то [внешнюю] практику — разве он знает, где следует искать истину?
Тот же, кто окажется способен прозреть истину в своем сердце, [пусть знает, что] обретение истины и есть причина становления Буддой.
Тот же, кто, не прозрев собственной природы, станет снаружи искать Будду в своем возбужденном сознании, окажется величайшим глупцом.
То учение Школы внезапного просветления, что я оставляю вам, предназначено для спасения людей, живущих в этом мире, которым необходимо прежде всего заниматься воспитанием самих себя.
К вам обращаюсь, мои последователи Пути в будущих поколениях, — если вы не будете следовать прозрению [собственной природы], то это станет лишь пустой тратой времени.

Закончив читать гатху, Наставник добавил:

— Берегите себя. Когда я покину этот мир, не следуйте мирской традиции и не выражайте чувства причитаниями и слезами! Тот, кто будет выражать соболезнования или обрядится в траурные одежды — тот не мой ученик! То — не истинное Учение! То, что вам действительно следует делать — это постигать свое изначальное сердце, прозревать свою изначальную природу. Не пребывать ни в покое, ни в движении, не рождаться и не умирать, не приходить и не уходить, не являться и не исчезать, не пребывать, но и не отсутствовать.

Боюсь лишь, что сердца ваши пребывают в заблуждениях и вы не сможете уловить смысл того, что я говорил вам. А поэтому я сегодня вновь повторяю это, чтобы вы смогли прозреть собственную природу. Если вы будете следовать моим наставлениям после того, как я уйду, то это будет означать, что я остаюсь жив. Если же [в своих поступках] вы будете противоречить моему учению, то даже если бы я оставался жив, все равно бы не было для вас никакой пользы. Затем Наставник вновь произнес гатху:

*В недвижности не воспитать доброты.
Вздымаясь вверх, не совершай зла,
Пребывая в покое, откажись от того, чтобы видеть и слышать,
Будучи умиротворенным, пребывай своим сердцем нигде.*

Произнеся гатху, Наставник благовейно сел и пробыл так до третьей стражи²⁷⁴. Затем он неожиданно сказал ученикам: «Я ухожу!» — и внезапно исчез. В тот же момент удивительные ароматы наполнили комнату, и белая радуга встала над землей. Лес поседел, а птицы и животные испустили скорбные крики.

В одиннадцатом месяце чиновники из Гуанчжоу, Шаочжоу и Синьчжоу, а также последователи школы [Хуэйнэна], монахи и миряне, затеяли спор о том, где следует захоронить Истинное Тело, и никак не могли придти к единому решению. Наконец, они возожгли благовония, помолились и сказали: «Пусть дым от благовоний и укажет нам на нужное место. Туда и вернется патриарх!». Дым указал в сторону Цаоси. Итак, третьего дня одиннадцатого месяца туда был перенесен священный склеп²⁷⁵ с телом вместе с патрой и рясой²⁷⁶. На следующий год 25 числа седьмого месяца склеп вновь достали, и ученик [Хуэйнэна] Вань Бянь обмазал его благовонными глинами. Последователи школы [Хуэйнэна], памятуя о предсказании, что кто-то выкрадет голову патриарха, обернули шею учителя, дабы защитить ее, железными листьями и материей, пропитанной лаками, а затем вновь положили в ступу.

Внезапно изнутри ступы вознесся столб белого сияния, ударив прямо в небо, и так держался три дня. Чиновники из Шаочжоу доложили об этом на Высочайшее имя, и императорским указом было предписано возвести здесь стелу, дабы увековечить деяния Наставника. Патриарх прожил 76 весен и осеней, в 24 года ему была передана ряса, в 39 лет он принял постриг, в течение 37 лет он проповедовал Учение ради блага всех живых существ, 43 его ученика получали от него наставления в Дхарме и с его особого согласия стали его преемниками, и даже невозможно узнать число тех, кто достиг с его помощью пути просветления и преодолел мирскую жизнь.

Ряса, передаваемая от Бодхидхармы, одежды Моно, преподнесенные императором Чжун Цзуном²⁷⁷, нефритовая чаша, статуя патриарха, изваянная Вань Бянем, и другие священные предметы были переданы хранителю ступы в молитвенном месте монастыря Баолиньсы. «Сутра Помоста» получила широкое распространение, ясно выражая наставления патриарха. Все это было совершено ради восславления Трех драгоценностей (Будды, Дхармы, сангхи), равно как и ради пользы всех живых существ.

Записи Линтао²⁷⁸

После того, как тело патриарха поместили в ступу, в полночь третьего дня восьмого месяца десятого года эры Кайюань (722 г.)²⁷⁹, внезапно из пагоды послышались звуки, будто кто-то вытягивает железную цепь. Разбуженные шумом монахи увидели человека в траурных одеждах, убегающего прочь от ступы. Осмотрев тело, монахи обнаружили на голове патриарха раны. Об этом происшествии было сообщено в областную и уездную управы, уездному главе Ян Каню и наместнику Лю Утяню²⁸⁰. Получив сообщение, они объявили тщательный поиск преступника, каковой и был обнаружен пятью днями позже в деревушке Шицзяоцунь и препровожден в Шаочжоу на допрос. Он сообщил: «Моя фамилия Чжан, зовут Цзиньмань, происхожу из области Жучжоу, уезда Ляньсянь. В

Хунчжоу в монастыре Кайюаньсы получил я две тысячи монет от монаха из Синьло (Кореи — А.М.) по имени Цзиньдахэн за то, чтобы выкрасть голову Шестого патриарха, которая должна быть отправлена за восточное море (в Корею — А.М.) для поклонений».

Записав все услышанное о происшествии, наместник Лю, однако, не вынес еще судебного решения. Он отправился в Цаоси, дабы спросить [мнения] Линтао — старшего ученика Наставника, и поинтересовался:

— Нужно ли рубить голову преступнику?

— Согласно законам государства, — объяснил Линтао, — принцип требует, чтобы он был казнен. Однако буддийское учение о сострадании учит, что с родными и врагами следует обращаться одинаково, а учитывая, что поводом для преступления явилось благоговейное почитание патриарха, то преступник может быть прощен.

— Лишь теперь я начинаю понимать, как обширна и велика буддийская школа! — воскликнул наместник Лю.

Арестованный был отпущен на свободу²⁸¹.

Император Кан-цзун отправил своего особого посланника попросить патру и рясу Наставника, перед которыми пожелал совершить поклонение. Так продолжалось до пятого числа пятого месяца первого года эры Юнтай, пока императору Дай-цзуну не привиделся сон, что Великий Наставник просит вернуть патру и рясу. Седьмого числа того же месяца был опубликован указ, адресованный наместнику Лю, который гласил:

«Его величеству привиделся сон, что Великий Наставник Хуэйнан просит вернуть его монашескую рясу и патру в Цаоси. Великий генерал «Опора государства» (почетное воинское звание — А.М.) Лю Цзунцзин получил приказ передать все это с должным почтением в Цаоси. Его Величество назвал эти вещи «Сокровищами государства» и Вам предписывается хранить их в данном монастыре (Баолиньсы — А.М.) с величайшим тщанием, а также передать все это тем монахам, которые получали личные наставления от патриарха, строго оберегать их, дабы ни в чем не знали они нужды или заботы».

После этого реликвии неоднократно выкрадывались разбойниками, но каждый раз их успевали поймать еще до того, как они могли далеко убежать — и так повторялось четыре раза.

Император Сюань-цзун присвоил патриарху посмертный титул «Чаньский наставник Величайшего зеркала»²⁸² (Дацзинь чаньши), а на ступе его высек слова: «Сияние изначально гармоничного духа».

Другие записи о деяниях патриарха можно найти на стеле, сделанной танскими деятелями Ван Вэем, наместником Лю Сюаньюанем, наместником Лю Чуньяном.

Писано хранителем стелы шраманом Линтао.

Комментарии переводчика

1 Ф. Ямпольский считает, что речь в данном случае идет не о варианте текста, «что передавался через наших предков», а о некоем человеке, Тун Шанжэне [139, 107], и поэтому фразу следует переводить так: «Сегодня я получил полный текст, что отыскал Тун Шанжэнь».

2 Учжун — область, ныне распложенная в провинции Цзянсу в уезде Усянь,

3 Здесь возможны два варианта определения даты рождения Хуэйцзэна, поскольку два месяца могут считаться месяцем Чэнгуаня.

4 *Сладкие росы* — символ чудесного напитка и установления абсолютной гармонии в мире. Ср. в «Дао дэ цзине»: «Когда Небо и Земля взаимосочетаются, то выпадают сладкие росы» (параграф 32).

5 Ряд источников дают несколько иную датировку этих событий, священных для каждого чань-буддиста. Так, китайский трактат, известный в японской версии как «Цаоси даши бечжуань» («Неофициальное жизнеописание Великого учителя из Цаоси», 782-783 гг.) говорит, что Хуэйцзэн пришел в монастырь Фасинсы, в первый год Ифэна (676 г.), на семнадцатый день первого месяца Ифэна (6 февраля 676 г.) он получил постриг от Иньцзуна, а на двадцать восьмой день второго месяца (17 марта 676 г.) получил посвящение [45, 483-488].

6 *Гунабхадра* (394-468) — индийский монах, один из первых проповедников учения о созерцании в Китае и переводчик «Ланкаватара-сутры» на китайский язык.

7 *Дерево Бо (Бодхи)* (кит. *Пути шу*) — дерево, под которым, сидя в медитации, Будда достиг просветления (возможно — платан). В буддизме — символ просветления, благопожелания, переноса буддийской благодати из Индии в Китай.

8 Хуэйцзэн действительно появился через предсказанный период времени (точнее, через 175 лет).

9 Обычно особая каменная табличка, или плита, полученная в дар от императора, означала разрешение возвести монастырь.

10 *Великий учитель (даши)* — уважительное обращение к буддийскому, в особенности, к чаньскому наставнику. Здесь имеется в виду сам Хуэйцзэн.

11 Монастырь Баолиньсы (*Драгоценного леса*) располагался в уезде Цюйцзян (в древности область Шаочжоу) провинции Гуандун. Позже был переименован в Хуагосы (*Цветов и плодов*). Из отрывка следует, что Хуэйцзэн прибыл из монастыря Фасинсы (область Гуанчжоу), где он тогда преподавал, в монастырь в горах Наньхуашань. По названию гор этот монастырь нередко называют Наньхуасы (*Южного цветения*), он сохранился до настоящего времени.

12 Наместник (*цэши*), или ревизор.

13 В настоящее время — уезд Цюйцзян в провинции Гуандун. Область Шаочжоу именовалась так в V-VIII веках, затем название было сменено и вновь возвращено к X веку.

14 *Взошли на гору* — имеются в виду горы Наньхуашань, где располагался монастырь Баолиньсы.

15 Монастырь Дафаньсы располагался в уезде Цюйцзян провинции Гуандун. Первоначальное название — Кайюаньсы (*Раскрытия первоначала*).

16 Буддийские комментаторы говорят, что «раскрытие связей. между дхармами» (*кай юань*) следует понимать в более широком смысле как краткое выражение доктрины о «порождающем и способствующем», «условиях и обусловленных ими связях междудхармами» (кит. *инь юань*, санскр. *хэту-пратьяха*). Эта важнейшая доктрина буддизма говорит о том, что мельчайшие фундаментальные частицы всего мира — дхармы — вступают между собой в связи, которые принципиально отличны от взаимоотношений субъекта-объекта или объекта-объекта. Это абсолютно иное взаимоотношение дхарм, в котором существует некая мистическая причина, предпосылка, порождающая судьбу всего мира (*хэту*), и связь, порождаемая этой причиной (*пратьяха*). Постигание пратьяха равносильно раскрытию первоосновы существования мира, пониманию сути взаимоотношения как вещей, так и мельчайших дхарм и, следовательно, является истинным озарением мудростью Будды.

17 *Помост (тань)* — речь идет об особом возвышении, обычно деревянном, реже каменном, с которого настоятели читают наставления монахам. Именно благодаря тому, что Хуэйцзэн произнес свою проповедь, записанную в первой части «Сутры», с помоста, «Сутра» и получила свое название.

18 ...более тридцати конфуцианцев-книжников — в буддийском тексте конфуцианцы дословно называются «школой конфуцианцев» (*жо цзун*), что как бы уравнивает их со «школой Чань» (*чань цзун*). Из текста трудно

понять, разделяются ли «конфуцианцы» и некие «книжники», или «ученые» (*сюэши*), или речь идет об одной и той же категории людей.

19 ...буддийские монахи и монахини — дословно «сангха и монахини» (*сэн ни*). Сангхой (*сэнцзя*) в китайском буддизме именовалась община буддистов, покинувших свой дом, в ней состояло не менее четырех членов.

20 Последователи Пути (*Дао*) — фразу можно трактовать двояко: либо речь идет о даосах, либо о буддийских монахах, которых также называли этим термином. В данном случае более предпочтительным представляется второй вариант, поскольку здесь видно явное противопоставление «последователей Пути» (монахов) и мирян.

21 Глубокомудрые — дословно «искушенные в знании», или «добрые и знающие» (*шань чжиши*), выражение обычно использовалось как вежливое обращение как к монахам, ученым, книжникам, так и ко всем, кто хочет познать буддийскую истину. В буддизме оно приобрело особый оттенок — так называли тех, кто избавился от злобы, научился следовать «истинным поступкам» и благодаря этому стал способен наставлять других людей.

22 Бодхи (кит. *пути*) — «просветление».

23 ...изначально чиста и не загрязнена — отсутствие загрязнения, или замутнения (санскр. *пасатика*), является важнейшим моментом, который, следуя учению Чань, показывает потенциальную неразличимость природы Будды и обычного человека — и у того и у другого изначальные свойства в равной степени не замутнены желаниями.

24 Непосредственно обрести состояние Будды, или прямо стать Буддой (*чжиляо чэн фо*) — важнейший тезис чань-буддизма, указывающий на отсутствие необходимости в последующих перерождениях или каких-то дополнительных условиях.

25 «Цзиньдэ чуаньдэн лу» («Записи о передаче светильника, составленные в годы правления под девизом Цзиньдэ», 1004 г.) утверждают, что отца Хуэйцзэна звали Синтао, он занимал официальную должность в Синчжоу и умер, когда Хуэйцзэну было три года [47, 2356].

26 Алмазная сутра (кит. *Цзинган цзин*, санскр. *Пратья-парамита-сутра*) — одна из наиболее почитаемых сутр в чань-буддизме. Существовало шесть ее переводов на китайский язык, самым известным из них стал перевод Кумардживы.

27 Область Цичжоу в уезде Хуанмэйсянь располагалась на территории современной провинции Хубэй. Монастырь Дунчаньсы (*Восточного созерцания*) назывался также Ляньхуасы (*Лotosового цветка*) и прославился тем, что

именно здесь Пятый патриарх чань-буддизма Хунжэнь, живший в горах Хуанмэйшань, передал «патру и рясу» новому Шестому патриарху Хуэйцзэну.

28 ...поклонился Пятому патриарху — «поклониться (либай) патриарху» означает «совершить ритуальное поклонение», «выразить почтение», что символизирует просьбу о приеме в ученики.

29 Дикарь (гэляо) — презрительная кличка южан в устах северян, уподобляющая их диким зверям. Напомним, что Хуэйцзэн был родом из южной провинции Гуандун и считался необразованным варваром.

30 ...в чем же они отличаются по своей природе Будды? — по представлениям течения Махаяны, к которому принадлежит чань-буддизм, каждый человек обладает природой Будды, однако у большинства она находится в непроясненном состоянии. Таким образом, основная задача чаньской практики заключается в том, чтобы разбудить Будду внутри себя», или «обрести природу Будды внутри себя», что и означает сравняться с Буддой. или «стать Буддой» (цзо фо).

31 Нива благословения (кит. фу тянь, санскр. випракарса) — поприще или род деятельности, где можно проявить свое милосердие, добродетель. Особенно почитались в буддизме Махаяны три таких нивы — благословение за сделанное добро, благословение за заслуги перед общиной-сангхой и свершенные добродетели и, наконец, благословение за скромность жизни или монашескую бедность.

32 [Цепь] людских рождений и смертей — речь идет об одной из ключевых буддийских доктрин, говорящей о бесконечной череде рождений и смертей (шэнсы), т.е. перерождений, которые вынужден проходить человек. Этот круговорот обусловлен прежде всего неверными поступками человека, стремящегося лишь к материальному, физическому благополучию и счастью и не думающего об истинном спасении, которое может прекратить цепь перерождений и привести к нирване. Просветленный человек способен прервать этот бесконечный круговорот рождений и смертей, т.е. «не рождаться и не умирать» (бу шэн бу сы).

33 Праджня (кит. баньжо, чжи) — высшая трансцендентная мудрость, по своему характеру абсолютно отличная от обыденного знания. По чаньской концепции, праджня живет внутри самого человека, в его внутренней природе, а не дается через наставления или чтения слов Будды. Прозреть праджню можно через медитацию, «вглядываясь внутрь себя» (нэй гуань).

34 Гатха — короткое ритмизированное (но не всегда рифмованное) стихотворение, обычно в четыре строфы или по количеству строф, кратному четырем. Первоначально гатхи представляли лишь гимны Будде. В раннем индийском и китайском буддизме было широко принято использование гатх как лапидарного выражения собственного

духовного переживания и отражения мистического опыта. Гатхи великих патриархов заучивались наизусть и передавались из поколения в поколение.

35 ...получить *рясу и Дхарму* — символическое выражение передачи как учения, так и статуса патриарха всей школы. В ранних чаньских школах в качестве символа патриарх действительно передавал преемнику свои монашеские одежды, а иногда также и чашу для подаяний (*патру*).

36 *Срединное использование, или использование середины (чжун юн)* — в буддизме обычно обозначает интуитивное использование своей внутренней природы, спонтанное решение любой задачи не путем размышлений, но обретением моментального откровения. Здесь Пятый патриарх предостерегает своих последователей от пустых «придумываний» гатхи.

37 ...находится в пылу сражения — дословно «размахивая мечами, выходит на поле битвы».

38 *Старший монах (шан цзо, досл. «высоко сидящий»)* — монашеское звание, следующее сразу же за званием настоятеля монастыря (*фан чжан*), или руководителя монашеской общины (*чжу ши*). Хунжэнь являлся руководителем общины, а Шэньсюй фактически был его первым заместителем.

39 Конкретно в тексте речь идет об особом «наставляющем учителе» (*цзяошоу ши*), третьем из пяти акарьев (кит. *эшэли*), или «эталонных учителей» (*гуйфань ши*), призванных служить примером для монахов.

40 ...придворным художником... (*гунфэн*) — речь идет о целой категории художников, литераторов и эстетов династии Тан. Обычно это были художники, оказывавшие личные услуги либо императору, либо знатым лицам, в том числе и настоятелям монастырей, как это видно в данном случае. Произведения гунфэнов высоко ценились и при династии Сун, однако затем этот институт практически исчез. *Лю Сюй* — художник династии Тан, известен своими художественными и каллиграфическими свитками и стенными росписями на буддийские мотивы. Фигурирует в «Цзиньдэ чуаньдэн лу» («Записи о передаче светильника, составленные в годы правления под девизом Цзиньдэ») как «мирянин Лю Сюй». Известно, что он покинул свою должность и в конце жизни поселился в полном уединении в деревне.

41 ...стены которых были расписаны придворным художником *Лю Сюем* на мотивы «Ланкаватара-сутры» — в тексте использовано выражение «бяньсян»: вариации, мотивы, арабески. Это понятие могло включать рисунки, каллиграфические надписи, иллюстрации к сюжетам сутры или изображения ее героев.

42 *Тело наше — это древо Бодхи* — поскольку под выражением «древо Бодхи» имеется в виду как дерево, под которым Будда достиг просветления, так и само просветление, то фраза Шэньсюя означает, что просветление имплицитно заключено в нас самих.

43 *...и если она понравится ему, то я буду достоин принять Дхарму* — дословно «и если она понравится ему, то значит я и Дхарма являемся причинами друг друга».

44 *Патриарх же уже знал, что Шэньсюй так и не вошел во врата Дхармы, не прозрел свою внутреннюю природу* — по смыслу эта фраза соотносится с речью Пятого патриарха перед учениками, когда он давал наказ написать гатху: «Человека, что прозрел свою внутреннюю природу, можно сразу узнать, стоит ему сказать лишь [слово об этом]». Таким образом, испытание гатхой было необходимо лишь для того, чтобы сам Шэньсюй понял, что разум его еще очень далек от истинного просветления.

45 *Путь зла* (санскр. *гатис*, кит. *э дао*) — обычно под этим понятием подразумеваются три пути: путь обитателей ада, путь голодных духов, путь скотины. Такое их существование обусловлено прегрешениями предыдущих жизней.

46 *Премудрый* — «достойный», дословно «возвышенный человек» (*шан жэнь*). Термин первоначально использовался в буддизме для обозначения наставников и патриархов, затем же превратился в обиходное обращение к буддийскому монаху безотносительно его статуса.

47 Речь идет о чиновничьей должности «бе цзя» — помощнике окружного цензора (ревизора) или помощнике окружного начальника (правителя области). Эта должность, возникшая во II веке до н. э., сохранилась вплоть до династии Тан. Изначально в эпоху Хань «бе цзя» был послом по особым поручениям в другие провинции, позже этот термин начинает обозначать мелкую чиновничью должность. В эпохи Суй—Тан — областной чиновник, независимо от конкретных обязанностей. В XI веке «бе цзя» превратилось в вежливое обращение к помощнику правителя области (*тун пань*).

48 *Цзянчжоу (Речная область)* — область, созданная в IV веке, в эпоху Суй изменила свое название на Цзюцзянчжоу — «Область девяти рек», а в династию Тан, то есть ко времени описываемых событий, вновь вернула старое название Цзянчжоу. Охватывает всю территорию провинции Цзянси, провинцию Хуньэй в районе города Учан. Сегодня часть этой территории занимает уезд Цзючжоусянь, принадлежащий провинции Цзянси.

49 Одно из самых знаменитых сочинений чаньской традиции. В этой гатхе Хуэйцзэна каждая строка является ответом на соответствующую строку гатхи Шэньсюя.

50 Хуэйцзуну из-за небольшого собственного веса и в связи с тем, что он сильно ослабел, было нелегко управляться с каменным пестом, который буквально перевешивал его, и поэтому для устойчивости он привязал к пояснице камень. Это — символ решимости преодолеть духовные трудности через еще большие физические трудности. Этим же и объясняется вопрос Пятого патриарха.

51 Речь идет о широкой и длинной рясе — *кашае* (кит. *цзя та*), одеваемой обычно наставниками и старшими монахами.

52 ...будучи свободным от любых привязанностей — дословно «не имея места, где бы можно было пребывать».

53 ...«мужем достойным» (санскр. *пурсаамиасаратха*, кит. *чжанфу*), «Наставником Небес и людей»... (санскр. *дэва-ману-сиасастр*, кит. *тянь жэнь ши*) — два из десяти священных имен Будды.

54 Хуай — уезд Хуайцзи, находился в области Учжоу провинции Гуанси; Хуэй — уезд Сыхуэй в провинции Гуандун. Пятый патриарх, по сути, посылает Хуэйцзуну на юг, ближе к его родным местам, дабы он не выделялся там своим наречием.

55 ...станции Цзюцзян — «Девятиречье».

56 Здесь переправление на лодке через реку — символ переправы через реку страданий, заблуждений и грехов. Учитель Хунжэнь хочет помочь своему ученику в этом, Хуэйцзун же считает, что учитель должен показывать лишь правильный путь и способ, переправляться же через «реку грехов», т.е. очищать собственное сердце, каждый должен сам.

57 Фраза «Через три года после твоего отъезда я покину этот мир» считается буддийскими комментаторами более поздней вставкой. В списке Цзуньюй Наньхая, в частности, этой фразы не встречается.

58 Пик Даюй — по одной из трактовок, один из пяти священных пиков Китая, расположен в южной части провинции Цзянси в уезде Даюй, а также частично в уезде Наньсюн в Гуандуне.

59 Хуэйминь (мирское имя Чэн) получил посвящение в монастыре Юнчансы, затем обучался у Пятого патриарха. В мирской жизни был военачальником. Его биография приводится в «Жизнеописаниях достойных монахов, составленных в эпоху Сун» [34, 756а-756в].

60 ...военачальником четвертой степени — всего существовало девять степеней (*пинь*), из которых девятая считалась самой высокой.

61 *Послушник (син чжэ)* — обращение к монаху, который формально еще не получил окончательного буддийского посвящения, обычно проходившего в два этапа. Как будет видно из дальнейшего текста, Хуэйнан еще не был обрит и поэтому его и не могли принять за монаха. Это обращение можно также перевести как «путник» или «бродячий монах».

62 ...каковым был твой изначальный лик? — вопрос об «изначальном лике» (*бэньлай мяньму*) был одним из самых знаменитых парадоксальных вопросов-загадок чань-буддизма. Под «изначальным ликом» обычно подразумевается изначальная природа человека, не загрязненная страстями, желаниями и заблуждениями.

63 Речь идет об уезде Хуанмэйянь в провинции Хубэй, где располагался монастырь Думчаньсы и где проповедовал Пятый патриарх Хунжэнь.

64 *Гуанчжоу* — сегодня столица южной провинции Гуандун, в VII-X веках считалась областью (*чжоу*). Фасинсы (*Монастырь природы Дхармы*) располагался внутри городской стены-Гуанчжоу, в его северо-западной части. В период, когда туда приходит Хуэйнан, существовало два монастыря, стоящих рядом друг с другом — Канмисы и Фасинсы, а к X веку они были объединены в один монастырь Фасинсы.

65 *Мастер Иньцзун* (626-713) — уроженец Уцюня (сегодня уезд Усянь провинции Цзянсу), чаньский мастер, считался знатоком «Махапаринирвана-сутры», одно время получал наставления от Пятого патриарха, хотя официально и не считается его учеником [47, цз. 5].

66 *Махапаринирвана-сутра* — сутра, рассказывающая об окончательном уходе Будды в нирвану, что равносильно его физической смерти. В Китае известно два списка этой сутры, условно называемых «северный» и «южный», в подавляющем большинстве пассажей схожих между собой. Более ранний северный список включает 40 цзюаней (свитков, или частей). Южный список возник как переработка северного с уточненным переводом ряда пассажей и включает 36 цзюаней.

67 *Освобождение* (кит. *цзето*) — один из синонимов окончательного просветления (речь идет об освобождении от страстей и заблуждений). Смысл отказа Хунжэня рассуждать о дхиане и освобождении, заключен в том, что нет никакой принципиальной разницы между созерцанием-дхианой и окончательным освобождением, а рассуждения об этом привели бы к двойственности восприятия истины. С другой стороны, Чань считает, что необходимо очищать свою внутреннюю природу и лишь о ней следует думать, в то время как всё остальное, в том числе и

освобождение, просветление, является вторичным и вытекает из чистоты внутренней природы. По сравнению с концепциями других буддийских школ эта мысль являлась кардинально новой, отсюда и удивление Иньцзуна.

68 *Четыре типа зла (парагика)* — прелюбодеяние, убийство, воровство, лживые речи.

69 *Пять смертных зол (у цзуй)* — убийство отца, матери, архата, внесение разногласия в буддийскую общину, заставлять кровь струиться из тела Будды.

70 *Ичантика* (кит. *ичаньтицзя*) — дословно «неверующие», люди, проповедующие ложные взгляды, еретики.

71 *Скандха* (на пали — *кандха*) — «корзина», *панча-скандха* — «пять корзин». *Дхату* — способ соприкосновения с миром. Обычно рассматриваются 18 дхату, состоящих из «шести нечистых опор сознания» (глаза, уши, нос, язык, тело, сознание), «шести врат» (цвет, звук, запах, вкус, осязание, дхарма), шести типов знания — виджняны (знание, получаемое от глаз, от ушей, от носа, от языка, от тела, от сознания).

72 *Школа Дуншань (Восточной горы)* — школа в области Хунчжоу в уезде Хуанмэй, к которой принадлежали Четвертый и Пятый патриархи Чань.

73 *Махапраджняпарамита-сутра* (кит. *Мохэ баньжо болоданьдо*) — «Сутра Великой мудрости, что переправляет на другой берег» (т.е. спасает живые существа), одна из наиболее почитаемых сутр в чань-буддизме.

74 *...человеку, великому своей добротой и знаниями* — «добрый и знающий человек», дословно «добрый и образованный советчик» (санскр. *калаянамитра*, кит. *июнь чжиши чжи бяо*), вежливое обращение к религиозному наставнику.

75 *...родники и ручьи* — дословно «ручьи, что струятся меж двух гор» (*сицзянь*).

76 *Малый Путь (сяо дао)* — так направление Хуэйнэна именovalo практику, основанную лишь на сидячей медитации и «опустошении сознания».

77 Здесь для обозначения понятия «тело» использован иероглиф *шэнь*, который по смыслу выходит за границы понятия «физическое тело человека». Это, прежде всего, совокупность физических и духовных свойств, или духовные свойства, реализовавшиеся в конкретном физическом теле, что близко к греческому понятию «*persona*». Поэтому человек, достигший трансцендентной мудрости хотя бы одной своей мыслью (или интенцией, что ближе по

смыслу в данном случае), становится равен Будде не столько по физическому облику, но по духовному воплощению.

78 *Будды трех миров (сань ши чжу фо)* — Будды прошлого, настоящего и будущего. Имеются в виду Будда Кашьяпа, или Кашба (прошлого), Будда Гаутама (настоящего) и Будда Майтрея (будущего).

79 *...пыль мира* — дословно «пыль трудов [мирских]» (*чэньлао*).

80 *84 тысячи путей мудрости и 84 тысячи типов незнания* — цифра *84 тысячи* пришла из индийских буддийских текстов. Она не имеет соответствия каким-то конкретным типам, или способам, а означает «бесчисленное множество».

81 Здесь Хуэйцзэн использует терминологию, характерную для индийской буддийской литературы. *Небесные драконы* — речь идет о нагах, чудесных существах, обычно изображавшихся в виде змей и считавшихся тотемическим животным народности Нага. Люди этой народности идентифицировали себя со змеями. В китайском языке слово «наги» было переведено как «драконы», поскольку их чудесные функции в ряде случаев совпадают в индийской и китайской мифологии. В частности, драконам-нагам приписывается способность вызывать дождь и вообще любые погодные изменения. Драконы также властвуют над небесными силами, а отсюда и берет начало символика драконов в буддизме. *Джамбудвипа* (санскр.), китайский эквивалент «Цзябучжоу» — «страна изначального пребывания», наш мир или мир [22, 66]. В эпико-пуранической космографии — один из семи континентов, имеющий форму лотоса.

82 Существует несколько десятков сутр, основной темой которых является праджня и ее характеристики. Школы, которые особо почитали эти трактаты (в основном, это были школы Чань), именовали себя школами сутр праджни.

83 Примечательно, что здесь Хуэйцзэн употребляет не привычное китайское обозначение для сутр — *цзин*. но транскрипцию этого слова — *сюдоло*.

84 *Двенадцать канонов (шиэр бу цзин)* — обобщающее название для всех буддийских писаний и произведений: сутры, геи, гатхи, ниданы, итивутки, джатаки, адбхута-дхармы, аваданы, упадешы, уданы, ведалы, веякарана.

85 *«Бодисаттва-сила сутра»* — «Сутра дисциплинарных предписаний бодисаттвы», составлена в двух частях и была особенно популярна в школе Тяньтай.

86 *Вималакирти-нидреша-сутра*, или *Вималакирти-сутра* — одна из наиболее почитаемых буддийских сутр в раннем чань-буддизме. Она получила свое название по имени мирянина Вималакирти, получившего просветление и ставшего бодисаттвой. Здесь для этой сутры используется популярное китайское название «Цзин мин цзин» — «Сутра чистых имен». Всего существовало по крайней мере семь переводов этой сутры на китайский язык, причем первый был выполнен в период Восточной Хань [6, 542в].

87 ...*причину и основание (иньюань)* — буддизм рассматривает два типа причин, которые могут вызвать тот или иной результат. Первый тип — основные причины, или основание (*инь*), второй — вспомогательный (*юань*). Для рождения дерева, в частности, семя является основной причиной, а земля, вода, воздух, солнечный свет — вспомогательными. В чаньском учении о просветлении «добрый и знающий наставник» воплощает собой два типа причин одновременно, являясь таким образом абсолютно целостным и самодостаточным.

88 *Шесть врат (лю мэнь)* — другое обозначение «шести корней», или «шести индрий» (глаза, уши, нос, язык, тело, мысль). Каждые «врата» связаны с определенным типом знания (*виджняна*) о мире, которые при ряде условий могут лишь загрязнять, или замутнять, разум человека, образуя дополнительные привязанности.

89 ...*мы называем это «крайними взглядами»* — чань-буддизм рассматривает пять видов «взглядов», или мнений (*цзянь*). Проявления крайнего аскетизма или вообще любой крайности в практике, которые ведут лишь к дополнительным заблуждениям, именуются «крайними взглядами», или «побочными взглядами» (*бянь цзянь*), которые стоят в стороне от истинного пути. Обычно выделяют «побочные знания» двух типов. Тезис о том, что всё в мире существует вечно и неуничтожимо, называется «взглядами о постоянстве» (*чань цзянь*). Противоположное мнение — всё уничтожимо и нет ничего, кроме Пустоты — называется «взглядами о конечности», или «взглядами о прерывании» (*дуань цзянь*). Чань-буддизм признает как абсолютную реальность, предметность, этого мира, так в равной степени и то, что в основе этого лежит креативная Пустота.

90 Чаньская традиция всегда говорит о «молчаливой», или «внесловесной передаче» (*мо чуань*) знания, то есть передаче истины исключительно от сердца к сердцу в акте личного общения, нередко путем личного примера, и стремится избегать пустых словесных объяснений или только чтения буддийских текстов.

91 ...*передавать те знаки* — дословно «передавать тайный знак» (*фу*). В древности такой знак представлял собой бирку, разделенную на две части, одну из которых имел при себе особый посланец, другую — правитель или князь. При сопоставлении двух частей можно было проверить «истинность» посыльного. Позже в китайской традиции «фу» стало пониматься как знак тайного и истинного знания, или «указатель» на существование такого знания вообще.

92 *Ложное и правильное (се — чжэн)* — обычно этими терминами Хуэйцзэн обозначает учение чуждых школ (ложное, еретическое) и своей школы (правильное, ортодоксальное, истинное). По сути, большая часть этой проповеди Хуэйцзэна направлена против «ложных» школ, которые лишь сковывают человека новыми путами незнания (*клеша*).

93 *Три препятствия (сань чжан)*: незнание, карма и необходимость искупления этой плохой кармы. Незнание обычно трактуется как нежелание познать истинный путь, в результате чего человек пребывает в путах этого мира и искушаем мелкими желаниями, гордыней, алчностью и т. д. Все это порождает плохую, или недобрую карму, которая может проявляться в виде т.н. «пяти несправедливых и десяти злых карм» (*у ни ши э е*). Плохая карма, в свою очередь, требует искупления, например, в виде пребывания в подземном аду у голодных духов. Таким образом, три препятствия порождают друг друга.

94 *...Правильные взгляды мы зовем «трансцендентными», ложные взгляды зовем «мирскими»* — дословно «Имя правильным взглядам — "выходящие [за пределы] мира" (*ши чу*), имя ложным взглядам — "в миру" (*ши цзянь*)».

95 *...не может отрешиться от эгоизма* — дословно «разорвать связь с многократным "я"».

96 *Будда Амитабха* (кит. *Амитофо*) — имя дословно означает «неисчислимо пресветлый и долголетний». Будда Амитабха считается правителем западной части неба (Западной земли, или Чистой земли), которая представляет собой буддийский рай, где праведники могут возродиться после физической смерти. Амитабха стал одним из самых популярных божеств в китайском буддизме, поскольку обеспечивал прямой путь спасения, который, в частности, основывался на многократном, порой до сотни раз в минуту, повторении имени Будды Амитабхи.

97 *Шравасти* — город в Индии, считавшийся центром брахманизма. *Бхагават* — здесь: учитель, наставник.

98 Расстояние в 108000 ли, вероятно, было частью устной традиции, поскольку оно не встречается ни в одной другой сутре, хотя и присутствует в дунхуанском варианте текста. Обычно буддийские тексты называют значительно большие расстояния, которые даже невозможно осмыслить. Так, «Сукхавативьюха-сутра» говорит, что Западный рай расположен «в сотнях тысячах благодатных земель на Запад» [Т. 12, с. 346а]. Возможно, что это расстояние между главными воротами столицы Китая города Чанъань и воротами Капилавасту [139, 157].

99 *Десять зол*: убийство живых существ, воровство, прелюбодеяние, ложь, двуязычие (лицемерие), гнев, злые речи, хвастовство, алчность, глупость. *Восемь грехов*: грешить мыслями, словами, кармой, судьбой, удобством, дхианой.

100 «Вместе с очищением вашего сердца очищается и Земля Будды» — фраза явно перекликается с другим названием Западной земли — «Чистая земля». Примечательно, что этой фразой фактически устанавливается, что истинная «земля Будды» находится внутри человека.

101 Десять добродетельных заветов, или «десять добродетелей» (*ши шань*) логически противостоят десяти типам грехов: не убивать живых существ, не воровать, не прелюбодействовать, не лгать, не быть двуязычным, не быть злобным в речах, не хвастать, не быть гневливым, не быть алчным, не быть глупым (т.е. желать узнать истинное учение).

102 Бодисаттва Гуаньинь (санскр. *Авалокитешвара*) — одна из наиболее почитаемых бодисаттв не только в китайском буддизме, но и в народном пантеоне, богиня милосердия, пребывающая в Западной Чистой земле и спасающая людей.

103 Махастхама (кит. *Шинжи*) — бодисаттва, пребывающий, как и Гуаньинь, в Чистой земле.

104 *Пребывать в прямоте* — парафраз с высказыванием «Вималакирти-сутры»: «Прямое сердце и есть место служения Дао». Амитабха в писаниях обычно характеризуется как «Будда прямого и правильного сердца, приводящий в равновесие всех живых существ».

105 *Идея собственного «Я»* (санскр. *атма*, кит. *жэнь во*) — эгоизм, забота только о личном спасении, невзирая на страдания и беды других людей. Такой человек становится недоступным для других, как великая вершина Меру, или Шумеру.

106 *Шесть небес желаний* — то же, что *Шесть врат*.

107 *Цветок лотоса* — символ Будды. *Черная грязь* — имеется в виду ил, что покрывает поверхность лotosовых прудов.

108 *Самадхи* (состояние абсолютной неподвижности, приходящее в результате созерцания) и *праджня* (мудрость) — ключевые понятия чань-буддизма. Именно Хуэйнэн одним из первых выдвинул тезис о неразделимости этих двух аспектов самосовершенствования, о чем и идет речь в этой главе. Понятие самадхи в определенной степени соотносится с европейским термином «медитация» и представляет собой практический аспект чань-буддизма, в то время как праджня представляет собой высшую мудрость, истину, достигаемую практической деятельностью. Абсолютная неразделимость самадхи-праджни превратила школу Хуэйнэна, а впоследствии и весь чань-буддизм в школу «практических дел», а это, в свою очередь, повлияло на развитие эстетики и различных искусств. Во

времена Хуэйцзэна активно велись споры о взаимосоответствии созерцательной практики и мудрости, причем порой диспуты перерастали в настоящую вражду некоторых буддийских школ между собой. Именно на критику таких «словесных баталий» и направлен первый пассаж этого высказывания Хуэйцзэна. Ортодоксальный буддизм рассматривает шесть совершенств (*парамита* — «средство спасения»), фактически шесть этапов, которые должен пройти посвященный на пути к высшей истине и состоянию бодисаттвы. Это милостыня (*дана*), исполнение обетов (*сила*), испытание терпения (*кшанти*), старание (*вирья*), медитация, или созерцание (*дхиана*) и мудрость (*праджня*). Таким образом, в большинстве школ созерцание и мудрость рассматривались как два различных, хотя и завершающих этапа на пути совершенства. Хуэйцзэн же по сути объединил их в единый континуум работы над своим сознанием. Добавим также, что в ряде школ речь шла о десяти совершенствах, то есть к уже известным шести добавлялись еще четыре этапа: оказание помощи другим (*упая*), искреннее желание дарить просветление другим последователям (*прандхана*), достижение совершенства в десяти силах (*бела*) и умение применять трансцендентальное знание (*джняна*).

109 *Четыре проявления (сы сян)* — буддийское понятие, обозначающее самопроявление, проявление других людей, проявление всей массы живых существ и проявление долголетия. Концепция «четырех проявлений» тесно связана с доктриной «пяти скандх» (*панча-скандха*).

110 *Светильник (дэн)* — так обычно в чань-буддизме именовалось либо чаньское учение, либо сама истина, поэтому передача истины именовалась «передачей светильника».

111 Речь идет о бодхимандале (кит. *даочан*), что может означать как молельню или буддийский храм, так и непосредственно религиозный обряд.

112 *Чистая земля (цзинь ту)* — рай в буддийской доктрине, место пребывания праведных буддистов.

113 *...проявлениям дхарм...* — речь идет о дхармалакшане (кит. *фасян*).

114 *Саритра* — буддийский монах, шраман, один из десяти ближайших учеников Будды Гаутамы, прославившийся своей мудростью.

115 *Вималакирти* — ученик Будды, святой индийского буддийского пантеона, его культ широко распространился сначала в Китае, а затем и в Японии.

116 *...разделения на «внезапное» и «постепенное»* — речь идет о диспуте, который привел к расколу чань-буддизма на Южную и Северную школы, возглавляемые соответственно Хуэйцзэном и Шэньсюем. Традиционная

версия говорит, что Хуэйцзэн учил именно внезапному просветлению, которое «приходит подобно вспышке молнии во тьме ночи». Шэньсюй в противоположность ему утверждал о постепенном характере просветления, достигаемом через многолетнюю, в основном, медитативную практику. Но, как видно из текста, сам Хуэйцзэн не признавал такого разделения на «внезапное» (*дунь*) и «постепенное» (*цзянь*).

117 ...разумные — дословно «открытые к пробуждению» (*у*).

118 Проявление — речь идет о центральном буддийском понятии *лакшана*.

119 Пребывание вне мыслей означает, что, обладая мыслями, мы не пребываем в них — одна из трактовок этой фразы, ключевой для чаньской практики, такова: «пребывая в мыслях, избавиться от всех отвлекающих мыслей», либо «не быть захваченным и подчиненным этим мыслям».

120 Грядущий мир — дословно «страна» (санскр. *вишая*), речь идет о рубеже, границе между истинным и ложным миром.

121 Бхутататхата (кит. *чжэнь жу*) — «истинно сущее», абсолютная и истинная сущность.

122 По сути, здесь наставник объясняет теорию «шести заблуждений» (*лю ван*), то. есть мирских иллюзий, вызываемых зрением, слухом, обаянием, вкусом, осязанием и мыслью.

123 Материальное, физическое (кит. *сэ*, санскр. *рупа*). Это понятие связано с доктриной «пяти скандх», причем пять скандх делились на две группы: относящиеся к материальному — *рупа*, и относящиеся к психическому (санскр. *нама*, кит. *синь*).

124 Шесть индрий (санскр. *садиндрия*, кит. *лю гэн*) — именуются также как шесть корней и «шесть чувствований» (*лю цин*). В буддийских текстах, обычно трактуются как «то, что содержится в сердце». В частности, это может рассматриваться как шесть основных из восемнадцати миров. Чаше всего с шестью индриями соотносят глаза, уши, нос, язык, тело и мысль, которые «поставляют» человеку шесть видов знания (*виджняна*) и в свою очередь являются функциями этих шести видов знания. В общем плане смысл термина «индрия» можно перевести как «способное к порождению [знания или информации]». Первые пять индрий играют чувственно-познавательную роль, и именно через них внешний мир — «мирская юдоль» — проникает в тело человека. Они принадлежат к физическо-материальному началу (кит. *сы*, санскр. *рупа*). Шестая индрия — индрия психического начала, обозначаемого как «душа-сердце» (кит. *синь*, санскр. *нама*). Благодаря шестой индрии человек ассимилирует информацию о мире, полученную благодаря первым пяти индриям, и таким образом приобретает «знание» (кит.

ши, санскр. *виджняна*). Первые пять индрий подразделяются на две группы, хотя чисто формально следует вести речь о двух аспектах осмысления одних и тех же явлений. К первой группе принадлежат т.н. «индрий эфемерной пыли», или «суетного мира» (*фучэн гэн*), к которым причисляются исключительно физиологические органы человеческого тела (но не их функции!): глазные яблоки, ушные отверстия, ротовая полость и т. д. В метафизическом плане их основу составляют «четыре великих стихии» (*сы да*): земля, вода, огонь, ветер, взаимодействующие между собой. Именно через эти индрий человек получает информацию об окружающем его мире (полностью иллюзорном, по мнению ряда буддийских школ). Вторую группу составляют т.н. «индрий чистых свойств» (*цзинсэ гэн*), «индрий принципа, стоящего выше суетного мира», или «глубокого смысла» (*шэнъи гэн*). Они представляют собой как бы совокупность «чистых качеств», или функций, физиологических органов.

125 ...все истинно сущее... — природа Будды в человеке.

126 Здесь речь идет об изложении взглядов Школы «внезапного просветления» (*дун цзяо*), которые проповедовал Хуэйнэн.

127 *Пестуйте себя, сами свершайте деяния* — под деяниями (*син*) здесь подразумеваются кармические действия, ведущие к благому перевоплощению человека.

128 ...и тогда естественным образом обретете Путь Будды — возможна другая трактовка этого известного чаньского выражения: «сами станете путем Будды» (*цзы чэн фо дао*).

129 *Покаяние* (санскр. *кашмаяти*, кит. *чаньхуэй*) — одна из основных категорий буддизма. Это понятие может быть переведено и как «мольба о милосердии и прощении». Дословно китайский термин трактуется таким образом: «"Чань" — это признание собственных грехов и необходимости исправления, "хуэй" означает прохождение через самообновление» [22, 109].

130 *Дхармакайя* — «тело Закона» (кит. *фашэнь*). Одно из трех тел (*трикайя*) Будды. Другие два тела — «тело блаженства» и «феноменальное тело». По учению ряда буддийских школ, в том числе и Чань, адепты могут последовательно воплотить все три тела и тем самым достичь «буддовости», или состояния Будды.

131 ...созерцали собственное сердце Будды — по учению чань-буддизма, каждый человек в потенции есть Будда, поскольку обладает «природой Будды», или «сердцем Будды», которое надо пробудить, чтобы достичь просветления.

132 ...каждый из вас сядет! — дословно речь идет об особом методе сидения «хугуй»: правую ногу поджимают под себя, а левую ногу, согнув в колене, ставят перед собой. Поскольку этот тип посадки пришел от т.н. «северных инородцев», т.е. монголов, татар, суннов, которых называли «ху», или «ху жэнь», то отсюда и пошло название этой посадки.

133 Здесь имеется в виду символика ароматов, источаемых свечами-благовониями, которые ставятся на буддийский алтарь. Таким образом внутреннее начало человека, которое и происточает эти пять ароматов, уподоблено молитвеннику, что стоит пред ликом Будды.

134 Теория чань-буддизма рассматривает пять составных частей изначальной, ничем не загрязненной природы человека, о которых и говорит Хуэйнэн. Обычно они называются «заслугами и добродетелями» (*гун дэ*), Хуэйнэн здесь именует их «ароматами», или «благоуханиями молитвенных свеч». Три первые из них — соблюдение заповедей, концентрация мыслей, ведущая к просветлению (*самадхи*) и эзотерическая мудрость (*праджня*) — принадлежат к «причинным», т.е. представляют собой причину, которая и влияет на карму адепта. Две других — освобождение от пут всего мирского, познание и взирание на состояние освобождения от пут всего мирского — являются следствиями соблюдения первых трех «заслуг и добродетелей». Таким образом осуществляется закон причинно-следственных связей, лежащий в основе учения о воздаянии (карме).

135 ...найти опору в отдельных проявлениях дхарм — в тексте использовано выражение «пань сян», которое дословно можно перевести как «карабкаться» или «цепляться за что-то» — находить опору для собственного сознания в чувствовании, или в пратье, т.е. в связях между дхармами.

136 ...это аромат познания и созерцания [состояния] освобождения — буддийский комментарий так трактует эту фразу: «Сам правильным образом познаешь мудрость "уже достигнутого освобождения", а также достигаешь мудрости "взирания (созерцания) постоянно-просветленного и повсеместно распространенного [состояния] отсутствия преград"» [22, 110].

137 ...нет ни меня, ни другого — то есть устраняется оппозиция субъект-объект, познающий и познаваемое, все приходит в абсолютное созвучие и обретает «единотелесность».

138 Три мира (*сань ши*) — прошлое, настоящее и будущее, т.е. вечность. Чаньская теория обычно дает такую трактовку этим трем временам мира: то, что уже родилось и умерло, зовется прошлым; то, что уже рождено, но еще не уничтожено, зовется настоящим; то, что лишь будет рождено, считается будущим. Таким образом, теория «трех миров» тесно увязана с учением о перерождении.

139 *Три кармы* — три составных части, которые определяют общую карму человека: карма тела, карма рта, карма мысли. Карма тела включает в себя дела, которые творит человек, в том числе причинение вреда живым существам, воровство, прелюбодеяние, обжорство и потребление вина. Кармой рта называются различные речи и порождаемые ими явления, которые могут привести к невозможности спасения, или освобождения, т.е. злые речи, двуличие, обман, создание иллюзий у окружающих. Карма мысли подразумевает различные несправедливые мысли и переживания — зависть, алчность, жадность.

140 *Что мы называем «раскаянием»? А что называем «покаянием»?* — этот пассаж объясняется тем, что китайское понятие, переведенное здесь как «покаяние», состоит из двух иероглифов: «чань» и «хуэй», причем в переводе на русский язык они являются буквальными синонимами. Хуэйцзэн же в своей проповеди придает несколько разные значения двум иероглифам: в первом случае (*чань*) адепт раскаивается в содеянных прегрешениях, во втором случае (*хуэй*) он внутренне обещает никогда не повторять в будущем этих прегрешений. До этого абзаца Хуэйцзэн использовал термин «чаньхуэй» как единое понятие, здесь же делит его на два. Поэтому термин «чаньхуэй» в его чаньской трактовке можно перевести следующим образом: «раскаяться в своих прошлых прегрешениях и никогда не повторять их в будущем». Этот же смысл термина «покаяние» ясно виден в той клятве, которую Хуэйцзэн передал последователям и которая приведена чуть выше.

141 *Пути омрачения* (санскр. *клеша*, кит. *фаньнао*) — искушения, страсти, заблуждения и другие прегрешения и иллюзии сознания, которые не позволяют адепту достичь просветления, делая его игрушкой собственных иллюзий.

142 *«Четыре великих обета»* (*сы хунда тоу*) — одна из ключевых частей ритуала в школе Хуэйцзэна. Они входят в наиболее ранний дунхуанский вариант «Сутры Помоста», причем в этом варианте указывается, что Хуэйцзэн повторил клятву трижды. Дунхуанский вариант клятвы несколько короче варианта XIII века. Этот пассаж очень примечателен и характерен для проповеди Хуэйцзэна. Прежде всего, он увязывает «покаяние и обещание не повторять прегрешений» с мистическим актом разрушения пут омрачения и освобождения от оков суетного мира. Таким образом, актом покаяния прекращается само действие греха, в том числе его влияние на кармическое перерождение. Все это и позволило чань-буддизму провозгласить доктрину «достичь состояния Будды (просветления) в нынешнем теле», т.е. без последующих перерождений. Другим характерным моментом пассажа является то, что Хуэйцзэн учит смотреть на мир и на всех живых существ в нем как на явления исключительно внутреннего, интериоризированного порядка. Поэтому он и говорит, например, о «мириадах живых существ, что живут в моем сердце».

143 *Сила обета* (*юаньли*) (в другом значении также «сила желания») — мистическое действие обета, принимаемого на себя буддистом во всей полноте искренности, благодаря которому и приходит спасение живых существ. В эзотерическом плане этот обет повторяет обет Будды Амитабхи спасти все живые существа, который и исполняется в нашей жизни.

144 *Прибежище (гуйъи)* — один из ключевых терминов чаньского подвижничества, означающий обнаружение духовной опоры. В другом значении этот термин означает «вверять себя», «становиться благоговейным последователем».

145 ...находим опору в просветлении, поскольку оно объединяет собою два начала — последователь Чань должен, с одной стороны, совершать целый ряд поступков, распространяющих учение и помогающих другим людям (заслуги — пунья), а с другой стороны, постоянно заниматься самоочищением, обретая мудрость (*праджня*). Это называлось «две ноги», или «идти на двух ногах» (*лян цзу*), о чем и говорится в тексте.

146 ...к внешнему пути ереси и демонов-мара — под «внешним путем» (*вай дао*) в китайской эзотерической традиции всегда подразумевалось нечто ложное, неистинное и экзотерическое, противопоставлявшееся «внутреннему пути» (*нэй дао*) — эзотерическому и истинному. «Внешним путем» также могли именовать представителей других мистических или буддийских школ. Примечательно, что Чань, признавая существование духов как воплощение определенных сил мироздания, резко отрицательно относился к поклонению духам (*гуй*), что наметило раскол буддизма и даосизма с его активным почитанием духов. Демоны воплощают в буддизме персонифицированное зло (*Мара*).

147 ...выверять себя, обращаясь к внутренней природе и трем драгоценностям — здесь четко указываются два основных взаимосвязанных способа избавления от зла внутри человека: внутренний — постоянное очищение своей внутренней природы, которая аналогична природе Будды, и внешний — следование учению и его правилам. Только простое механическое следование «трем драгоценностям» не способно привести человека ни к очищению, ни к просветлению.

148 ...Будде вне себя — дословно «другом Будде», или «Будде вне себя» (*та фо*). Хуэйцзэн проповедует, что каждый из нас является само-Буддой и не стоит думать ни о каких других Буддах, а также, что нет Будды вне Будды, то есть вне сердца, поэтому и сказано: «Возвращаясь к себе, обретаем прибежище в Будде».

149 Три тела Будды (трикая) считаются одной из форм триединства Будды, который может быть представлен тремя проявлениями как в нашем мире, так и в нашем сознании. Каждое из тел автоматически свидетельствует о наличии двух других. В буддизме Махаяны тремя телами считаются нирманакая (приобретенное или измененное тело), самбхогакая (тело блаженства) и высшее тело дхармакая (тело Закона).

150 ...количество подобно песчинкам реки Ганг (кит. *ханьша*, санскр. *Ганганаджвалука*) — известное сравнение, часто встречающееся в китайских и индийских сутрах.

151 *Верхний мир (шан цзе)* — в буддийской космогонии верхняя часть мира, соответствующая Небу. Верхний мир подразделяется на Небеса мира желаний, Небеса мира физических проявлений (санскр. *рупа*) и на Небеса отсутствия физических проявлений (*арупа*). В своем самосовершенствовании человек проходит все три уровня. Преодолевая желания, замутняющие сознание, человек, тем не менее, еще сохраняет свое физическое тело и, как следствие, вынужден поддерживать его, то есть сохранять привязанность к материальному миру. На уровне третьих Небес эта привязанность устраняется.

152 *Нижний мир (ся фон)* — три области, где пребывают злые существа, обычно символизирующие ад, или совокупность трех путей зла.

153 «Три зла», «три скверны» (*сань э*), или «три яда» (*сань ду*): алчность, гнев и иллюзии. Они соответствуют трем путям зла: пути ада, пути голодных демонов, пути скотины.

154 *Возможности и условия (кит. цзюань)* — возможности и условия просветления, случай и карма, совокупно ведущие к просветлению.

155 ...но завистники вновь выследили его — в тексте дословно «группа злодеев» (*э дан*), под которой подразумеваются те последователи Пятого патриарха Хунжэня, которые не хотели признавать за Хуэйнэном титул Шестого патриарха.

156 *Цюйцзян* — местечко на юге Китая, в Гуандуне (южная часть уезда Лэчан).

157 *Фада* — это первое упоминание в источниках монаха, прославившегося в истории чань-буддизма. Более подробная его биография дана в «Записях о передаче светильника» [47, цз. 51, 237в-238б].

158 Область Хунчжоу располагалась на территории современного уезда Наньян в провинции Цзянсу.

159 *Лотосовая сутра (Фахуа цзин)* — одна из наиболее почитаемых сутр в чань-буддизме, переведенная Кумарадживой. Полное ее название: «Саддхарама Пундарика Сутра» (кит. «Мяофа лянхуа цзин») — «Лотосовая Сутра Благого закона», [см. 26]. Сутра состоит из семи цзюаней и 28 разделов.

160 *Пратьяя (сянгу)* — поступки и условия, приводящие к определенным результатам.

161 ...Будда глаголет не словами — имеется в виду, что прозрение Будды в себе никак не связано с произнесением слов.

162 ...цветы лотоса будут произрастать из твоих уст — цветок лотоса является символом Будды. Поскольку полное китайское название сутры — «Лотосовая Сутра Благого Закона», то подразумевается, что мудрость этой сутры сама будет проистекать изнутри человека.

163 Это третья часть второго цзюаня «Лотосовой сутры».

164 ...раскрытием взора познания Будды — имеется в виду «взор познания просветления», или «взор познания Будды», то есть потенциальная способность каждого человека познать высшую истину, постичь собственную природу и получить просветление.

165 ...на повозке, запряженной белыми волами — символ Большой колесницы, или учения Будды.

166 И когда ты не будешь смотреть [на Будду] лишь как на отца, [на других людей] лишь как на сыновей его, [а на все эти сокровища] лишь как на предмет для использования... — это высказывание Хуэйцзэна напрямую соотносится с пассажем из «Лотосовой сутры», где определяются три типа отношений, или «мыслей»: «отцовские мысли» (*фу сян*), «сыновние мысли» (*цзы сян*) и «мысли об использовании» (*юн сян*). Под «отцом» в притче «Лотосовой сутры» подразумевается некий богач, обладающий несметными сокровищами всего мира, т.е. сам Будда. «Сын» — это бедняк, т.е. все живые существа, обделенные истинным знанием. Под «мыслями об использовании» притча сутры подразумевает использование самого «сокровища», то есть знания Будды. Хуэйцзэн же призывает отказаться от разделения на «отца» и бедных «сыновей», поскольку любой человек в потенции и есть сам Будда.

167 ...Тремя этапами добра — начальным, средним и последующим — здесь фактически дается онтологическая картина «развертывания» добра (*шань*) в этом мире. Первый этап был представлен шраваками, т.е. начальными учениками, лишь «слушающими» и обсуждающими наставления, но зачастую не способными воплотить их в поступки; второй этап представлен пратьека-буддами, которые уже могут достичь просветления и освобождения от пут мира, но не способны принести это освобождение другим людям; третий этап воплощает собой появление бодисаттв, которые намеренно не уходят из этого мира в нирвану, дабы заботиться о спасении других людей. Таким образом, в учении Хуэйцзэна эти «три колесницы» рассматриваются как логические этапы развития буддизма, хотя и ушедшие в прошлое. В отличие от него, Мацзу крайне резко выступал против шраваков и пратьека-будд

168 Как же узнать, что внутри горящего дома — горящему дому или горящим покоям обычно уподобляются в буддизме все три мира, которые пожираются огнем человеческих страстей и заблуждений.

169 Область Шоучжоу была учреждена в VII-VIII веках, а в первой четверти нашего века стала уездом Шоусянь, который ныне располагается в провинции Аньхуэй.

170 Первые пять виджнян и восьмая виджняна переходят друг в друга на высшем этапе, в то время как шестая и седьмая виджняны — на начальном этапе — буддизм рассматривает восемь типов знания, или виджнян (кит. ба ши). Пять первых типов виджнян соотносятся с пятью органами чувств и дают нам чувственное восприятие мира. Восьмая виджняна — алая-виджняна, или «сознание-сокровищница». Шестая виджняна — клиста-мано-виджняна, или «сознание-основа самоосознания», седьмая — мано-виджняна, или «размышляющее сознание». Смысл этого высказывания Хуэйцзэна таков: первые пять и восьмая виджняна соотносятся со стадией Будды, шестая и седьмая виджняна — со стадией бодисаттвы. На первой стадии, называемой «мудита», или «этап радости», бодисаттва осознает пустотную природу как самого себя, так и всех вещей. Таким образом он трансформирует свое «сознание клиста-мано» в «Мудрость сокровенного видения». На стадии Будды пять чувственных типов знания (пять виджнян) трансформируются в высший тип «сознания-сокровищницы», который соответствует «Мудрости-зеркалу».

171 ...в Драконовом Самадхи (кит. нацзя дин) — самадхи, уподобляемое по своей мощи дракону, который когда лежит, воплощает собой полный покой, когда вздымается — необоримую силу.

172 И посему отныне могу покончить со всеми именами, что лишь замутняют [сознание] и загрязняют [нашу природу] — то есть отказаться от попыток определить на словах смысл трикаи и праджни и постигать это только изнутри собственного сердца.

173 Чжичан упоминается в «Записях о передаче светильника» [47, цз. 516, 239а-б. }

174 Область Синьжоу была образована в эпоху Тан (618-907), сейчас это уезд Шанчао в провинции Цзянси.

175 Монах Датун (досл. «Великое проникновение») — одно из монашеских прозвищ Шэньсюя, руководителя т.н. «северной» школы чань-буддизма и в этом смысле духовного соперника Хуэйцзэна, возглавлявшего т.н. «южную» школу. Здесь в тексте «Сутры Помоста» ошибка: Шэньсюй никогда не жил в горах Байфэншань, равно как и не было в этой местности другого монаха по имени Датун. Современные буддийские комментаторы относят этот отрывок к «неофициальной истории» (бе чуань) школы Хуэйцзэна и считают его более поздней допиской, сделанной с целью показать преимущества учения Хуэйцзэна перед Северной школой Чань [см. 22, 145].

176 И если бы я не явился в покои к Наставнику, Так бы и остался сбит с толку этим учением о двух головах — этот параграф отсутствует в дунхуанском варианте «Сутры Помоста».

177 *Три колесницы* — колесница шраваков, пратьека-будд и бодисаттв.

178 *Наивысшая колесница (цзуй шан чэн)* — этот термин встречается в «Алмазной сутре» [цз. 9, с. 755a].

179 *Син* — этот термин имеет ярко выраженный «практический» оттенок: «практика», «поступки», «дела», «движение», то есть Хуэйцзэн говорит об исключительно практическом, прикладном характере Чань.

180 Весь этот эпизод отсутствует в дунхуанском варианте текста «Сутры Помоста».

181 *...какое же тело [из двух] угасает в безмятежности* — «Угаснуть в безмятежности», или «тихо угаснуть» (кит. *цзиме*) — одно из обозначений нирваны. В своих дальнейших рассуждениях монах путает нирвану с физическим «тихим угасанием» человека.

182 *...физическое тело, умирая, распадается на четыре великих стихии Махабхута* — четыре великих стихии (санскр. *Махабхута*, кит. *сы да*): земля, вода, огонь, ветер. Из этих четырех субстанций состоит всякое физическое тело, в том числе и человек. Первая из пяти скандх — «материальное начало» (санскр. *рупа*, кит. *сы*) — включает в себя именно эти четыре великих первостихии. Таким образом, смерть понимается как распадение первой из пяти скандх, в то время как четыре остальных (ощущение-ведана, способность к созданию образов-самджня, действие-самскара и сознание-виджняна) проходят значительно более сложные трансформации после физической смерти человека.

183 Данные рассуждения ученика Хуэйцзэна представляют собой один из ярких примеров буддийской логики, характерной для ранних школ Махаяны и нередко заводившей последователей в тупик.

184 *Сын Будды* (санскр. *Гина*, кит. *шицзы*) — монах, бхикку или бхикшу.

185 *...придерживаешься ложных взглядов о «конечном и постоянном» (дуань чан)* — один из видов ересей, против которых выступали ранние школы Чань.

186 *Ни в одном моменте нет ни проявлений жизни, ни проявлений смерти...* «Один (любой) момент» (санскр. *ксана*, кит. *шана* или *няньнянь*) — имеется в виду неизмеримо малый момент по своей мимолетности, противопоставляемый вечным кальпам.

187 *...Эти люди, что принадлежат к двум колесницам* — «слушающие» (шраваки) и пратьека-будды («Будды для себя», достигшие индивидуального просветления, но не заботящиеся о спасении других людей). Обе эти категории

представляют собой прошлый этап развития буддизма, в то время как сейчас наступила эпоха бодисаттв, которые прежде всего заботятся о спасении других людей.

188 ...*шестидесяти двух типов ложных взглядов* — речь идет об ошибочных суждениях, которые уводят человека в сторону от истинного освобождения сознания. Они связаны с односторонностью оценки наиболее важных моментов существования человека и мира: вечного и умирающего, времени, жизни и смерти и т. д., когда ложным образом концептуализируется одно в ущерб всем другим взглядам. Первую группу ошибок образует односторонняя оценка через пять скандх (физическое начало, ощущение, способность к созданию образов, действие, сознание) каких-либо объектов и явлений: возникновение постоянства, отсутствие постоянства, и постоянство и его отсутствие, отсутствие как постоянства, так и его отсутствия. Совокупно это образует первые двадцать «ложных взглядов». Вторые двадцать ложных взглядов образуются за счет взаимодействия пяти скандх с четырьмя утверждениями о «крайнем пределе» (санскр. *пранта*, кит. *бяньцзи*): наличие предела, отсутствие предела, одновременное существование как наличия, так и отсутствия предела, одновременное отсутствие как наличия, так и отсутствия предела (о «пределе» см. след. сноску). Третьи двадцать ложных взглядов образованы взаимодействием пяти скандх с оценкой «прихода и ухода» (жизни и смерти), или «прошлого и будущего» (кит. *цюлай*): наличие «прихода и ухода», отсутствие «прихода и ухода», наличие как прихода, так и ухода, отсутствие как прихода, так и ухода. Еще два ложных взгляда связаны с неверной оценкой физического (санскр. *рупа*, кит. *сэ*) и психического (санскр. *нама*, кит. *синь*) начал в человеке, когда выделяют лишь одно из этих двух начал, забывая о другом.

189 «*Два односторонних суждения и три крайних предела*» (кит. *эр бянь сань бяо*) — один из основных постулатов буддийской логики. «Два односторонних суждения» (санскр. *Антарграхадрсти*): либо о наличии, либо об отсутствии (или бытие или небытие, или вечность или не вечность). «Три крайних предела» (санскр. *пранта*): либо прошлое, либо настоящее, либо будущее, или внешнее, внутреннее и середина, в то время как просветленное сознание не имеет времени.

190 *Шесть корней* (санскр. *шесть индрий*, кит. *лю гэнь*) — шесть каналов получения информации об этом мире: глаза, уши, нос, язык, тело и мысль.

191 *Цзичжоу* — современный уезд Цзиань в провинции Цзянси.

192 *Ступени совершенствования (цзицзи)* — во многих школах буддизма существовало множество формальных признаков, благодаря которым можно было отнести последователя Дхармы к одной из нескольких десятков или даже нескольких сот ступеней просветления, или ступеней совершенствования. Чаньские патриархи считали, что в реальности эти ступени не имеют никакого отношения к достижению просветления.

193 ...сделал Синсы старшим в общине (шоу чжун) — в официальной структуре монашеской сангхи такого звания не существует. Вероятно, Хуэйнан делает Синсы ответственным за соблюдение ряда уложений в общине.

194 Чаньский наставник Хуайжан — Хуайжан с гор Цинъюэ (Цинъюэ Хуайжан, 677-744). По одним сведениям, он был прямым учеником Хуэйна, по другим — учился у одного из последователей Хуэйна и возглавлял одну из крупнейших школ своего времени. В основном известен как «учитель Великого наставника Мацзу».

195 Область Цзиньчжоу — сегодня уезд Анькан в провинции Шэньси.

196 Государственный наставник Хуэйань — «Национальный», или «Государственный наставник» (*го ши*) — звание, присуждаемое за выдающиеся заслуги в проповеди буддизма. Здесь речь идет об одном из последователей школы Пятого патриарха Хунжэна, который после смерти учителя поселился в горах Суншань, недалеко от монастыря Шаолиньсы. Современники называли его «Государственный Наставник Старый Ань» (*Лаоань го ши*).

197 «Появится Жеребенок, что будет попирать своими копытами всех людей в Поднебесной» — этот пассаж является одним из ключевых в формировании традиции раннего чань-буддизма. Предсказание про «жеребенка, что будет попирать своими копытами всех людей Поднебесной» относится к чаньскому наставнику Мацзу (709-788) (первый иероглиф его имени переводится как «лошадь»). Вероятно, этот отрывок не относится к первоначальному варианту «Сутры» и появился позже, чтобы показать Мацзу продолжателем традиции Хуэйна через Хуайжана, поскольку именно Хуайжан стал учителем Мацзу. Реальность обучения Хуайжана у Хуэйна вызывает сомнения (см. вводную статью).

198 Вэньчжоу — область (затем — уезд), учрежденная в династию Тан. В эпоху Суй принадлежала области Юнцзя. К XIV веку переименована в округ Вэньчжоу. В настоящий момент — это уезд Юнцзя в провинции Чжэцзян.

199 ...был искушен в методиках самадхи и медитации-випассаны... Самадхи (кит. *чжи*, дословно «останавливать») — одно из общих обозначений техники созерцания. Випассана (кит. *гуань*, досл. «взирание») — высшая стадия медитативной практики, в результате которой и достигается трансцендентная мудрость-праджня. На уровне випассаны человек освобождается от желаний, вызванных нашим физическим телом (*рупа*), от чувства эгоизма (*нама*), познает сущность скандх и наличия двух истин — истины мирской жизни (*сансары*) и высшей истины (*нирваны*).

200 Сердце-основа (*синь ди*, дословно «сердце-земля») — одно из важнейших понятий Чань: «твое сердце и есть Будда», и не следует искать Будду вне собственной души. Эта концепция получила особое развитие у наставника Мацзу, до него «сердце-основа» могло выступать в качестве синонима алаи-виджняны («сознания-сокровищницы»).

201 *Милосердный* — «гуманный» (*жэнь чжэ*), вежливое обращение к монаху как напоминание о безмерном милосердии Будды, спасающем все живые существа.

202 ...*Но еще не было человека, который мог бы проверить это* — «засвидетельствовать» (*чжэнмин*). По чаньской традиции после индивидуального достижения просветления необходимо, чтобы один из известных наставников засвидетельствовал реальность факта достижения просветления.

203 *Бхисмагарджитасавара Раджа* (кит. *Вэйпнь ван*) — первый Будда.

204 *Принцип «нерождения»* (*у шэн*) — учение Чань провозгласило принцип «достижения просветления в нынешнем теле», то есть без дополнительных перерождений.

205 *В ту же ночь жители Северного берега Хуанхэ слышали глас с Небес: «Наставник Чжихуан сегодня достиг Дао!»* — этой фразы нет в дунхуанском варианте текста «Сутры».

206 ...*четырем категориям людей* (*сы чжун*): монахи, монахини, миряне женщины и мужчины. Под этим выражением подразумевается всеобщая открытость проповеди Чань.

207 ...*потряс своим монашеским посохом* — на монашеском посохе (*кхаккхара*) обычно укреплялись кольца или колокольца, издававшие звон. Благоверный монах перед тем, как поставить посох на землю, должен сначала звуком отпугнуть всю живность, дабы никому не причинить вреда.

208 ...*я повстречал Великого учителя Бодхидхарму* — эпизод о встрече монаха Фанбяня с Бодхидхармой отсутствует в дунхуанском варианте текста. Он был вставлен позже, дабы подтвердить «официальность» передачи рясы Шестого патриарха Хуэйцзэну и указать на мистическую духовную связь патриархов.

209 *Истинное око Дхармы Махакашьяпы* — эзотерическая суть буддийского учения. Махакашьяпа — второй патриарх буддизма, который смог выразить суть учения Будды лишь легкой улыбкой на лице, без слов и письмен, за что высоко ценился в Чань.

210 ...*станешь Нивой благодати* — «нива благодати», или «поле счастья» (*фу тянь*) — это наставник, служащий примером для всех людей. Здесь Хуэйцзэн произносит традиционную посвятельную формулу.

211 ...*чаньским наставником Волю нем* — имя Волюня не встречается ни в каких других источниках. Возможно, данный пассаж имеет более позднее происхождение, чем основной текст «Сутры».

212 *Цзиннань* — местность, располагавшаяся на территории современного уезда Данянсянь в провинции Хубэй, где сегодня и находится монастырь Юйцюаньсы.

213 ...*Суть буддийской Дхармы — единая школа (цзун)* — понятие «цзун» в лексиконе Хуэйцзэна имеет несколько значений: «школа», «учение», «суть учения», и в своих проповедях он часто использует многозначность этого термина.

214 *Он достиг мудрости вне учителя...* — чаньское выражение «мудрость вне учителя» (*уши чжи чжи*) означает уникальную способность какого-либо человека достичь просветления без наставлений учителя, что случается крайне редко.

215 ...*передал ему одежды учения* — передать «одежды учения», или «буддийскую рясу» (*и фа*), означает передать титул патриарха школы. Весь отрывок, в котором Шэньсюй признает свою вторичность по отношению к «истинному» патриарху Хуэйцзэну, безусловно, написан представителями школы Хуэйцзэна. В реальности же Шэньсюй, равно как и его последователи, всегда считали, что истинная традиция заключена лишь в их школе.

216 ...*отягощен государственной милостью* — вероятно, речь идет о том периоде, когда Шэньсюй был назначен наставником императора в Лояне и не мог покидать свой пост.

217 *Взирать на чистоту сердца — это скорее недостаток...* — здесь Хуэйцзэн использует термин «бин» — дословно «болезнь», «недостаток». Синонимом этого термина является «чань бин» — «чаньская болезнь», что означает неправильные методы медитации, заблуждения, которые ведут, в конце концов, к утрате истинного пути.

218 ...*в течение девяти лет* — девять лет считаются священным сроком в чань-буддизме из-за того, что Бодхидхарма сидел в медитации лицом к стене именно девять лет. Кроме того, иероглиф «цзю» («девять») звучит так же, как и иероглиф «долгий», поэтому фразу можно перевести и так: «я очень долго учился».

219 *Дисциплинарные правила (сила), созерцание (самадхи) и мудрость (праджня)* — три основных составляющих чань-буддийской практики.

220 ...*алмазная крепость* (санскр. *Ваджра*, кит. *цзинган*) — дословно «алмаз», символ крепости и вечности буддийского учения.

221 *Лишь тот, кто в реальности не ограничивает себя одним учением, может постичь мириады учений...* — возможен другой перевод: «лишь тот, кто не придерживается только одной дхармы, способен утвердиться в мириадах дхарм».

222 *...самопробывания в духовном проникновении...* — «духовное проникновение» (*шэнь тун*) здесь является синонимом санскритского понятия «сиддхи» — духовная энергия.

223 *...в чем смысл выражения «не опираться»? — беседа о том, что такое «опираться» и «не опираться» (ли — були), восходит к первому завету Бодхидхармы «не опираться на письма» (були Вэньцзы).* Последующие поколения чаньских учителей значительно расширили трактовку этого завета Первопатриарха, подразумевая не только собственно письменные знаки, но и любые слова, понятия и даже ключевые буддийские термины.

224 *...постоянно отрываясь от проявлений дхарм, свободно пребывая сами в себе — под «проявлениями дхарм» (фасян)* подразумеваются внешние формы, вещи и явления, которые не позволяют увидеть, что за ними стоит единая Дхарма. Выражение «свободно пребывая сами в себе» дословно переводится как «сами исходят и сами пребывают [здесь]» (*цзы ю цзы цзай*), что свидетельствует о полной спонтанности проявлений истинной природы человека.

225 *Патриарх протянул ему деньги...* — эпизод с деньгами станет ясен, если вспомнить, что сам Хуэйнан покинул дом и ушел в монахи после того, как бродячий монах дал ему денег, чтобы поддержать семью. Поэтому Хуэйнан как бы возвращает деньги, когда-то полученные им, передавая их тому, кто так же, как и он когда-то, уходит от мира.

226 *...[воспитываю себя] подвижничеством* — в оригинале использованы иероглифы «син гу», что дословно переводится как «трудные поступки», а также может означать аскетизм.

227 *...представителям других школ, которые придерживались ложного постоянства, а люди двух колесниц...* — под представителями других школ («внешний путь») здесь подразумеваются не-буддийские школы, в том числе даосы с их трактовкой «постоянства» как Дао. «Люди двух колесниц» — шравaki и пратьека-будды.

228 *...истинное постоянство, истинную радость, истинное Я и брение сердца* — в учении Хуэйнанэ это именуется четырьмя добродетелями (*сы дэ*).

229 *...последнее наставление Будды* — это наставление содержится в «Паринирвана-сутре», которая представляет собой последние наставления великого учителя перед его уходом.

230 ...Шэньхуэй, родившийся в клане Гао в Шэньяне, пришел из монастыря Юйцюаньсы — то есть Шэньхуэй был последователем «северного» направления чань-буддизма, поскольку, как говорится в начале этой главы, в ту пору руководитель Северной школы Шэньской проповедовал в монастыре Юйцюаньсы, откуда и пришел Шэньхуэй. Шэньхуэй принял после смерти Хуэйнэна руководство его школой и сделал все для того, чтобы за его учителем закрепился титул Шестого патриарха Чань.

231 Если ты обладаешь знанием основы, то знаешь и ее правителя — «основой» (бэнь) в чаньской доктрине обычно именуют сердце, а его «правителем» (чжу) — изначальные природные свойства человека, или его «само-природу» (цзы син).

232 Отрывок от слов: «Наставник сказал» — до: «...воскликнул Хуэйнэн» отсутствует в дунхуанском варианте рукописи.

233 Здесь речь идет о самскрита-дхарме, то есть о парных элементах, взаимопорождающих друг друга и приводящих к двойственности в сознании.

234 В наиболее раннем варианте «Сутры» из Дунхуана этот отрывок помещен значительно выше и следует сразу после диалога Хуэйнэна с Чжичанем. Возможно, что первоначально он был частью записей бесед Хуэйнэна с учениками.

235 Даже если ты поселишься в соломенной хижине, то все равно сумеешь стать лишь «последователем учения знающих и трактующих»! — «поселиться в соломенной хижине» (дословно «покрыть голову соломой») означает вести отшельнический образ жизни, полный подвижничества. Под фразой «последователем учения знающих и трактующих» подразумеваются последователи буддийской школы, которые черпают свои знания лишь из письменных текстов и досужих рассуждений об этом, не опираясь на интуитивную мудрость и учение о сердце. По сути, Хуэйнэн говорит, что Шэньхуэй недалеко ушел от буддийских начетчиков.

236 Этот параграф представляет собой явно более позднее привнесение в «Сутру» и, по-видимому, дописан последователями школы самого Шэньхуэя с целью смягчить достаточно жесткую характеристику, которую дал Шэньхуэю Шестой патриарх, равно как и весь нелицеприятный характер отрывка. Шэньхуэй впоследствии действительно стал руководителем одной из самых влиятельных и интересных школ чань-буддизма. «Лотосовый Пруд» (Хэцзэ) — название монастыря, где проповедовал Шэньхуэй, отсюда и пошло название его школы.

237 ...То, что не имеет двух природ, именуется «доподлинной природой», и на этой доподлинной природе стоят все школы и учения. И говоря об этом, надо тотчас прозреть [собственную природу]! — здесь Хуэйнэн

говорит об относительности всяких названий, обращая внимание учеников на вынужденный характер каких-либо терминов. В чаньском учении слово должно моментально реализовываться в действие, в этом смысл призыва Хуэйцзэна «говоря об этом (т.е. произнося «сердце», «само-природа»), надо тотчас прозреть...». Примечательно, что заключительный отрывок этой части смутно отражает какой-то конфликт внутри школы Хуэйцзэна.

238 *Колесница Единого (и чэн)* — буддизм Махаяны.

239 *...остаток своих дней в «горных чащах»* — дословно «в лесах, что расположены у подножия гор».

240 *...учения о «двух колесницах» — быка и оленя* — речь идет о критике шраваков и пратьека-будд.

241 *Со слов «Природа этого...»* — цитата из «Дао дэ цина».

242 *...а сегодня нет и смерти* — возможен другой вариант перс-вода: «И то, что они подразумевают под смертью, не является на самом деле смертью».

243 *...поднесено одеяние Моно* — дорогое ритуальное буддийское одеяние, которое изготавливается в Корее, откуда и получило свое название.

244 *Завет (кит. фучжу)* — дословно «поручать», «вверять», в буддизме так обозначалось последнее наставление, которое патриарх давал ученикам перед своим уходом.

245 *...каждый из вас станет наставником в своей местности* — Хуэйцзэн считается основоположником традиции «местных наставников», или «наставников одной местности» (*и фан ши*). По сути, это закрепляло конкретного носителя чаньского учения за отдельным регионом, в то время как до этого многие чаньские учителя просто бродили по Китаю и из-за этого часто не могли создать стабильную школу.

246 *...о близости и различиях в «появлении» и «исчезновении»* — «появление» (*чу*) — также «проявление»; «исчезновение» (*мэй*) — также «отсутствие».

247 *Скандха (кит. инь или юнь)* — дословно «куча», совокупность психических и материальных свойств человека. *Аятна (кит. цзе, дословно «мир»)* — сфера пребывания. *Дхату (кит. жу, дословно «проникновение»)* — «корень», элементы или классы элементов. В палийских текстах «дхату» имеет несколько значений: чаще всего обозначает четыре базовых элемента: земля, вода, огонь, ветер; в тексте «Сутры Помоста» употребляется для обозначения 18 классов элементов (см. ниже).

248 *Пять скандх* (кит. у юнь) — дословно «пять куч», или «пять скоплений», одна из ключевых концепций буддизма как Хинаяны, так и Махаяны. В этом пассаже Хуэйцзэн проповедует как вполне консервативный представитель старых до-чаньских школ. Пять скандх подразделяются на две группы явлений, первая из которых относится к материальному миру, вторая — к психическому миру, или «сердцу» (санскр. *нама*, кит. *синь*). Первая скандха (санскр. *рупа*; кит. *сэ*), представляющая собой всю совокупность материального мира, включает землю, воду, огонь, ветер, формирующие человека и весь физический мир. Вторая скандха — «ощущение» (санскр. *ведана*, кит. *шоу*) — это способность ощущать приятное, неприятное и нейтральное для человека, причем именно «ощущение» и считается основным началом, что загрязняет сознание, поскольку создает желание вновь воспроизвести это ощущение и тем самым формирует привязанность к миру. Третья скандха — «образы», или «способность к созданию образов» (санск. *самджня*, кит. *сян*) — обуславливает человека рождать различные представления и чувства. Четвертая — «действие» или «деяние» (санск. *самскара*, кит. *син*) — представляет собой всякую деятельность, ведущую к изменению кармы, психических свойств человека и материальных предметов. Наконец пятая скандха — «сознание» (санск. *виджняна*, кит. *ши*) соединяет воедино способность к формированию представлений и деяния, сберегает опыт и дает оценку поступкам и мыслям.

249 ...различие в «использовании» происходит из самой нашей природы — понятие «использование» (*юн*), или «функция», большинством комментаторов [в частности, 22, 189] рассматривается в контексте бинарной оппозиции «основа-функция» (*ти-юн*). При этом «основой» считается изначальная природа человека, которая проявляется, или «обретает свою функцию», через некие внешние проявления. Из контекста фразы видно, что все поступки человека, зло или добро, которое он несет, прежде всего зависят от чистоты или, наоборот, загрязненности его «основы» — изначальной природы.

250 ...обладания формой (*рупа*) и необладания формой (*арупа*)... Рупа (кит. *сэ*) — форма, материальный объект, нечто, имеющее внешние феноменологические проявления. В буддизме Махаяны рассматривается как первая из пяти скандх, соотносящаяся с материальным миром, в то время как четыре остальные соотносятся с миром психического (кит. *синь* — «сердце», «душа»). Поскольку материальное начало ограничивает человека и замутняет его сознание, то все, что относится к «рупа», т.е. материальные объекты, по учению буддизма располагаются в мире Низших небес. Форме-материи логически противостоит «арупа» (кит. у сэ), т.е. нематериальное, или Пустота (санскр. *шуньята*, кит. *кун*), где и должно пребывать чистое сознание человека.

251 *Асрава, анасрава* (кит. *лоу*) — отравляющее влияние внешнего мира, проникающее в человека через его органы чувств и замутняющее изначальную чистую природу человека.

252 ...опустошить себя от [идеи] Пустоты — речь идет о последователях ряда буддийских направлений, объявивших о том, что все есть абсолютная Пустота (санскр. *шуньята*, кит. *кун*). В «Сутре» критикуется не сама

концепция Пустоты как глобального истока бытия, но слепая приверженность этой идее, заставляющая отбрасывать все иные духовные представления и морально-этические уложения.

253 «Не следует использовать письма» (*бу юн взньцзы*) — парафраз одной из ключевых концепций, приписываемых Бодхидхарме: «не опираться на письма» (*бу ли взньцзы*) (см. ниже). Здесь критикуется внутреннее направление чаньских последователей, которые слишком буквально поняли этот завет Бодхидхармы, отрицая всякие тексты и ценя лишь безграмотность как едва ли не проявление святости.

254 ...создает множество мест для проповедей — дословно «площадка для проповеди Пути» (*даоян*), аналог и перевод санскритского понятия «бодхиманда» («место для просветления»), обычно так именуются буддийские храмы, хотя речь может идти и просто о небольших площадках перед кумирнями, где бродячие монахи читали проповеди.

255 «...они являются причинами друг друга, формируя смысл Срединного Пути» — речь идет о базовой буддийской концепции причинности и взаимосвязи всего со всем, всех дхарм этого мира. Существуют «базовые причины», или «предшествующие условия» (кит. *ин*, санскр. *хету*), изначально существующие в этом мире, и причины, порождаемые определенными феноменами (кит. *сян*, санскр. *пратьяя*). Предшествующие условия обозначают непосредственную причину и прежде всего мотивы поведения человека, которые ведут к накоплению его кармы, в то время как все остальные причины происходящего в мире, т.е. пратьяя, в свою очередь, оказываются порождены именно первичными условиями. Таким образом два типа причин соотносятся друг с другом как причина и следствие.

256 Младший учитель, или малый учитель (*сяо ши*) — последователь, целиком получивший наставления в десяти заповедях. Кроме того, так обычно именовались ученики первого поколения в школе.

257 Нет ни одной [вещи], что содержала бы в себе истину... — то есть «ни одна вещь в мире не является реальной воистину».

258 ...станешь тождественен тому, что не обладает ни чувствами, ни движением — обычно комментаторы считают, что речь идет о камне и дереве, когда говорится о состоянии «вне чувств и вне движения».

259 «[Пребывание] же в недвижимости» означает [лишь простое] отсутствие движения, а пребывание «вне чувств» означает отсутствие семян Будды — «Сутра» осуждает упрощенный взгляд на Чань как на «пребывание вне движения», или «в недвижимости» (*бу дун*) и «пребывание вне чувств», или «будучи незахваченным чувствами» (*у цин*). Эти односторонние взгляды, сводящие Чань к простой сидячей медитации и «устранению

желаний», активно распространялись противниками Чань в VIII веке и даже стали популярными среди ряда буддийских школ, считавших себя истинными носителями Чань. Дословно фраза переводится так: «Вне движения — это вне движения; вне чувств — это вне семян Будды».

260 ...должно быть записано и распространено под названием «Фабао таньцзин» («Сутра Помоста драгоценности Дхармы») — (произведение под названием «Драгоценности Дхармы») (санскр. *дхармаратха*) обычно включает в себя суть учения конкретного наставника или собрание его ключевых наставлений.

261 Берегите ее и передавайте из поколения в поколение, дабы спасать живые существа — обычно чаньские комментаторы считают, что эта и предыдущая фразы являются более поздней вставкой, а патриарх Хуэйцзун не мог говорить столь нескромные слова [22, 202].

262 И если на одном цветке раскрылись пять листьев, то плоды рождаются сами — одна из самых известных и многозначных фраз чань-буддизма. В данном случае имеется в виду, что после Бодхидхармы («один цветок») учение передавалось последовательно еще пяти патриархам Чань («пять листьев»). Прямая передача патры и рясы заканчивается на Шестом патриархе, которым стал Хуэйцзун. Институт патриархов как абсолютных воплощений учения Чань становится ненужным, поскольку большинство последователей «обладают мощными и плодоносными корнями». Таким образом кладется конец и догматическим спорам между чаньскими школами о лидерстве. Другая трактовка той же фразы считает, что речь идет о пяти основных школах Чань — «пяти листьях» (*у е*), выросших из проповеди Дамо.

263 Чистая земля (кит. *цзинь ту*) — буддийский рай, место пребывания великих патриархов.

264 «Взирание в покое» (*гуань цзин*) и «опустошение сердца» (*кун синь*) являются двумя основополагающими техниками буддийской медитации. Хуэйцзун в своей проповеди переносит упор с чистой (т.н. беспредметной) медитации на естественное следование событиям и достижение изначальной чистоты сердца, в чем ощущается даосское влияние.

265 ...появится некий человек, что украдет мою голову — голова Хуэйцзуна действительно была отсечена и выкрадена ночью 3-го дня восьмой луны 722 года.

266 ...прежде всего кормите родственников — здесь игра слов: выражение «ян цинь» означает как «поддерживать родителей», так и «поклоняться родному».

267 *Во рту должна быть пища* — одна из самых «темных» фраз предсказания. Традиционный комментарий не очень убедителен, говоря, что человек, выкравший голову Хуэйцзэна, был обуреваем плотскими страстями, которые традиционно по-китайски связывались с желудком или ртом [22, 207].

268 *Когда придут трудности, Ян и Лю станут чиновниками* — вероятно, речь идет о двух местных чиновниках, оказавших немало услуг по сохранению учения Хуэйцзэна. Лю Утянь стал наместником (*цзши*) области Шаочжоу, а Ян Кань — начальником, или главой управы (*лин*) Цюйцзяна. Именно они вели расследование по делу о выкраденной голове Хуэйцзэна. Существует и иная трактовка первой части фразы: некий человек из уезда Лянсянь по имени Чжан Цзинмань в Хунчжоу в монастыре Кайюаньсы, пожертвовав две тысячи монет, получил «великое сострадание», т.е. благодать Будды, но затем не стал продолжать следовать всем буддийским заветам, и в его жизни начались несчастья. Поэтому фраза может быть переведена так: «Когда [Чжан Цзин]-мань столкнется с трудностями».

269 *...реставрировать монашеские обители* — дословно речь идет о самгхораме (кит. *сэнцзяланьмо*) — так называлось любое место, где селились монахи.

270 *Таковы эти семь Будд* — семь последних Будд. Випассин спас 348 тысячи человек, Сикхин — 250 тыс., Виссабху — 130 тыс., Какусудха — 40 тыс., Конагамана — 30 тыс., Кашьяпа — 20 тыс. человек, Гаутама спас и продолжает спасать бесчисленное множество людей.

271 Здесь изложена каноническая линия передачи, которая сформировалась к XI веку и была изложена в трудах сунского монаха Цисуна. Как видно из текста, все патриархи делятся на три категории. К первой принадлежат бодисаттвы (Кумараджива и Нагарджуна), обозначаемые по-китайски «да ши» — «великий воин»; вторая — арья (кит. *цзунь нжэ*). А третья категория — китайские наставники (именуются «да ши», но в данном случае написание и значение иероглифа «ши» отличается от предыдущего и означает «великий учитель»).

272 *Монастырь Гозньсы (Милосердия государства)* — ныне называется Луншаньсы (*Драконых врат*), расположен в горах Луншань в уезде Синьсин в провинции Гуаньси. Во времена Хуэйцзэна эта область называлась Синьчжоу. Именно туда просит Хуэйцзэн перевести его перед своим уходом.

273 *...рождается наша чистая природа (цзин сын)* — речь идет об изначальной природе человека, данной ему при рождении и по сути ничем не отличающейся от той, что обладал Будда при своем рождении.

274 ...пробыл так до третьей стражи — то есть до полночи. Третья стража (полночь) является священным моментом в чань-буддизме, неслучайно Хуэйцзэн получает от Хунжэня рясу и патру Шестого патриарха ровно в полночь, и именно тогда же он уходит из мира.

275 ...перенесен священный склеп... — по буддийской традиции тело патриарха является одной из святынь. Оно было помещено в легкий склеп — раку, или двустворчатый ковчег (*кань*), изготовленный в виде небольшой пагоды. В такие раки помещались обычно священные статуи Будды. Затем склеп с телом Хуэйцзэна был помещен в большую пагоду.

276 ...с телом вместе с патрой и рясой — в монастыре в Цаоси до сих пор находится тело Хуэйцзэна, а также патра и ряса.

277 Чжун Цзун — император династии Тан.

278 Линтао — хранитель ступы с останками Хуэйцзэна. Как Линтао он фигурирует также в «Сун гаосэн чжуань» («Жизнеописания достойных монахов, составленные в эпоху Сун») [34, 7556] и в «Цзиньдэ чуаньдэн лу» («Записи о передаче светильника, составленные в годы правления под девизом Цзиньдэ») [47, 236в]. В ряде других произведений имя хранителя пагоды записывается как Синтао.

279 Примечательна сама дата, когда преступник пытался обезглавить Хуэйцзэна — 3 августа 722 года, то есть ровно через девять лет после того, как была поставлена ступа (713 год). А поскольку девять лет является священным сроком в чань-буддизме (именно столько Первый патриарх просидел в медитации перед стеной), то это явным образом указывает на мифологическую, а возможно и мистическую подоплеку этой странной истории.

280 ...уездному главе Ян Каню и наместнику Лю Утяню — именно этих двух чиновников упоминает Хуэйцзэн в своем последнем пророчестве: «Когда придут трудности, Ян и Лю станут чиновниками».

281 Эта история практически дословно повторена в «Чуаньдэн лу» [47, 236с-237а].

282 «Чаньский наставник Величайшего зеркала» — «величайшее зеркало» по-китайски также означает «величайший провидец».

Источник: **Письмена на воде**. Первые наставники Чань в Китае. Сост., пер., иссл. и комментарии А.А.Маслова. — Москва: Издательство Духовной Литературы, «Сфера», 2000. — 608 с. — Серия «Источники». ISBN 5-85000-058-5
ББК 86.3 М 31